

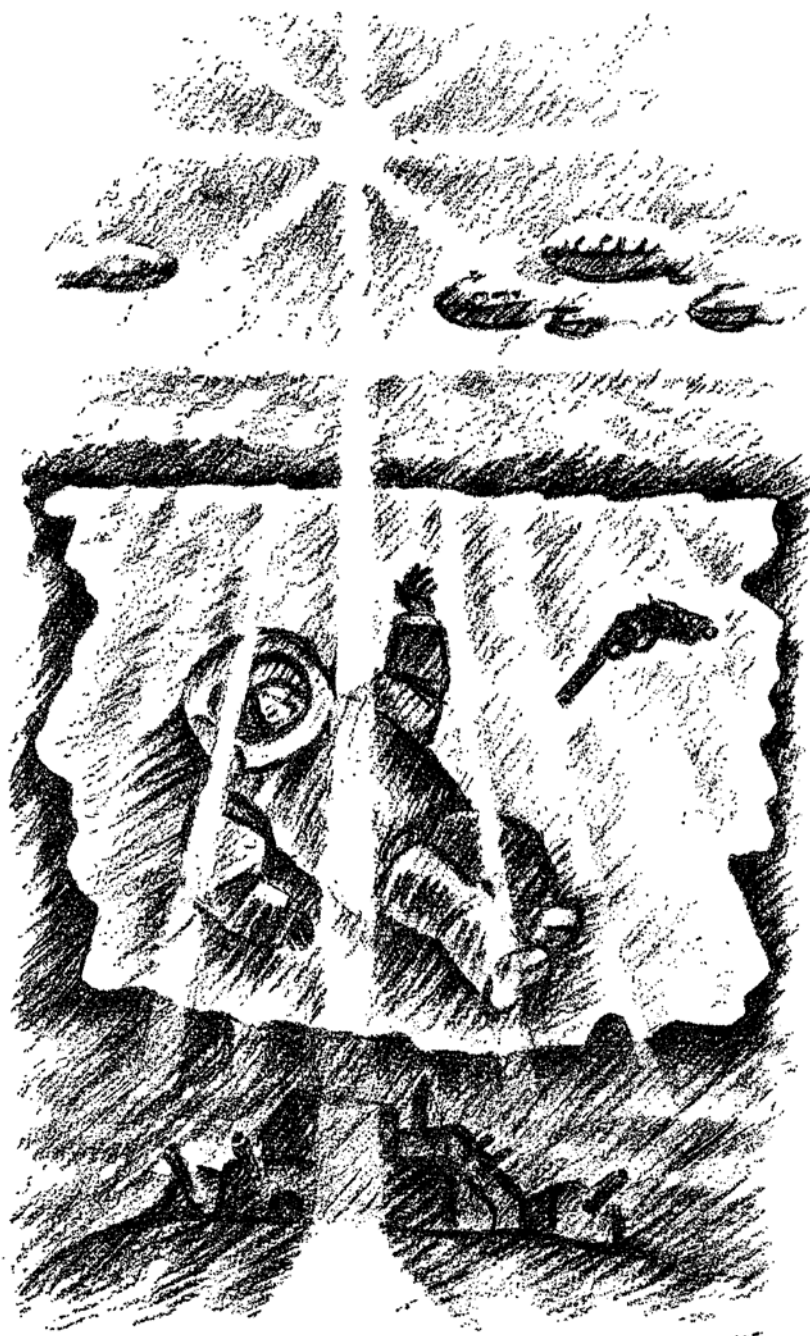

Аннотация

Советский писатель Григорий Гребнев (1902-1960) – автор ряда романов и повестей фантастико-приключенческого направления.

Фантастический роман «Арктания», рассказывающий о висящей в воздухе полярной станции, является сплавом вымысла и реальности, передает тревогу ожидания нападения фашистов на нашу страну.

Остросюжетная приключенческая повесть «Пропавшее сокровище» посвящена научно-исторической проблеме поиска библиотеки Ивана Грозного.

АРКТЕНИЯ

(Летающая станция)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. «Труп Амундсена должен сохраниться во льдах»

Это был обычный утренний выпуск хроники для школьников. Не показываясь на экране, дикторша говорила:

– Первого мая ребята пойдут на традиционные уличные карнавалы. А второго мая дети будут путешествовать.

Юра взглянул на экран: белое сафьяновое полотно экрана, мягкое и нежное, опущенное во всю длину и ширину одной из стен комнаты, внезапно превратилось в голубой квадрат неба. В этом небе тоненькой цепочкой плыл стратосферный поезд: один ракетный стратоплан и девять буксирных планеров.

– Стратопланы... – перечисляла дикторша. – Подводные электроходы... Подземные сверхскоростные поезда...

На экране мелькали, мчались, всплывали, причаливали и вырывались из тоннелей разнообразные машины. Их движение сопровождалось легким шелестом и ровным естественным голосом женщины:

– Все это для детей! Второго мая дети будут кататься по всему земному шару! Дети Арктики смогут взобраться на кокосовые пальмы в Африке!

Юра с восхищением рассматривал тонкие пальмы на экране и негритянскую детвору. Ему нестерпимо захотелось путешествовать.

– Дети с берегов Конго будут играть в снежки и кататься на аэросанях с гор Новой Земли, – продолжала дикторша.

На экране возник знакомый снежный пейзаж.

– Дети степей будут охотиться в сибирской тайге. Дети тропических лесов и тайги будут седлать лошадей и скакать верхом в американских прериях...

Очарование окончилось внезапно. Юра с минуту сидел в полной растерянности, потом выхватил из кармана свой карманный фонограф и крикнул в эбонитовую ракушку:

– Не забыть! Второго мая непременно полезть на пальму!..

Затем дикторша сообщила, что скоро в Париже созывается всемирная конференция лингвистов. Конференция собиралась выработать единый алфавит для всех народов.

На экране появился какой-то старенький лингвист, сияющий и улыбающийся.

Московский профессор Британов отлично поставил опыт оживления двух искусственно замороженных обезьян. Обе мартышки уже сидели на экране, и одна из них искала насекомых у своей подружки.

Французский профессор и инженер О. Ливен при помощи подземной торпеды, заряженной радием, собирался поднять затонувшую десятки тысяч лет назад горную гряду на дне Гибралтарского пролива. Естественная плотина – высотой в пятьсот метров и длиной в семнадцать километров – должна была преградить путь постоянному течению из Атлантического океана в Средиземное море и

вооружить человечество космической по мощности энергией. Эта энергия должна была в недалеком будущем электрифицировать все средиземноморские страны вместе с Малой Азией и оросить водами Конго пустыню Сахару.

Перед глазами мальчика происходили работы по сооружению шлюзов где-то на южном побережье Испании и в северном Марокко. С экрана задумчиво смотрел начальник гибралтарской экспедиции профессор Ливен, старомодно одетый француз, похожий на Ромена Роллана. Юра с уважением и завистью смотрел на человека, который мог создавать новые острова, горы и моря.

Последним появился на экране Роальд Амундсен. Мужественный облик норвежского полярного исследователя воспроизводился по старым музейным кадрам кинохроники, плоским, немым и одноцветным. Приближалась памятная дата, которая напоминала людям, что много лет назад из бухты Кингсбей¹ вылетел в свой последний полет Амундсен, вылетел – и не вернулся больше. В ознаменование этой годовщины правительство Норвегии устанавливало неугасаемую мемориальную световую надпись на небе над бухтой Кингсбей. Гигантскими буквами, подобными ленте северного сияния, над бухтой с сегодняшнего дня должны засверкать слова на трех языках – норвежском, английском и русском:

«ПОМНИМ АМУНДСЕНА»

¹ Кингсбей – один из крупных заливов архипелага Шпицбергена.

О мартышках профессора Британова, о парижских лингвистах и гибралтарской плотине Юра вскоре перестал думать, но об Амундсене не забыл. Каждый день он включал фонограф и выслушивал свою собственную фразу, сказанную им в тот день, когда он узнал о надписи над бухтой Кингсбей:

«Я мало знаю об Амундсене. Прочсть все книги о нем. Выслушать все звукозаписи о нем. Не! Пре! Мен! Но!...»

С этого и началось. Юра перерыл всю отцовскую библиотеку, связался по радио с центральной детской фонотекой в Москве и просил каждый день от трех до четырех часов дня передавать ему самые интересные звукозаписи об Амундсене.

Однажды Юра сидел у себя в комнате и листал книгу, изданную в 1940 году по старому летосчислению. Называлась книга скучно: «Высказывания об Амундсене», но мысли и слова ученых, литераторов, политических деятелей, рабочих и колхозников, напечатанные в этой книге, были очень интересны. Юра то и дело поворачивал голову к своему фонографу и произносил отдельные понравившиеся ему фразы. Вдруг он умолк. Отложил книгу. Удивленно оглянулся вокруг, потом снова взял книгу. Он прочел всего несколько слов, но эти слова ошеломили его.

Вот что напечатано было там:

Когда искали пропавшего без вести Амундсена, мне хотелось сказать во всеуслышание: «Если найдете живым, привезите его нам; если же найдете мертвым, не

берите с собой, похороните его тело во льдах Арктики. Там вечный холод, там мало бактерий, – тело погибшего Амундсена сохранится во льдах до той поры, когда мы, ученые, сможем оживить его, вернуть человечеству одного из самых замечательных героев Арктики...»

*Доктор С. С. Брюхоненко
Москва, 1935 год.*

2. «Дедушка, вы будете моим помощником...»

Шестого мая Юра продиктовал в свой фонограф:

– Говорил со Свенсоном. Он сказал: с холодным течением льды должны были продвинуться от восточных берегов архипелага Амундсена прямо к Исландии, потом пойти вниз, мимо Гренландии, идти, идти все время рядом с Гренландией, на юг, а потом повернуть направо (если смотреть от нас, от полюса), то есть на запад. Дальше льды очень медленно должны были пробираться Северо-Западным проходом. Значит, если Амундсен замерз в тех льдах, он во второй раз прошел, как когда-то на яхте «Йоа²», сквозь Северо-Западный проход. Свенсон говорит: течения и ветры за это время десять раз выносили его к Аляске, а потом к Врангелю, а потом к архипелагу Вейпрехта-Пайера, к бывшей Земле Франца-Иосифа, и сейчас, если льды с его трупом не растаяли, они должны быть на восемьдесят шестом градусе северной широты и девятнадцатом градусе восточной долготы... Я сам догадывался, что он где-то близко от нас. Это очень хорошо...

² Яхта «Йоа» – парусно-моторное судно, на котором в 1903–1905 годах Амундсен совершил историческое плавание вдоль северных берегов Америки.

Теперь у меня все готово. Нет только кирки... Вчера осмотрел раструб ракеты у своего «Жука». Теперь выброска газа идет хорошо... Мама все время спрашивает, что я задумал. Обещал ей сказать потом. Скажу, и она не пустит. Не сказать – нельзя, это будет обман. Как быть? Поговорю с дедом...

Вечером в тот же день Юра позвонил у двери маячной рубки. Репродуктор над дверью засопел, покряхтел, наконец скрипучий старческий голос спросил:

– Кто?

Там, у себя в рубке, дед отлично видел на визитном экране Юру, стоящего за дверью, но по обыкновению, прежде чем впустить кого-нибудь в маячную, задавал этот неизменный вопрос.

– Это я, дедушка, – ответил Юра.

– Сын начальника станции?

– Да, дедушка.

– Сын старшего метеоролога станции?

– Да, дедушка.

– А разве сын начальника станции и сын старшего метеоролога станции не знает, что в рубку входить посторонним воспрещается?

Юра уже привык к подобным вопросам. Дед был веселым человеком. И имя у него тоже было веселое – Андрейчик. Собственно говоря, это была фамилия деда, а имя и отчество – Степан Никитич, но все привыкли называть деда по фамилии, и это больше шло к нему. Несмотря на свои семьдесят три года, дед Андрейчик ходил почти бегом, всегда хитровато подмигивал и разговаривал преимущественно в шутливом или ироническом тоне.

– Я не посторонний, я ваш родной внук, – кротко ответил Юра.

Юра ясно представлял себе, как там за дверью щуплый маленький дед прячет улыбку в седые, оттопыренные, как у моржа, усы:

– Предупреждаю родного внука – войдя в данное помещение, он обязуется ничего не трогать и вести себя сознательно, – сказал старик.

– Есть вести себя сознательно! – крикнул Юра.

Дверь поползла в стену. Юра шагнул в рубку. Дед сидел перед оранжевыми яхонтовым щитом, на котором мерцали разноцветные светящиеся точки, линии и пунктиры. Это был график трансарктических воздушных трасс и подводных линий. В рубке на стенах и на потолке вспыхивали и гасли контрольные огоньки радиомаяков, которыми управлял дед: стратосферных, тропосферных³, подводных.

Юра посмотрел на коричневую морщинистую шею деда, кашлянул и сказал:

– Здравствуйте, дедушка

Дед повернулся на своем вертящемся стуле и поднес к уху кулак. Это было старинное революционное приветствие, от которого дед никак не хотел отвыкать, хотя в мире уже не было ни одного капиталиста и фашиста, которым адресовался когда-то этот традиционный кулак.

– Здравствуй!

– У меня к вам, дедушка, серьезное дело.

Дед отвернулся к щиту.

– С серьезным делом приходи ко мне домой.

³ Тропосфера – самый верхний слой земной атмосферы.

Юра встревожился

– Не совсем серьезное. Его можно рассказать здесь.

– Значит, вопрос не животрепещущий. Говори.

Дед Андрейчик часто употреблял смешные старинные слова, вроде «данный», «упомянутый», и постоянно повторял слово «факт» Особенно веселило Юру одно выражение деда: «животрепещущий вопрос».

– Мне нужна ваша кирка, дедушка.

– Для какой надобности?

– Сейчас – чтобы научиться ею работать.

– А впоследствии?

– А потом...

Юра замялся говорить или нет? Хотя деду можно сказать, даже нужно. Юра знал, что дед уважает смелых и решительных людей. Он не раз рассказывал Юре увлека-

тельные истории из жизни первых полярных исследователей, из эпохи гражданских войн. Дед сам когда-то участвовал в ледовом походе против Северной армады кресто-
виков.

– ...а потом она мне нужна для одной важной экспедиции!

Дед пошевелил бровями и сделал вид, что страшно озадачен.

– Для какой экспедиции? Гм... интересно. Полет на Луну?

– Нет.

– Экспедиция на Эверест?

– Нет.

Юра приблизился к деду и шепотом спросил:

– Вы, дедушка, знаете об опытах профессора Британова?

Дед пожевал губами. С минуту он уже с подлинным удивлением смотрел на внука.

– Слышал... Это тот, который собирается умерших воскрешать? Так, что ли?

– Нет, не вос... не то, что вы говорите, а оживлять. Я узнал, где лежит один умерший... один герой Арктики. Он замерз. Я его откапаю во льду. Профессор Британов его оживит.

Дед отстранился от него.

– Постой, ты про кого говоришь?

– Угадайте, – тихо сказал Юра.

– Про... Амундсена?

– Да.

– Какие у тебя данные, что его труп сохранился?

– Знаю. Читал. Он замерз. Как Андрэ и Скотт⁴. Я все знаю.

Дед улыбнулся, привлек к себе Юру, снял с него шапку и погладил по белой вихрастой голове.

– Идея благородная. Вопрос об Амундсене всегда был и останется животрепещущим. Но ты ошибаешься, мальчик. О гибели Амундсена мы ничего не знаем. Одни говорят, что он разбился, другие – что замерз после вынужденной посадки, третьи – что упал вместе с самолетом на чистую воду и утонул. Вряд ли мы узнаем. Факт.

Юра упрямо мотнул головой.

– Я найду труп Амундсена.

Старик вновь плутовато прищурил глаза.

– Ну, что ж, если ты так уверен, желаю тебе удачи. Только где же ты будешь его искать?

Юра вынул из кармана ленту фонографа.

– Вот. Здесь все записано. Я проследил дрейф льдов за много лет и определил: сегодня искать нужно в районе восемьдесят шестого градуса северной широты и девятнадцатого восточной долготы.

– Так. Значит, сын начальника воздушной станции «Арктания» собирается в экспедицию?

– Да.

– А сам начальник станции и его жена знают об этом?

– Они узнают потом.

Дед покачал головой.

⁴ Андрэ и Скотт – полярные исследователи. Андрэ – швейцарский инженер; в 1898 году пытался долететь до Северного полюса на воздушном шаре, но погиб у берегов Шпицбергена. Скотт – английский капитан; погиб во время санной экспедиции к Южному полюсу в 1912 году.

– Кто еще будет участвовать в данном предприятии?

– Вы, дедушка, – не сморгнув, ответил Юра.

Дед взглянул на своего решительного внука сбоку.

– Ты в этом уверен?

– Да, дедушка, вы будете моим помощником.

– Гм... благодарю за честь. Ты думаешь, двоих достаточно?

– Вполне, дедушка.

– Трудновато двоим.

Дед старательно поддерживал серьезный тон.

– Настоящие полярники не должны бояться трудностей.

Фраза была чужая, – Юра вычитал ее в книге. Тем не менее произнес он ее самым торжественным тоном.

Дед сделал вид, что нахмурился, а на самом деле лишь заслонил смеющиеся глаза густыми бровями.

– Факт. Но настоящие полярники готовились к своим экспедициям очень тщательно и досконально.

Юра на мгновение смутился. В тщательности своей подготовки он был уверен, а вот насчет «досконально»... Надо будет узнать, что это значит.

– Я подготовился, – неуверенно сказал он.

– Все равно, я в этом деле не могу участвовать. Занят, да и годы не те, чтобы соваться в такие затеи.

Юра заговорил быстро; пришептывая и глотая слова от волнения:

– Ну, что вы, дедушка! Какие трудности? Это недалеко. Четыреста километров. Мы туда на моем «Жуке» в один день слетаем и вернемся.

Он неискренне улыбался и заглядывал в глаза деду:

– Полетим, дедушка! Это же очень интересно. А вдруг

найдем? Полетим, а то меня одного не пустят. Гулять пускают, а в экспедицию не пустят.

Дед иронически взглянул на юного дипломата: вот оно что! Теперь понятно, зачем он понадобился Юре в помощники.

– Ну, ладно. Разве что в один день. Попробую.

Юра просиял и сразу же переменял тон:

– Вот и хорошо. Вы, дедушка, смелый и решительный человек. Я одобряю ваше решение. А теперь давайте кирку. Я лечу гулять. Хочу опробовать ее на льду.

Дед отвернулся к оранжевому щиту.

– Возьми. Она у меня в инструментарии. Только не испорти.

– Есть не испортить! – крикнул Юра и выскочил из рубки.

3. Сорок папанинцев, сорок арктанинцев

Юра вылетел в солнечную, безветренную погоду. Его прогулочный автожир «Полярный жук» поднялся над станцией на высоту двести метров и повис в воздухе. Снизу он и впрямь был похож на темно-зеленого жука.

Лопasti ротора над кабиной машины вращались так быстро, что их почти не было видно: лишь слюдяной кружок в воздухе мерцал над Юриным «Жуком». Автожир почти неподвижно парил над станцией. Глушители умерщвляли шум его ракетной камеры.

В кабине было тепло, уютно; кроме того, в кабине... находился пассажир. Вернее – пассажирка. Это была Ася, десятилетняя дочка гидрографа станции «Арктания» Эрика

Свенсона и закадычный друг Юры. Детей на станции было двое: Юра и Ася. Жили они очень дружно, несмотря на то, что Юра был старше своей подруги на три года. Ася часто летала вместе с Юрой гулять, и сейчас она занимала свое обычное место – позади Юры.

Юра полностью включил камеру ракеты, убрал ротор, и автожир стал набирать высоту, кружась над станцией.

Ася взглянула через окно вниз. Перед нею был укреплен небольшой экран; ей достаточно было глянуть на него – и вся панорама станции и ледяного то поля внизу была у нее перед глазами. Больше того, – регулируя изображение при помощи небольшого колесика у правого локотника своего сиденья, она могла приближать, увеличивать изображение на экране и при желании с любой высоты прочесть газету, брошенную на лед. Но Ася предпочитала экрану непосредственное наблюдение.

– Как высоко! – сказала она, плюща нос о гибкое стекло окна.

Юра взглянул на альтиметр: стрелка показывала тысячу метров высоты.

– Это еще не настоящая высота, – внушительно сказал Юра. – Вот мы туда подальше заберемся, тысячи на три. Тогда будет высоко.

– Юра, а если плюнуть, слюни долетят до льда?

– Долетят в виде... града. Только ты не открывай окна.

– Какая наша «Арктания» красивая! – искренне изумилась Ася и тоненьким голоском затянула, бойкую ребячью песню о папанинцах-арктанинцах.

Смысл песни был тот, что когда-то, много лет назад, на Северном полюсе поселились первые зимовщики; течения

и ветры унесли льдину с четырьмя героями-папанинцами далеко к югу. Но большевики перехитрили ветры и течения: они создали над полюсом висящую в воздухе большую станцию «Арктания», которую не унесут никакие ветры и льды. И теперь на полюсе живут и работают уже не четыре, а сорок папанинцев, сорок арктанинцев.

«Арктания» висела в воздухе, далеко внизу под автожиром. Сверху она напоминала большой желток в яичнице-глазунье, посыпанный крупной солью. Но только сверху. Вблизи это была круглая плоская площадка диаметром в пятьсот метров – целый воздушный городок.

Эта станция была сооружена из золотистого сплава магния, кальция и алюминия. Жилые и служебные строения на этой площадке, казавшиеся сверху крупными кристаллами соли, возведены были из легкой пластмассы стального цвета.

Вся станция парила в воздухе, поддерживаемая огромными газопонтонами, подведенными под ее дно. Рвущийся прочь от земли газ гелий наполнял резервуары под станцией, и она неподвижно висела на высоте ста метров над той географической точкой земного шара, которая называется Северным полюсом.

Тридцать якорей, или, вернее, ракетных двигателей, в полых бортах площадки придавали ей устойчивость и неподвижность. Стоило хотя бы легчайшему ветерку коснуться бортов станции – и электронные двигатели ракетных якорей бесшумно несли станцию навстречу ветру. Станция как бы летала в направлении, противоположном ветру, со скоростью, равной скорости ветра. Но, летя вперед... она оставалась на месте. Стоило ветру усилиться – и

в равной степени убыстрялся неподвижный полет воздушной станции. Ветер менял направление – и тотчас автоматически включались и начинали работать противоположные и донные ракетные раструбы, выталкивая мощные струи электрического ветра. Никакие бури не могли поколебать эту огромную, парящую в воздухе станцию, ибо бури автоматически вызывали такие же бури в раструбах двигателя – боковых, верхних и донных. И «Арктания» стояла в воздухе, не испытывая даже самых легчайших толчков и колебаний.

Ее строили в окрестностях Мурманска, в огромном эллинге⁵. На берегу Ледовитого океана большевики сооружали воздушный остров. И когда все работы были закончены, большевистская Лапута⁶ из магния и сверхлегкого алюминия поднялась в воздух и, сопровождаемая тучами самолетов и «Интернационалом» оркестров всего мира, ушла к полюсу.

Долетев до полюса, первая в мире летающая станция «Арктания» замерла над океаном в неподвижном своем полете на многие годы.

И недаром девочка в прогулочной авиетке тоненьким голоском пела о папанинцах-арктанинцах. Этот второй спутник Земли был прямым потомком дрейфующей черной палатки первых обитателей Северного полюса – папанинцев.

Над станцией «Арктания» на высоте пятидесяти кило-

⁵ Эллинг – особое сооружение, в котором строятся и хранятся дирижабли и воздушные шары.

⁶ Лапута – фантастический летающий остров, описанный английским писателем Свифтом в его произведении «Путешествие Гулливера».

метров, подобно метеорам, неслись стратопланы с исполнинскими планерами на буксире. Внутри стратопланов люди беседовали, слушали деловые записи своих фонографов, говорили по радиотону со всеми материками. Их полет нельзя было назвать даже ураганным, ибо электрический ветер ракет в разреженном воздухе стратосферы нес их с быстротой, в десять раз превышающей движение воздуха в момент самого сильного урагана.

Над станцией «Арктания» серебристые, издали почти прозрачные, скользили в торжественном полете гигантские дирижабли. В комфортабельных каютах и залах этих летающих городов люди уже меньше занимались делами, но зато больше танцевали, пели, сидели в лонгшезах у огромных иллюминаторов, похожих на окна «Наутилуса». Эти люди были экскурсантами, отпускниками и пенсионерами почтенного возраста. Они отдыхали, им некуда было спешить, и потому они избегали головокружительных стратосферных полетов.

Под станцией «Арктания», под бесконечной броней льдин, в глубине Северного Ледовитого океана, шли мирные подводные грузовозы, потомки старинных военных субмарин⁷, и легкие прогулочные яхты – субмаретты.

А на самой «Арктании» люди зорко следили за движением льдов, составляли сводки еще не родившихся бурь и туманов, посылали в мир сигналы и радиогаммы, похожие на донесения лазутчиков; при помощи стереовизора и радиотона с глазу на глаз разговаривали с жителями Москвы, Берлина. Коломбо, Буэнос-Айреса, Мельбурна, Скоттбурга в Антарктике и Северограда на Диксоне.

⁷ Субмарина – подводная лодка.

4. 86 северной широты и 19 восточной долготы

«Полярный жук» с небольшой скоростью шел на юг. Юра молча поглядывал на альтиметр и счетчик скорости. Он с намерением не убыстрял полета и не забирался высоко. Почти выключая иногда сопло ракеты и повисая на одном роторе, мальчик с серьезностью заправского полярного летчика разглядывал волнообразные снежные надувы внизу, приглядываясь к разводьям и торосам. Лед на всем пути был старый, бурый и, по-видимому, рыхлый.

Ася ерзала на своем сиденье, заглядывала в окно, присматривалась к экрану и тараторила без умолку.

– Дирижабль! – вдруг крикнула она.

На расстоянии приблизительно пяти километров от «Полярного жука», почти в том же направлении, шел дирижабль. Он издали был похож на серебристую рыбешку. Юра тотчас же узнал его – это был один из двадцати исполинских дирижаблей, совершавших регулярные рейсы между Ленинградом и Сан-Франциско. Дирижабль принимал на борт сто пятьдесят пассажиров.

– «Лучезарный М-5». Папа называет его воздушной танцулькой, – сказал Юра. – Волна двадцать три и три десятых, позывные «Карл».

Через две минуты стройная серебряная рыбка нырнула в далекую солнечную завесу, а «Полярный жук» снизился и пошел надо льдами в обратном направлении. Но лишь только «Лучезарный М-5» скрылся из виду, Ася вновь подпрыгнула на своем сиденье:

– Ой, Юра, что это там?..

Юра глянул на экран.

– Вон, вон черное...

Ася показывала пальцем на экран.

Он внимательно присмотрелся: на сползающем вниз белом квадрате экрана ясно видна была черная точка. Юра попробовал увеличить изображение, но точка уже сползла с поля экрана.

Юра положил руку на руль поворотов и ввел машину в вираж. Через минуту черная точка снова появилась на экране. Когда оно добралась до середины экрана, Юра стал увеличивать ее.

– Тюлень! – крикнула Ася.

Юра молча продолжал рассматривать темный предмет.

– И совсем не тюлень. Это морж, – сказал он.

– Ой, как хорошо! Морж! Усатый! – в восторге записала Ася.

– И даже не морж, а моржонок, – наставительным тоном сказал Юра.

– Маленький моржонок! Давай поймаем его!

Юру и самого уже подмывало желание пойти на посадку: морж, а тем более моржонок, был редкостью в районе полюса, из-за этого стоило задержаться.

Юра отвел автожир метров на сто от места, где лежал моржонок, выключил камеру и стал опускать машину на одном роторе.

Через две минуты «Полярный жук» мягко и бесшумно коснулся задним полозом льда и по-птичьи присел на запыленную молодым снежком площадку.

Юра поднял подушку сиденья и достал две пары ботинок, похожих на пьексы, с шипами на подошве. Одну пару, поменьше, передал Асе, другую стал напяливать сам. Затем достал моток легкого троса.

– Идем. Только держись за руку, а то упадешь. В трещину можно угодить.

Спотыкаясь о ледяные заусенцы, Юра и Ася побрели к моржонку. Когда подошли поближе, Юра шепнул:

– Тш-ш, тихо! Уйдет...

Ася затаила дыхание.

Морженок между тем и не думал уходить, да и полыньи поблизости не было, куда он мог бы нырнуть. Подогнув под себя передние лапы и уткнувшись усатой мордой в снег, он продолжал спокойно лежать все в том же положении.

Юра пригнулся и, крадучись, подобрался к нему, неся наготове трос с петлей на конце. Он уже собирался броситься вперед, но вдруг остановился: странно, он совсем не видел пара от дыхания моржонка. Юра внимательно глянул на темную тушу на льду: она лежала совершенно неподвижно.

«Дохлый?» – подумал он и пошел уже смелее вперед. За ним, ковыляя по льду, шла Ася.

Морженок не шевельнулся.

Юра подошел и толкнул его ногой.

– Дохлый, – сказал Юра.

– Умер? – испуганно спросила Ася.

– Моржи не умирают, а издыхают, – поправил ее Юра и снова толкнул усатую тушу ногой. – Непонятно, откуда он взялся и почему издох?

Ася подошла и с состраданием посмотрела на мертвого моржонка.

Вдруг ей пришла в голову замечательная мысль.

– Знаешь, Юра, давай его похороним.

– Ну, вот еще! Кто же моржей хоронит?

Юра насмешливо посмотрел на свою неопытную спутницу.

Но Ася не хотела расставаться со своей мыслью. Она хныкала, просила и заглядывала Юре в глаза.

И вдруг Юра вспомнил: кирка! Ведь это же чудесный повод воспользоваться ею и опробовать. Как мог он забыть про нее?! Юра знал, как ею вспарывают лед, но сам никогда этого не делал.

– Хорошо! – крикнул он. – Отлично! Ты подожди здесь. Я достану кирку.

Спотыкаясь и падая, он помчался к машине. Через несколько минут Юра бежал уже обратно, неся в руке кирку.

Этот инструмент напоминал короткий пневматический ломик старинного образца. Он имел две рукоятки для упора; конец его, расширенный и острый, походил на детскую лопатку. Юра, не подводя к кирке никакого провода, воткнул в лед, нажал рычажок в правой рукоятке, и из-под блестящей лопатки фонтаном взметнулись куски льда и белая пыль.

Ася присела около мертвого моржонка и с жалостью стала его разглядывать.

Юра энергично орудовал киркой. Он снял слой льда в виде прямоугольника на полметра. Густая ледяная пороша засыпала его и таяла на электродохе.

Вдруг кирка глухо застучала: она наткнулась на что-то твердое. Юра нагнулся. Небольшой металлический темный предмет торчал во льду. Юра ударил его каблуком; предмет не поддался, – он, видимо, плотно вмерз в лед. Тогда Юра подвел под него лопатку кирки, нажал на рычажок, – кирка

заворчала; темный предмет отвалился вместе с куском льда. Юра поднял его и стал осторожно сбивать лед.

Асе надоело сидеть над моржонком, она подошла и вытянула шею, чтобы лучше разглядеть ледяную могилу.

– Ой, как глубоко! А что это?..

Юра вертел в руках свою находку.

– Не знаю. Похоже на молоток.

Металлическая вещица действительно напоминала по форме своей молоток. Но только по форме. Сделанная из легкого вороненого металла, она не имела деревянной рукоятки, – длинная толстая трубка с очень узким каналом внутри заменяла рукоятку, а та часть, которой в обычных молотках ударяли по гвоздю или по долоту, была плоская и будто даже полая внутри.

– Юра, – сказала Ася, – ты знаешь, на что это похоже? Это оружие, из которого раньше люди стреляли на войне. Я видела картинку про войну.

Юра широко открыл глаза, глянул на Асю, потом на свою находку. Как он сразу не догадался?

– Револьвер?

Ася смотрела уже с опаской на Юрину находку.

– Юра, – тихо сказала она, – а вдруг этот револьвер в нас выстрелит?..

– Ну, ты ничего не понимаешь. Он сам не стреляет. Его надо взять вот так в руку, потом нажать здесь под трубкой такой рычажок... Забыл, как он называется. После этого раздавался громкий выстрел, а затем отсюда, из отверстия, быстро выскакивала пуля, летела вперед и убивала человека. Вот здесь, видишь?.. Постой... а где же рычажок?

Юра повертел револьвер, оглядел его со всех сторон, –

курка не было. Только маленькая, похожая на бугорок кнопка торчала на том месте, где обычно у револьвера помещается курок. Юра нажал пальцем на бугорок, – револьвер слегка дернулся в его руке, раздался звонкий щелчок, будто кто стукнул по револьверу пружиной, кусок льда взвизгнул у ног Юры, разлетелся вдребезги: образовалась большая воронка.

Юра испуганно взглянул себе под ноги.

– Этот револьвер стреляет без рычага и без шума, – растерянно сказал он.

Ася стояла бледная. Юра видел – еще немного, и она расплчется.

– Я боюсь, Юра. Положи его обратно.

– Да-а... – сконфуженно сказал Юра и недоверчиво поглядел на свою опасную находку. – С ним нужно быть осторожным.

Он переложил револьвер из руки в руку и взял его на всякий случай за дуло.

– Положи его, Юра, – плаксиво просила Ася. Юра подумал с минуту.

– Нет, – решительно сказал он. – Нужно его свезти на станцию...

Уже в воздухе Юра вспомнил, что он не определил координат места своей находки. Вычисления заняли у него всего полминуты, но их результаты произвели на Юру ошеломляющее впечатление: он находился точно на 86 северной широты и 19 восточной долготы. Это было то самое место, где он собирался искать труп Амундсена, замерзшего после вынужденной посадки самолета «Латам» у восточных берегов Шпицбергена и, как Юра твердо был в

том уверен, много лет дрейфовавшего со льдами мимо Исландии, Гренландии, Аляски и острова Врангеля.

5. Тысяча разрывных пуль в минуту

– Стоп! Не торопись! Рассказывай спокойно. Где вы его нашли?

Юра уселся против отца. Выдержал небольшую паузу, по его мнению, вполне достаточную для того, чтобы приобрести спокойствие и равновесие духа, и подробно, но путано стал рассказывать, при каких обстоятельствах и где именно он нашел револьвер.

Ася присутствовала тут же. Она вскакивала со своего места, вновь садилась и опять вскакивала. Ася пользовалась каждой щелочкой в рассказе Юры, чтобы вставить свое слово:

– ...Юра подкрался к нему, и мы вместе крикнули: «Этодохлый моржонок!»

– ...Юра вытащил его, и мы вместе крикнули «Это револьвер!»

Разговор происходил в кабинете отца Юры, начальника полюсной станции, Владимира Ветлугина. Комнатка была маленькая, немногим больше купе. Кроме Юры, его отца и Аси, здесь собрались: мать Юры, Ирина Ветлугина, – маленькая голубоглазая женщина с лицом тихой и умной девочки, дед Андрейчик и отец Аси, гидрограф Эрик Свенсон – рыжий, долговязый норвежец.

Револьвер, найденный Юрой, лежал на письменном столе.

– Что думает об этой находке товарищ Андрейчик

Степан Никитич? – спросил Ветлугин. Дед Андрейчик пошевелил бровями.

– Да, я ее рассмотрел. Это электронный ручной пулемет. Крестовики называли его «пращей Давида⁸». Появился у них незадолго до разгрома Северной армады. Вооружены им были командиры.

– Верно, – степенно подтвердил Свенсон. – У нас в Норвегии я был однажды в военно-историческом музее. Там собрана хорошая коллекция огнестрельного оружия: старинные французские мушкеты, ручные бомбометы крестовиков и всякая всячина. Есть и эта штука.

– Тысяча разрывных пулек в минуту, или две обоймы по пятьсот, – сказал дед Андрейчик.

Старик потянулся к столу, чтобы взять револьвер.

Ирина тревожно взглянула на отца.

– Папа, не надо.

– Ну-ну, трусиха!

– Здесь дети.

– Дети успели выпалить из этой игрушки еще на льду.

Старик взял в руки револьвер.

– Не беспокойся. Я разрывную крупу из него вытряхнул. Сердитая вещь! И ведь думал какой-то прохвост, изобретал.

– Так. Значит, этот ручной пулемет, по-вашему, имеет прямое отношение к историческому разгрому Северной армады крестовиков на льду? – спросил Ветлугин.

⁸ «Праща Давида» – Согласно библейской легенде, иудейский юноша Давид победил в единоборстве великана Голиафа, врага иудеев. Давид поразил Голиафа камнем, брошенным из пращи. Здесь название «праща Давида» дано револьверу в переносном смысле.

– Прямехонько, – убежденно сказал дед Андрейчик и положил револьвер на стол.

– Мне тоже так кажется, – подтвердил Свенсон.

Ветлугин встал и, задев сидящих на диване Ирину и Свенсона, сделал несколько шагов по кабинету. Огромному, широкоплечему начальнику «Арктании», видимо, тесно было в его каюте-кабинете.

– Но я все же не пойму, как этот револьвер оказался во льду? – спросила Ирина. – Насколько я знаю, после боя в Арктике несколько специальных экспедиций занимались поисками и сбором оружия, брошенного и оброненного на лед. Помню, говорили о каких-то сильнейших электромагнитных щупах, которыми собирались все металлические предметы на льду и под снегом.

– Как он спрятался во льду от магнитов, – этого я не знаю, но то, что он попал туда с неба вместе с каким-нибудь воздушным бомбометателем, – в этом я уверен, – сказал Ветлугин.

Асе не терпелось. Она давно уже хотела спросить о чем-то и все не решалась, уж очень серьезные разговоры вели взрослые. Наконец решилась:

– Дядя Володя, а как туда морженокдохлый попал?

– Боюсь, что ты разочаруешься. Ничего таинственного, – сказал Ветлугин. – Я уже догадался, как он попал на лед. Недавно грузовой дирижабль бостонского зоопарка прилетел в заповедник на Новую Землю за партией ластоногих. Одного моржонка отняли от больной матери и вместе со всей партией погрузили на дирижабль. Партия благополучно прибыла в Америку. Все звери вели себя прилично, кроме этого, внезапно осиротевшего усатого младенца. Он

ревел всю дорогу, как сирена. Реветь не перестал и в зоопарке. Орал, пока не заболел. Видят работники зоопарка, что он вот-вот околет. Жалко им стало моржонка или что, – не знаю. Словом, решили с первым грузовым дирижаблем отправить его обратно к мамаше. Погрузили на попутный дирижабль, но он, бедняга, не долетел, окошел в дороге. Его и швырнули в люк. Мне рассказывал об этом директор новоземельского заповедника. Вы с Юрой наткнулись на тушу этого неудачного ластоногого путешественника. Не иначе.

– А как же моржонок так высоко упал и совсем целым остался? – изумилась Ася.

– Значит, по всем правилам упал, – наставительным тоном сказал Андрейчик. – Я видел, как во время воздушного боя один крестовик грохнулся об лед. Ему парашютные стропы пулеметом перерезали. С пятисот метров стукнулся – и остался целехонек.

– Ну, мы пойдем, – сказал Ветлугин и вместе со Свенсоном вышел из кабинета.

Ирина и дети тоже вышли вслед за ними, но деду Андрейчику, видимо, не хотелось уходить. Он остался в тихом маленьком кабинетике Ветлугина и долго еще шагал взад и вперед, от стола к двери и обратно.

6. «А что, если во льду лежит человек?»

Наступила ночь. Вернее, наступило время, соответствующее ночи в Европе, и так как почти все работники станции «Арктания» работать приехали в Арктику из Европы, то они и называли «ночью» часы, когда солнце

медленно катилось над горизонтом, подкрашивая ледяные поля фиолетовыми тенями от торосов.

Все свободные от работы и дежурства работники станции разбрелись по своим маленьким квартирам и готовились уснуть, либо уже спали.

Юра попрощался с отцом и матерью и пошел в свою комнату. Он разделся и лег в постель. Но уснуть ему не удалось; события этого дня настойчиво и последовательно стали вновь проходить перед его глазами: он работал киркой, мысленно разглядывал револьвер, опять рассказывал в кабинете у отца о своей находке и перебирал в памяти все, что говорили взрослые о ней.

Юра был разочарован. Находка никак не вязалась с твердой его уверенностью, что именно там, во льду, на 86-й параллели, следует искать если не самый труп Амундсена, то хотя бы каких-то следов его пребывания в этом месте. Конечно он знал, что на поверхности льда он ничего не мог бы найти, понадобились бы раскопки, нужно добраться до того слоя, который когда-то был поверхностью ледяного пака. Он уже почти добрался до него, он нашел во льду какую-то вещь, и вот, оказывается, эта вещь не имеет никакого отношения к Амундсену. Если бы он нашел банку из-под консервов, палатку, даже пуговицу, это было бы гораздо лучше. А револьвер?..

Хотя... почему Амундсену и его спутникам не взять с собой оружия на время полета? Все экспедиции всегда брали с собой оружие. Брали большей частью винтовки, но кто-нибудь мог прихватить и револьвер. С Амундсеном летал французский лейтенант Гильбо. Лейтенант! То есть военный... Если Гильбо был командиром, он носил ре-

вольвер. Дед Андрейчик говорил, что все офицеры и красные командиры носили револьверы. Но тот же дед всех уверял, что при Амундсене не было таких револьверов. Хорошо. Допустим, что дед прав. Но что, если лейтенант Гильбо сам себе сделал такой бесшумный револьвер? Все может быть. Что, если это было его секретное изобретение? Ведь было же так часто. Вот, например, радио. Все говорили, что его изобрел Маркони⁹, а оказывается, еще до Маркони изобрел его русский преподаватель физики Попов. Юра отбросил одеяло и сел на постели.

...А что, если там, во льду, лежит человек?.. Пусть это будет Гильбо. Он потом поможет найти Амундсена. Да, да, конечно, лежит! Во льду! Человек, которому принадлежит бесшумный револьвер. Как он, Юра, сам тогда не догадался? Как не догадались отец, мать, Свенсон? Они ошибаются. Они говорят, что револьвер принадлежал крестовику. Это неверно.

Но что же делать?.. Юра растерянно озирался по сторонам. Бежать к деду? Сказать? Нет, дед не захочет лететь... Надо действовать самому, действовать решительно и смело, как настоящие полярники.

Юра уже одевался, натягивал штаны, сорочку. Крадучись, он пробрался в столовую, достал из буфетной ниши три плитки шоколада, несколько кубиков твердых сливок, набрал горсть печенья и рассовал все это по карманам. В передней он натянул свои пьексы с шипами, поверх шерстяных штанов надел меховые шаровары, напялил на го-

⁹ Маркони (1874–1937) – итальянский инженер, изобретатель радио. Изобрел радио позднее А. С. Попова, но запатентовал его первым.

лову малахай и надел меховое пальто с гибкой металлической сеткой между мехом и подкладкой, проводящей тепло от карманных электрических печек. Называлось такое пальто электродохой. Несмотря на свое волнение, Юра все же сохранил способность размышлять трезво. Он одевался тепло и основательно, как и полагалось для серьезной экспедиции, не забыл прихватить перчатки, очки-светофильтры и складной походный нож.

Через пять минут Юра был уже в ангаре. Ни запоров, ни сторожей подле ангара не полагалось. По дороге к ангару Юра никого не встретил. Он вывел «Полярного жука», удостоверился, что кирка в кабине под сиденьем, и влез в машину.

Автожир, поблескивая на солнце металлическими частями, медленно приподнялся над площадкой и мгновенно пошел вверх, набирая высоту и уходя одновременно на юг.

Четыреста километров «Полярный жук» покрыл в двадцать минут. В своем полете Юра почти строго придерживался девятнадцатого меридиана. Убедившись по счетчику, что расстояние в четыреста километров покрыто, Юра сделал несколько крутых виражей и пошел на снижение.

На высоте в пятьсот метров он внимательно стал следить за ледяным паком, ползущим по экрану. «Полярный жук» почти висел на одном роторе, – раструб его ракеты едва дышал, продвигая машину вперед со скоростью двадцати километров в час.

Юра уже дважды вернулся назад и пересек в поперечном направлении, с востока на запад и обратно, то место, где, как он предполагал, они с Асей вчера нашли револьвер.

Но нигде не было видно темной туши моржонка, – покрытый льдом океан лежал внизу равнодушно и безмолвно, похожий на бесконечную пелену облаков под самолетом.

Сравнение с облаками промелькнуло в голове Юры случайно, оно породило мысль о движении, и мальчик ясно и отчетливо понял, почему моржонка нет на старом месте: лед дрейфует на юго-запад, и моржонка следует искать уже гораздо южнее. Он вспомнил, как Свенсон при нем третьего дня говорил отцу, что льды движутся сейчас со скоростью полутора километров в час. Следовательно, за эти двенадцать часов моржонок «уехал» со своей льдиной на юго-запад километров на восемнадцать-двадцать, не больше.

Юра направил машину на юго-запад и уже через две минуты, мельком заглянув на экран, увидел, что какая-то пылинка медленно катится по белому квадратику экрана. Он дунул, – пылинка осталась на месте и только передвинулась ближе к центру экрана. Юра дождался, когда это едва заметное пятно окажется как раз в центре, и, даже не увеличивая его, стал опускать машину на роторе.

Посадил он «Полярного жука» на лед метрах в тридцати от туши моржонка так же отвесно и уверенно, как и вчера. Выскочил из кабины, вытащил кирку и, прыгая через ледяные ухабы и заусенцы, побежал к яме во льду. Здесь он остановился в минутной нерешительности: где рыть? Револьвер он нашел в нескольких шагах вправо от моржонка. Значит, надо начинать с того места. Если там ничего не будет, тогда надо рыть ощупью в разных местах. Затем он вертикально приставил кирку ко льду, налег на нее и нажал рычажок, – ледяной фонтан вырвался из-под блестящей лопатки.

Орудую киркой, Юра не переставал внимательно наблюдать за обломками льда. Волнение, с которым он приступил к работе, уже улеглось, он работал упорно, но спокойно, как обыкновенный землекоп на археологических раскопках. Ему пришло в голову, что вгрызаться киркой в лед круто не следует: наткнувшись на труп, он может сильно повредить его. (Юра ни на минуту не забывал о профессоре Британове, который должен оживить Амундсена или Гильбо.) Он тотчас же уменьшил угол между киркой и льдом и стал уже не рыть, а срезать лед.

За временем Юра не следил, но когда, наконец, площадка размером в добрых тридцать могил была вспахана, ему показалось, что работал он не менее полутора часов. Ладони у него горели; от толчков кирки ломило в плечах, дышал Юра порывисто и шумно, мех электродохи и лицо были влажными. Юра не чувствовал усталости, и только тревога все больше овладевала им: он разворотил уже несколько тонн льда вокруг моржонка, но никаких следов человека во льду не нашел.

Юра опустил рычажок кирки, сдвинул со лба малахай и рассеянным взглядом обвел угрюмые торосы, обступившие его со всех сторон: молчание пустыни стояло над ним. На минуту Юре показалось, будто он находится на самой макушке пустой, необитаемой холодной планеты: мать, отец, дед, станция, весь мир будто остался где-то в прошлом... Но Юра взглянул на «Полярного жука», и тотчас минутное ощущение одиночества улетучилось: автожир, как живое близкое существо, стоял тут же, — терпеливый и верный «Жук», с мощной камерой ракеты, с теплой кабиной, которая примет и умчит его, Юру, отсюда, как только он сам

того пожелает. Но Юра уже не желал этого, он успел передохнуть, и ему захотелось еще порыться в этом скользком, рыхлом льду.

Он должен искать! Надо рыть! Рыть во что бы то ни стало! Настоящие полярники, герои Арктики, никогда не отказывались от тяжелого труда. Разве не читал он, как когда-то, много лет назад, челюскинцам приходилось долбить и перетаскивать тысячи тонн льда, чтобы устроить посадочную площадку для летчиков. Разве сам Амундсен и Эльсворт¹⁰ не долбили вот так лед, когда их самолет сделал вынужденную посадку среди торосов и трещин?

Юра приладил кирку и снова налег грудью на рукоятку. Несколько кусков льда метнулось в сторону. Юра хотел долбить лед дальше, но вдруг ему показалось, что в ямке что-то темнеет. Юра отбросил ледышку, разгреб ледяную пыль и застыл на месте: изо льда торчала темная кисть руки со скрюченными пальцами...

Юра отполз назад, но тотчас, еще не доверяя себе, бросился плашмя на лед и вплотную приник лицом ко льду. Темная ладонь и судорожно сведенные пальцы стояли перед его глазами. Казалось, тот, кто был под ним во льду, хотел сжать кулак и ударить Юру в лицо, но лед сковывал его страшную руку, не давал ей сжаться в кулак. Юра отвел лицо в сторону, мурашки побежали по всему его телу. Юра видел мертвых людей; он не представлял, как можно бояться их. Он сам сейчас искал во льду мертвеца, он только обрадовался бы, если бы вдруг этот мертвец поя-

¹⁰ Эльсворт – американец, оказавший материальную помощь в организации экспедиции Амундсена и принявшим участие в полете в Арктику.

вился перед его глазами. Но при виде темной скрюченной руки, вдруг высунувшейся изо льда, мальчику стало страшно...

Юра отполз в сторону и остался лежать на льду животом вниз, не смея подняться.

Так он лежал несколько минут. Перед глазами у него валялась его собственная перчатка, которую он бросил, когда долбил лед. Юра искоса поглядел на нее: это была обыкновенная, простенькая меховая перчатка; ее привычный, домашний вид немного успокоил мальчика. Он хотел было протянуть руку, чтобы взять ее, но внезапный порыв ветра понес перчатку прочь. Юра вскочил и погнался за нею. Прыгая через куски льда, он наконец наступил на нее ногой, нагнулся, поднял, надел, и в этот

момент сильный удар ветра в лицо отбросил его на несколько шагов. Едва удержавшись на ногах, Юра остановился и оглянулся: яростный ветер крутил вокруг него густую снежную кашу. «Полярный жук» виднелся впереди, как сквозь белый полупрозрачный занавес. Машина вздрагивала и раскачивалась из стороны в сторону. Юра, ослепленный снегом, защищаясь руками от ветра, пошел к машине. Но чем ближе он к ней подбирался, тем больше увеличивалось расстояние между ним и автожиром. Юра остановился и стал вглядываться: «Полярный жук» уходил от него. Ветер выл и крутил над ним снежное месиво. Все еще не отдавая себе отчета, откуда взялся этот ветер, Юра побежал к машине, но и машина прибавила ходу, — она будто убегала от него. Наконец Юра понял: ураган гонит автожир, «Полярный жук» мчится от него прочь на своих лыжах, подгоняемый ветром.

Уже выбиваясь из сил, сам не зная, зачем он это делает, Юра стал кричать тонким голосом:

— А-а-а-а-а!..

Ветер зажимал ему рот и бил в лицо охапками снега, но Юра все еще брел вперед. Затем он услышал глухой удар и, сгребая снег с глаз, увидел, что «Полярный жук» лежит на боку подле высокого тороса. Тогда Юра стал на четвереньки и пополз обратно. Так он прополз в водовороте взбесившегося воздуха метров двадцать. Вдруг над его головой раздался чудовищный треск. Юра споткнулся, на мгновение повис в воздухе, почувствовал сильный толчок в грудь, и на глаза его медленно опустилась тьма...

7. «Спасать сына должен я...»

Ирина открыла глаза и прислушалась: в комнате стояла тишина, нарушаемая далеким шмелиным гудением ракетных якорей станции. Время от времени за окном бился яростный ветер, и снова ровно и настойчиво гудели трубы ракетных двигателей.

Это была та самая буря в районе полюса, о которой Ирина вчера предупредила аэропорты на континентах. Она взглянула на розовые огоньки радиевых часов: 2 часа 15 минут по гринвичскому времени. Да, она вчера не ошиблась; именно в это время, по ее прогнозу, должен был разразиться ураган. Ирина была совершенно спокойна: аэропорты предупреждены, все ракетные якоря станции тщательно осмотрены Владимиром и механиками, все закреплено, убрано в помещения. Владимир сейчас, очевидно, в конденсаторной, – следит за равномерной подачей и распределением по всей поверхности станции нагретого воздуха, которым снег и корка льда превращаются в пар. У Владимира много забот. Буря будет свирепствовать всю ночь.

«Юра, наверное, спит – подумала она, – иначе он давно уже перебрался бы поближе ко мне».

Ирина улыбнулась. Странно, почему это буря поселяет тревогу в детях и животных? Не потому ли, что дети еще не утратили первобытных инстинктов?

Но надо посмотреть, спокойно ли спит этот первобытный человечек.

Она оделась и направилась к Юриной комнате. По дороге обратила внимание, что буфетная ниша раскрыта.

«Наверное, Владимир взял что-нибудь и забыл закрыть».

Прикрыла нишу и вошла в Юрину комнату.

Постель была пуста. Ирина оглянулась по сторонам, позвала:

– Юра!

Ей никто не ответил. Она прошла в гостиную. Там тоже никого не было.

«Странно! Где же он?»

Ирина вышла в переднюю, вновь обошла все комнаты. Никого.

Еще раз окликнула:

– Юра! А Юра!..

Молчание.

Тогда она подошла к внутреннему радиопону, включила конденсаторную и спросила:

– Володя, ты здесь?

Ветлугин тотчас же отозвался:

– Да. Это ты, Рина?

– Юра с тобой? – спросила она.

– Нет. По-моему, он спит.

– Нет его. Обыскала весь дом.

– Не понимаю. А у деда? Постой, я его вызову.

Через минуту она снова услышала голос мужа:

– Ты слушаешь? Нет его там. Не понимаю. – Ветлугин уже, видимо, сердился. – Куда он мог уйти в такую погоду? Ты у Свенсонов справлялась?

– Нет. Они, наверное, спят.

– Эрик дежурит. Сейчас я его спрошу.

Опять наступила тишина, нарушаемая яростными рывками ветра за окном.

– Ты слушаешь? – спросил Ветлугин спустя короткое время. – Эрик говорит, что Ася с матерью легли спать еще в десять часов.

– Что же делать?

В голосе Ирины уже явно слышалась тревога.

– Ты не волнуйся. Я его постараюсь отыскать, – сказал Ветлугин и выключил радиотелефон.

Она пошла к себе в комнату, взяла с ночного столика книгу, рассеянно прочла название: «Находки во льдах», вспомнила револьвер, найденный Юрой (ради него она вечером и книжку эту стала читать), вспомнила лицо сына во время разговора в кабинете (он сидел, боясь шелохнуться, и с жадностью ловил каждое слово, сказанное по поводу его находки), и вдруг у нее мелькнула тревожная, еще не вполне ясная ей самой мысль.

«Неужели он?.. Нет. Этого ему в голову не могло прийти».

Но неясная мысль уже стала отчетливой и настойчивой, и Ирина не могла от нее избавиться. Еще вечером, ложась спать, она сказала Владимиру, что следовало бы слетать туда, где Юра нашел револьвер, и поискать во льду. Ведь это же естественно – где револьвер, там может оказаться и труп человека, которому он принадлежал. Неизвестно, кем он может оказаться, этот человек: полярником, погибшим во льдах, крестовиком, убитым при разгроме Северной армады, – так или иначе, поискать следовало бы. Но неужели эта мысль пришла в голову и мальчику? Он мог тайком ночью вылететь туда. Ведь он же ничего не знал о надвигающейся буре...

Ирина вскочила и побежала к радиотелефону.

– Володя! – крикнула она. – Володя!

– Да, да, я слушаю, – ответил Ветлугин.

– Сейчас же узнай, в ангаре ли «Полярный жук».

– Что?.. – Голос у Ветлугина дрогнул, он, видимо, тотчас же понял все.

Через десять минут тревожная весть разнеслась по всем служебным помещениям станции: исчез Юра вместе с автожиром.

* * *

Ветлугин ворвался в спальню. Одежда его была мокрой. Он казался растрепанным, наскоро одетым. Ирина стояла посреди комнаты. Она молчала и широко открытыми глазами смотрела на мужа.

– Надо лететь! – крикнул он, – Немедленно!

Вошел Свенсон. За ним, сутулясь и сопя, вполз дед Андрейчик.

– Владимир, – сказал Свенсон, – нужно сейчас же связаться с восьмой авиабазой. Через двадцать минут машины будут там.

Ветлугин мотнул головой.

– Я не имею права поднимать машины с острова. Мой сын терпит бедствие по моей вине. Спасать его должен я сам.

– Факт, – посапывая, сказал дед Андрейчик. – Сами управимся. В ангар! Запрягай машину!

– Вы с ума сошли! – крикнул Свенсон. – Владимир, ты погубишь себя и не спасешь ребенка... Ирина! – Свенсон шагнул к Ирине.

Она села на стул и стала ладонью тереть висок.

– Я ничего не соображаю.

– Я должен попытаться, – упрямо сказал Ветлугин. – Ты, Эрик, замещаешь меня на станции. Если со мной что случится, сделаешь доклад Северограду.

Ирина растерянно взглянула на него.

– Я не знаю, Володя... постой... Володя, куда же ты?

Но Ветлугин уже выбежал из комнаты. За ним трусой побежал дед Андрейчик.

Свенсон подошел к Ирине, опустил руку ей на плечо.

– Они очень рискуют. Надо сейчас же сообщить в восьмую базу.

Она вскочила, бросилась к двери:

– Эрик! Скорее! Вызывайте остров!.. Я побегу. Так нельзя...

Свенсон подошел к радиофону и вызвал остров Георгия Седова.

8. Машины идут сквозь пургу

– Остров Седова слушает, – сказала радиофонистка.

– Говорит «Арктания». Дайте начальника авиабазы.

Через секунду между «Арктанией» и островом Георгия Седова произошел следующий разговор:

– Я начальник восьмой авиабазы.

– Я Свенсон. Замещаю начальника станции. В районе полюса попала в шторм машина с сыном Ветлугина. На помощь вылетел сам Ветлугин. Положение угрожающее. Прошу выслать противостормовой отряд. Координаты – восемьдесят шесть и двадцать минут широты, семнадцать и тридцать минут восточной долготы.

- Сколько машин штормует?
- Две. Прогулочный автожир и роторная молния.
- Сколько людей?
- В автожире один мальчик. В молнии двое: Ветлугин и старик Андрейчик.
- Площадь штормового района?
- Двадцать три тысячи квадратных.
- Высылаю дивизион. Сноситься с машиной командора можно через двадцать пять минут. Волна и позывные известны?
- Известны.
- Вызовите меня, Свенсон, через пять минут. Расскажите, как это случилось.
- Вызову.
- Все?
- Все...

Через пятьдесят секунд корреспонденты Арктики сообщили в свои радиогазеты о людях, застигнутых ураганом у полюса. Еще через минуту поступило сообщение, что противостормовой дивизион, вооруженный гаубицами-излучателями и мощными обводнителями, вылетел к полюсу. Затем, с разрешения Свенсона и начальника восьмой арктической авиабазы, корреспонденты слушали их второй разговор.

Но и сам Свенсон не мог объяснить, как случилось, что тринадцатилетний сын начальника полюсной станции оказался со своей машиной в момент пурги за четыреста километров от станции. Это казалось тем более непонятным, что мать мальчика, Ирина Ветлугина, работала на той же станции старшим метеорологом и знала о надвигаю-

щемся шторме. Объяснить это могла только сама Ирина Ветлугина. Но ни Свенсон, ни начальник авиабазы, ни даже корреспонденты не решались обращаться с расспросами к этой женщине в момент, когда над нею нависла угроза потерять сына, мужа, отца.

В городах и поселках радисты-любители не разлучались со своими комнатными и карманными приемниками: они хотели непосредственно поймать сигналы терпящих бедствие. Но даже эти беспокойные следопыты эфира пока ничего не могли сообщить.

Ровно через восемнадцать минут после отлета дивизиона с острова Георгия Седова радиогазеты сообщили, что воздушные крейсера вступили в полосу шторма.

В четырехстах километрах от станции «Арктания» в это время происходило следующее.

Дивизион, перейдя из стратосферы в тропосферу, строем по три, журавлиным углом неся навстречу урагану. Головастые, почти бескрылые, противоштормовые машины походили на вороненые браунинги, обращенные дулом назад. Впереди пилотских рубок, подобные огромным глазам глубоководных рыб, укреплены были куцые жерла гаубиц-излучателей. Эти гаубицы являлись артиллерийскими орудиями в полном смысле этого слова; их назначение было расстреливать взбунтовавшиеся массы воздуха. Но только снаряды не рвались при подобном расстреле: беснующаяся воздушная стихия умирялась звуками высочайших и самых низких частот и амплитуды колебания.

Когда пурга рванула кверху головную машину, в пилотских рубках крейсеров прозвенел голос командора:

– В боевую позицию! Дистанция пять километров! Стройся!

В несколько секунд машины сломали журавлиный угол и растянулись ровным фронтом на сто пятьдесят километров.

Затем раздалась другая команда:

– На сменные частоты и колебания! От пяти миллионов до одной тысячной! Орудия включить!

Уменьшив скорость, крейсера пошли навстречу шторму, посылая вперед не ощущаемые человеческим ухом звуки. Высокое звуковое мерцание, постигаемое умом человека лишь как математическая формула, потрясло воздух и тотчас сменилось низкими инфразвуками. Затем снова последовал залп звуков высочайших частот и колебаний, за ним – опять мощные, низкие окрики. И так на всем пути сквозь бурю. Это походило одновременно и на бомбардировку и на заклинание музыкой. В воздухе гремела необычайная, стремительная и торжественная музыка, но ни одному человеку не дано было ее слышать, ибо фантастическая ее мелодия находилась за порогом слышимости.

Яростный ветер падал плашмя на лед, разгребал могучими лапами снежные сугробы, конвульсивно вздрагивал и замирал... Умерщвленный ветер превращался в мертвый, неподвижный воздух, и сквозь него свободно шли головастые вороненные машины, похожие на огромные браунинги, обращенные дулом назад. Позади машин мягко и отвесно ложился снег.

Сквозь весь охваченный пургой район в двадцать три тысячи квадратных километров дивизион пролетел в семь минут, то есть с быстротой приблизительно шестьдесят

пять километров в минуту. Начальник противоштормовых авиаотрядов в разговоре со Свенсоном не ошибся ни на одну секунду: шторм был ликвидирован спустя ровно двадцать пять минут после их разговора. Дивизион пронесся над станцией «Арктания» и вернулся обратно. Когда он вновь появился над станцией, машины уже шли строем по четыре, сохраняя дистанцию между шеренгами приблизительно в один километр. Командорская машина шла впереди. Словно обессиленные и усталые после боя с пургой, машины медленно и низко скользили над льдом: в обратном рейсе они уже искали людей. Казалось, эту вторую часть задачи воздушному дивизиону осилить не удастся: глубокий покров снега лежал на огромном пространстве внизу и вокруг станции «Арктания». Однако как раз в этот момент корреспонденты из Арктики сообщили всему миру:

«Шторм ликвидирован в семь минут. Сейчас противоштормовой дивизион идет низко над льдом в обратном направлении. Передовые машины обводняют снег; следующие за ними внимательно наблюдают за поверхностью льда. Передаем панораму с командорского самолета через североградскую стереовизионную установку».

И действительно, усмирив только что естественную холодную пургу, дивизион медленно и низко скользил над снежным покровом и превращал его в воду уже при помощи искусственной горячей пурги. Мощные струи нагретого до пятидесяти градусов воздуха из нижних рас-трубов передовых машин стремительно низвергались вниз,

и наблюдатели в рубках машин последних шеренг уже разглядывали на экранах перед собой чистую ледяную кору, омываемую потоками прозрачной воды.

9. Труп в скафандре

Дивизион вышел с острова в 2 часа 52 минуты по гринвичскому времени. В 3 часа 35 минут радиогазеты сообщили:

«В четырехстах километрах от станции „Арктания“, на восемьдесят шестом градусе северной широты и на семнадцатом градусе тридцати минутах восточной долготы подобран труп сына начальника станции „Арктания“, Юрия Ветлугина, замерзшего во время пурги. Здесь же обнаружен разбитый штормом о торос двухместный автожир с надписью „Полярный жук“. В семидесяти пяти километрах к юго-востоку от места гибели мальчика найдены в обломках отцепной кабины самолета типа „Молния“ начальник станции „Арктания“ Владимир Ветлугин и его тесть, радист на маяках той же станции Степан Андрейчик. Оба они легко ранены при спуске и аварии парашютной кабины своего самолета, один из них слегка обморожен. Поиски мальчика передавались по стереовизору с командорского противостормового крейсера...»

Все, кто следил в те дни за стремительным развитием этой арктической трагедии, понимали и видели, что дивизион свою работу выполнил блестяще и сделал все, что от него зависело, но сообщение это все же подействовало

удручающе на миллионы людей. Слишком внезапно обрушилась беда на семью Ветлугиных.

Судьба Амундсена, Скотта, Андрэ, Седова и многих других полярных исследователей прошлого снова вставала перед всем миром. История гибели благородных рыцарей Арктики, эти трогательные предания недавнего прошлого вновь были на устах у миллионов людей.

Через тридцать минут радиогазеты передавали новое сообщение. Это пространное сообщение заслуживает того, чтобы его привести полностью. Вот оно:

«Профессор Сергей Сергеевич Британов, известный своими замечательными работами по оживлению высохших и обмерзших млекопитающих, вылетел из Москвы сверхскоростным самолетом на остров Георгия Седова, куда доставлен труп замерзшего мальчика.

Нашему корреспонденту сообщили, что профессор Британов намеревается вернуть к жизни мальчика, замерзшего на льду у Северного полюса. Сергей Сергеевич Британов, продолжав историческую работу профессора Бахметьева¹¹, поставил ряд удачных опытов по оживлению замерзших млекопитающих. Опыты эти являлись завершением его долголетних работ по анабиозу. Профессор Британов готовился к окончательному эксперименту – к оживлению замерзшего человека. Сейчас, по-видимому, печальный случай в Арктике дает возможность профессору Британову произвести свой опыт в самое ближайшее время.

¹¹ Бахметьев П. И (1860–1913) – выдающийся русский ученый. Известен работами по анабиозу (анабиоз – явление оживания в видимо мертвом организме).

Перед отлетом в Арктику профессор снесся с поселковой больницей острова Седова и просил главного врача больницы принять все меры, чтобы труп замерзшего мальчика не оттаял и был сохранен в том виде, в каком найден.

Обращают на себя внимание два совершенно необъяснимых обстоятельства: труп мальчика найден летчиками противостормового дивизиона не на льду, а вмерзшим в огромную глыбу льда, по всей видимости отколовшуюся от ледяного пака при передвижке и нагромождении льда в момент шторма. Как мальчик мог попасть внутрь льдины, остается до сих пор загадкой.

По настоянию профессора Британова, до его прибытия на остров Седова труп мальчика оставлен в глыбе льда в таком виде, в каком он был найден. Однако врачей больницы и летчиков поразила необычайно темная окраска лица, которое смутно можно разглядеть сквозь лед. Необъяснимым обстоятельством является и то, что, за исключением головы и рук, все тело мальчика облачено в какую-то странную одежду, которая напоминает скафандр водолаза. Почему мальчик, перед своим побегом из дому одевший электродоху, оказался во льду в какой-то не то гуттаперчевой, не то каучуковой одежде водолаза, — до сих пор тоже остается загадкой».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

10. «Будут существовать больницы для умерших»

Это была просторная комната, облицованная большими, цвета слоновой кости, кафельными плитами. Посреди комнаты стояло сооружение из белого мрамора, напоминающее саркофаг¹², с той разницей, что никаких надгробных надписей и рельефных изображений на верхней его крышке не было.

Кроме мраморного сооружения, в комнате около большого окна, похожего на вход в зал, в углу находился небольшой стол, уставленный стеклянными сосудами с трубками и металлическими ящиками, соединенными проводами. Провода, уходя под пол, видимо, соединяли эту установку с «саркофагом».

Возле мраморного сооружения группа корреспондентов в белых халатах окружила профессора Британова. Седой, величественный профессор объяснял журналистам устройство и назначение мраморного «саркофага»:

– Вы находитесь в операционной комнате островной больницы. Временно она превращена в дилатометрическую камеру. Тело замершего мальчика еще до моего прилета сюда помещено с куском льда в эту мраморную кану, соединенную с термоэлектронной установкой. Вы видите установку вон там в углу. Здесь происходит измерение количества льда в организме. Я вас предупреждал: ничего исключительного в этой комнате нет. Взглянуть на тело сейчас нельзя, да я его и сам еще не видел. Приходится

¹² Саркофаг – в древнем мире каменный гроб.

положиться на тщательность и заботливость, с которой местные врачи выполнили все мои указания.

Ирина Ветлугина с Асей стояли позади всей группы корреспондентов. Мать сегодня Асе сказала:

«Смотри, чтобы тетя Рина не плакала, а если будет плакать, утешай ее». Ася не отходила от Ирины ни на шаг. Она часто тревожно заглядывала ей в глаза: тетя Рина не плакала и не говорила о Юре, и все же Ася догадывалась, что мать ее друга сильно страдает.

– Что произошло с объектом моей предстоящей работы? – продолжал профессор. – Живой, сложный человеческий организм оледенел под воздействием низкой температуры. Что это значит с точки зрения науки об анабиозе?

Профессор умолк. Тишину нарушил лишь легкий шорох валиков портативных фонографов, висевших на груди у всех корреспондентов.

– Произошло вот что: в этом организме прекратилось кровообращение; затем кровь, лимфа и межклеточная жидкость кристаллизовались. Все жидкие элементы организма, кристаллизуясь, обезводили органическую клетку. Это произошло путем наращивания кристаллов вне клетки. Разрастаясь, кристаллы как бы вытягивали из клетки сок. Стенки клеток сжались, потрескались, покоробились. Простите, что я так примитивно объясняю.

– Ничего, ничего. Очень хорошо, – нестройно загудели корреспонденты.

– Живая ткань омертвела и распалась, – подсказал кто-то из группы.

Профессор улыбнулся и отрицательно покачал головой.

– Нет, не распалась. Вот на этом и основаны мои работы по оживлению замерзших организмов. Если мы возьмем такой процесс, как гниение, и сравним его с обмораживанием живой клетки, разница получится колоссальная. Гниение – это именно и есть распадение всех элементов организма. Обмораживание же поражает все элементы организма, вносит в организм серьезные разрушения, но не уничтожает его...

– Я уже говорил, – продолжал Британов после небольшой паузы, – мы, ученые, не просто размораживаем трупы, мы ищем путей к самой долгой жизни каждого появившегося на этой планете человека. Такой долгой, что она будет почти эквивалентна бессмертию.

– Бессмертна только амеба, профессор. Она размножается делением...

Корреспонденты обернулись к маленькому короткономому человечку в больших желто-зеленых полярных очках-светофильтрах, произнесшему эту фразу.

Профессор поглядел поверх голов на своего неожиданного оппонента (очкастый человечек стоял позади всех, рядом с Ириной).

– Вы, товарищ Мерс, твердо уверены в том, что бессмертна только амеба? – спросил профессор.

– Да.

– А вот у меня вызывает сомнение человек. Я очень подозреваю, что человек, даже не размножаясь делением, также бессмертен. Медицина сейчас уже располагает такими средствами, которые позволяют ей восстанавливать любой орган человеческого тела, вплоть до клеток нервного волокна, поврежденного болезнью или старостью.

Кстати, последними своими работами профессор Гофман доказал, что старость – это тоже болезнь...

Так вот, мы можем у человека, страдающего пороком сердца, извлечь его больное сердце, произвести в нем, если можно так выразиться, капитальный ремонт и водворить обратно. Мы искусственным путем можем вызвать сокращение сердечных мышц. Другое дело, если человек умер... Кровь умершего человека, как известно, продолжает жить еще восемь часов после остановки сердца. Не сразу умирают и некоторые другие элементы организма, но с момента остановки сердца, паралича мозга и дыхательных органов во всем организме умершего начинаются большие физические и химические изменения. Сейчас мы еще не можем устранить эти изменения, но уже с некоторыми видами смерти мы научились бороться, например со смертью, вызванной холодом. Наша наука получила могучее средство борьбы с обмороживанием и вновь утвердила некогда разрушенную бахметьевскую теорию анабиоза. Мы сейчас уже имеем право сказать, что для нас человек замерзший не есть умерший; мы рассматриваем его как субъекта, подвергшегося тягчайшей болезни. И я замерзшего мальчика собираюсь не воскрешать, как о том возвестили многие газеты, я собираюсь его вылечить...

– Вылечить от смерти? – насмешливо спросил очкастый Мерс.

– Вылечить от смерти, – твердо сказал профессор. – Может быть, вас это ошеломит, но я твердо убежден, что в скором времени будут существовать особые больницы для умерших от холода... Я, по крайней мере, собираюсь в недалеком будущем организовать такую клинику. Ну, а от

оживления людей замерзших близко, очевидно, будет и до оживления любого умершего, – улыбаясь, закончил профессор. – Немедленное замораживание трупа только что умершего человека позволит нам устранить основную причину его смерти, а затем мы уже легко выведем его из анабиоза, вызванного холодом. Вот о чем я хлопочу уже тридцать лет.

С улыбкой на устах этот человек говорил невероятные вещи; с уверенностью, не оставлявшей никаких сомнений, он объявил перед своей случайной аудиторией самую сумасбродную и затаенную мечту человечества – мечту о бессмертии – научной дисциплиной.

Коротконогий Мерс помолчал вместе со всеми и вкрадчиво спросил:

– А если человек умрет насильственной смертью? Ну, например, от сильного удара с полным размозжением головы?

На мгновение стало тихо. Потом корреспонденты сразу все зашумели, зашевелились, слышались возмущенные восклицания:

– Бред!

– Дикая фантазия!..

Мерс стоял, чуть склонив голову набок, но, по-видимому, ни малейшего внимания не обращал на шум.

Ирина Ветлугина отодвинулась от него и внимательно оглядела с головы до ног, – ей стало не по себе от спокойного, почти деловитого тона, каким задал свой вопрос этот человек.

Ася тоже отстранилась от своего соседа, который явно рассердил всех.

Здесь уместно будет познакомить читателя с тем, кого профессор Британов называл Мерсом. Этот маленький круглый человек появился на острове накануне ночью. Утром он явился к профессору, прибывшему в Арктику ночью со сверхскоростным стратопланом, и, назвавшись специальным корреспондентом антарктического биологического радиовестника, взял у профессора интервью о применении радия при размораживании обмерзших организмов. Уже при первом свидании профессор обратил внимание на странную внешность антарктического корреспондента – у него было круглое женоподобное лицо, необычайно бледное. При первом взгляде на него профессор определил злокачественное малокровие, но, наблюдая дальше, заколебался: у Мерса лицо было не бледное, а какого-то фарфорового цвета. «Отсутствие пигмента в коже», решил профессор. С желто-зелеными очками Мерс, видимо, никогда не расставался.

– Почему вы носите светофильтры? – спросил Британов.

– Остатки полярной слепоты, – нехотя ответил Мерс.

Задав свой странный вопрос, Мерс продолжал стоять все в той же позе смиренного молодого пастора, исповедующего грешника.

Профессор с любопытством разглядывал его.

– Вы хотите спросить, сможет ли в будущем наша наука вернуть жизнь человеку, у которого будет совершенно деформирован или даже уничтожен мозг? – спокойно спросил Британов.

– Да, – кротно ответил Мерс.

– Сможет. Я твердо знаю, что в будущем для челове-

чества не будет ничего невозможного. Человек сможет сделать все. Я думаю, что я ответил на ваш вопрос, товарищ Мерс, – закончил профессор и отвернулся от бледного антарктического корреспондента.

– Вы меня простите, друзья, – сказал он, взглянув на свой перстень-хронометр, – я не могу вас дольше задерживать в этой комнате. Длительное пребывание здесь такой большой группы людей может вызвать скачок температуры в кане. Я, кажется, не удовлетворил вашей любознательности и не рассказал о сущности предстоящей своей работы. Но я надеюсь, что мы еще не в последний раз встречаемся.

Профессор подошел к Ирине. Погладил Асю по золотым кудрям.

– Я хочу попросить вас остаться на минуту, – сказал он.

Корреспонденты стали откланиваться. Последним вышел Мерс.

– Я хотел спросить у вас, Ирина... простите, Ирина Степановна, кажется?

– Да.

– ...спросить у вас, Ирина Степановна, вот о чем. Удовлетворительное ли здоровье было у вашего сына?

Ирина удивленно взглянула на него.

– Да... А что?

– Мне необходимо знать все о его здоровье.

– Юра был абсолютно здоровым ребенком. Больше того, он вырос в Арктике. Он окреп и закалился в наших суровых условиях.

– Да, совершенно верно. Я это упустил из виду. А теперь скажите, не было ли у него каких-либо кожных заболеваний на лице и на руках?

- Нет. Абсолютно здоровая кожа на теле и на лице.
- Может быть, краснуха?
- Да нет же, говорю вам – ничего.
- Странно...

Профессор задумался.

– А что такое? – с беспокойством спросила Ирина. – Почему вы об этом спрашиваете?

– Я вам отвечу. Но предварительно разрешите еще вопрос.

– Пожалуйста..

– Ваш муж белой расы?

– Да, он русский.

– Значит, цвет кожи у вашего сына точно такой же, как и у вас? – спросил он.

– Да.

– У тети Рины родинка есть на шее, и у Юры родинка, – вставила Ася.

– Очень хорошо, – профессор ласково взглянул на девочку. – А теперь я вам объясню этот вопрос. Я еще не видел тела мальчика. Но главный врач островной больницы, когда водворял тело в эту кану, обратил внимание на совершенно необычайный, темный оттенок кожи на той руке, которая не была покрыта льдом. Он меня предупредил об этом, вот почему я и стал расспрашивать вас о здоровье мальчика и даже о цвете кожи его отца. Для меня это очень важно.

– А разве это хуже, когда темная кожа? Хуже для опыта? – тихо спросила Ирина.

– Нет, нет. Вы не тревожьтесь. Это решающего значения не имеет. Просто я удивлен. Нормальный цвет кожи у

него сейчас должен быть бледно-восковой. Но мы посмотрим, посмотрим. Завтра я увижу вашего сына и первого приверженца моей теории, поплатившегося жизнью за свою глубокую веру в науку.

– Профессор! – Ирина схватила его за руку. – Профессор, я верю в вас. Сперва не верила, но когда слушала вот здесь, я поверила, – вы совершите чудо. Да, да, я знаю: это наука, но это будет и чудо. Профессор, я в жизни никогда не плакала. Как мне рассказать вам о моем горе?

Профессор растерянно бормотал что-то успокоительное, но, видимо, он и сам волновался и поэтому ничего внятного не мог сказать.

Ася совсем забыла, что должна успокаивать тетю Рину. Глядя на ее заплаканные глаза, она размазывала по лицу свои собственные, не менее обильные слезы и, всхлипывая, шептала:

– Профессор... профессор...

11. Биение сердца

Татьяна Свенсон сидела между двумя койками. Справа лежал Ветлугин, слева, опустив ноги, обутые в мягкие комнатные туфли, сидел дед Андрейчик.

В этой палате они лежали вдвоем: Владимир Ветлугин и его тесть. Здесь было тихо и уютно. На подоконнике стояли цветы и маленький аквариум с красивыми амазонскими рыбками-полумесяцами.

Все трое молчали, и оттого больничный уют, тишина, цветы и даже ярко раскрашенные рыбки в аквариуме казались печальными, как тишина, цветы и яркие огни на

похоронах. Татьяна Свенсон, Ветлугин и дед Андрейчик думали каждый по-своему, но все об одном и том же: о погибшем мальчике.

– Я все же не пойму, – сказала Татьяна, – почему Ирина не сказала ему в тот день, что будет буря?

– Откуда ей знать, что он такое выдумает? Это я, старый осел, знал о его затеях и молчал, – сокрушенным тоном произнес дед Андрейчик.

И снова наступила тягостная тишина. Молчание нарушил Ветлугин. Он будто рассуждал вслух:

– Это преступление...

Дед Андрейчик взглянул на него вопросительно.

– Ты о чем?

– Это преступление, – словно не расслышав вопроса, продолжал Ветлугин. Он поднял над одеялом свои забинтованные руки. – Подарить ребенку самолет и разрешить ему летать у полюса, где погода меняется каждые полчас...

Ветлугин приподнялся на локтях.

Татьяна Свенсон с тревогой взглянула на бледного взлохмаченного начальника «Арктании».

– Владимир Андреевич, что с вами?

Он подержался еще немного на локтях и вновь опустился на подушку.

– Не в полюсе дело, а в том, что мы с тобой ротозеи, – ворчливо сказал старик. Затем добавил уже более примирительным тоном: – А я все-таки надеюсь на этого профессора. Если бы он не был так уверен, он не взялся бы за это дело. Факт...

В наступившей тишине явственно слышались шаги за дверью. Кто-то прошел по коридору и снова вернулся.

Это прошла Ирина. Уже пять часов подряд, прижав ладони к щекам, ходила она по коридору взад-вперед мимо белой двери, на которой висела дощечка с надписью: «Операционная». Тут же в коридоре рядком стояли журналисты, жадно прислушиваясь к таинственным шорохам за дверью операционной. Пригорюнившись, сидели в конце коридора няньки. Но Ирина ничего этого не замечала. Она запомнила одно: там, за белой дверью, лежит ее мальчик, ее Юра. Он мертвый. Над его трупом хлопочут какие-то люди в белых халатах. Они хотят оживить Юру. Они могут оживить его. Но могут и не оживить. Это опыт. И перед глазами молодой женщины возникала величественная голова профессора Британова. Ирина вновь и вновь до мельчайших подробностей вспоминала, как распахнулась дверь, как вошел вот в этот коридор седовласый, похожий на какого-то северного Зевса старик. Пар клубился вокруг его серебряной гривы. Зычным голосом (будто врач, пришедший с визитом к ребенку, больному коклюшем) он спросил:

— Ну, где тут умерший?

Она, Ирина, так растерялась тогда, что ни слова не могла вымолвить. Только испуганными глазами проводила Британова и его ассистентов в операционную комнату.

На минуту вспомнилось: «Но почему же у Юры черная рука, не покрытая льдом?..»

Кто-то окликнул ее:

— Рина!

Ирина вздрогнула и остановилась.

Перед нею стояла Татьяна Свенсон.

— Рина, присядь. Ведь ты свалишься так.

Ирина вздохнула, повела плечом и опять пошла по коридору мимо насторожившихся корреспондентов.

Внезапно дверь операционной открылась. Молодая белокурая ассистентка вышла, прикрыла за собой дверь и, сняв с лица марлевую маску, спросила:

– Корреспондент «Радио-Правды» здесь?

Бледный Мерс подошел вплотную к ней и вытянул шею, стараясь заглянуть в приоткрытую дверь, но его отстранил высокий плечистый юноша в золотистом костюме.

– Я от «Правды», – сказал он.

– Профессор разрешил вам установить микрофон. Наденьте халат, маску и войдите.

Ирина стояла в отдалении. Она хотела поймать взгляд ассистентки, но та, опустив глаза, ушла.

* * *

В этот необычайный день на устах всего человечества было два имени: «Юра Ветлугин» и «профессор Британов». Люди всех рас и национальностей говорили и думали об одном и том же: об опыте московского профессора, запершегося вот уже несколько часов со своими ассистентами в операционной комнате на острове Седова. Будет ли оживлен замерзший мальчик? Этот вопрос волновал миллионы людей на всех континентах и островах: в странах, окутанных мраком ночи, озаренных первыми лучами утренней зари и освещенных ярким дневным солнцем. Особенно волновались дети. О трагических происшествиях в Арктике они читали лишь в книгах и слышали рассказы стариков, а тут на их глазах стремительно развернулась арктическая трагедия. И потому десятки тысяч малолетних

радиолюбителей не отходили от своих комнатных экранов и приемников.

Центральный дом пионеров решил устроить коллективное слушание передачи с острова Седова для ребят всего мира. В тот момент, когда ассистентка на острове позвала в операционную корреспондента в золотистом костюме, из московской редакции «Радио-Правды» был дан сигнал в Центральный дом пионеров; и буквально через несколько минут все свободные залы клубов, театров и университетские аудитории во всех городах мира были заполнены детьми. Там, где была ночь, ребят, любивших поспать, будили их сверстники и уводили с собой. Это было явление, невиданное до сих пор на нашей планете: дети, миллионы детей сидели в огромных и малых залах и, затаив дыхание, смотрели перед собой; на сценах, на подмостках, подле университетских кафедр – всюду стояли на тонких столиках маленькие компактные приемники радифона, и стрелки на их дисках установлены на одну рубрику: «Остров Седова».

В 5 часов 35 минут по гринвичскому времени в залах, наполненных детьми, раздался голос корреспондента «Радио-Правды»:

– Слушайте! Слушайте! Говорит остров Седова. Наш аппарат установлен в комнате, где профессор Британов производит опыт оживления замерзшего мальчика Юры Ветлугина!..

Затем последовала короткая пауза, после которой все тот же ровный голос продолжал:

– Слушайте! Слушайте! Появились первые признаки жизни у замерзшего мальчика. Сейчас по его телу прошли

сильные конвульсии. Температура повысилась уже до тридцати пяти и одной десятой! Сейчас должно забиться сердце мальчика! Включаю микрофон, соединенный с грудной клеткой. Слушайте!

И вот, в глухой тишине огромных залов и аудиторий, переполненных притихшей детворой, стал зарождаться в воздухе легкий шорох. Шорох исходил из радиофонных приемников. Это были даже не удары сердца, скорее эти звуки напоминали легкие вздохи. Но звуки слышались все четче, все ритмичнее, все звонче. И наконец гулкое биение ожившего сердца наполнило все залы, все улицы и площади, весь мир. И дети, собранные в залах и аудиториях, зашумели: они вскакивали, они что-то кричали и размахивали руками. За мощным, в несколько сотен раз усиленным биением сердца слов их разобрать нельзя было, но горящие глаза и пылающие щеки лучше всяких слов говорили о том великом восторге, который переполнял их собственные сердца.

Кульминационный пункт этого исторического дня наступил, когда миллионы детей с музыкой вышли на озаренные солнцем и электрическим светом улицы. Они пели быстрые, как скороговорка, песни и пританцовывали на мостовых. Дети несли огромные портреты профессора Британова и Юры Ветлугина вперемежку с большими транспарантами, на которых было написано:

«ДА ЗРАВСТВУЕТ СОВЕТСКАЯ НАУКА!»
«МЫ ЛЮБИМ ПРОФЕССОРА БРИТАНОВА!»
«ЮРКА, ЖИВИ ТЫСЯЧУ ЛЕТ!»

А в это время в операционной комнате больницы острова Седова профессор Британов стоял над умывальником и мыл руки. Его окружали журналисты. Профессор прислушивался к успокоительному плеску воды. Восклицания корреспондентов доносились до его слуха будто издалека:

– Это исторический опыт!..

– Древние назвали бы это чудом...

– Мы убедительно просим, Сергей Сергеевич, хоть несколько слов...

В умных молодых глаза Британова жило еще то нервное творческое напряжение, которое лишь полчаса назад разрядилось великолепным научным экспериментом, но усталость и глубоко запрятанное волнение сделали свое дело: стариковские морщины легли на лице Британова, и лицо его приобрело оттенок серого воска.

– Вы просите несколько слов для ваших радиогазет... – сказал он, осушая руки в стенных пневматических перчатках. – Но что я могу сказать в этих нескольких словах о своем опыте, если я тридцать лет работал прежде, чем его совершить, и если до меня многие поколения ученых веками подготавливали этот эксперимент?..

Профессор осмотрел свои сухие руки и окинул смеющимися глазами окружившую его молодежь:

– Здесь кто-то из вас произнес одно старинное слово: «чудо». Вот по поводу чудес я могу сказать для ваших газет несколько слов, именно несколько... Нет таких чудес, которых не сможет совершить наука коммунистического человечества...

Оглянувшись вокруг, Британов спросил:

– Позвольте, а где же папа-мама? Позовите их, пусть они полюбуются на своего сорванца...

* * *

Ирина все еще стояла в коридоре, не решаясь войти в операционную... От волнения на бледном лице ее появился румянец. Видно было, что в этом волнении есть еще большая доля страха: Ирина еще боялась верить, что Юра жив. Но верить этому приходилось: она слышала за дверью оживленный гул голосов, рядом с нею стояла и плакала счастливыми слезами ее лучшая подруга Таня Свенсон.

Наконец открылась дверь, и на пороге появилась та самая белокурая ассистентка, которая раньше боялась смотреть ей, Ирине, в глаза. На ассистентке не было уже марлевой маски. Улыбаясь, она сказала Ирине:

– Пожалуйста. Профессор просит вас войти...

Ирина набрала полную грудь воздуха и, не ощущая под ногами пола, пошла, поддерживаемая Татьяной Свенсон.

Сразу ей показалось, что в комнате чересчур много людей.

Юры среди них не было. Ирина остановилась. И вдруг поняла:

«Ах да, он лежит вон там, в углу, на койке... После смерти он еще, видимо, не совсем здоров... Какие странные мысли приходят в голову!...»

В углу, заслонив своими широченными плечами лежавшего на койке мальчика, профессор Британов слушал у него пульс. Заметив вошедших женщин, он осторожно положил руку мальчика, стал в сторону и сказал громко:

– Ну, вот он, ваш красавец...

Ирина взглянула... и остановилась. Разметав тяжелые черные кудри по подушке, на койке лежал смуглый, почти темнокожий мальчик с длинными изогнутыми ресницами и с красным пятном на лбу, похожим на силуэт ползущей улитки. Грудь его ровно вздымалась: мальчик, видимо, спал.

– А где же... Юра? – тихо спросила Ирина и обвела всех изумленным взглядом.

Из-за ее плеча Татьяна Свенсон испуганно глядела на незнакомое лицо мальчика.

– Как где? – хмуря густые брови, сказал Британов. – Он перед вами...

Переглянувшись, корреспонденты, как по команде,

навели на Ирину раструбы фонографов. Мерс насмешливо глянул на профессора сквозь свои оранжевые светофильтры.

– Это... не... он... – запинаясь, сказала Ирина и стала отступать спиной к двери, словно видела перед собой страшное видение. – Это не Юра! – вдруг крикнула она и бросилась вон из комнаты.

Навстречу ей, услышав ее вопль, уже бежали в одном белье забинтованный Ветлугин и босой дед Андрейчик.

– Володя! – крикнула Ирина и добавила тихо: – Это... не... Юра.

Ветлугин вовремя подхватил на руки жену: Ирина была без сознания.

12. Куда исчез Юра

25 мая утром корреспонденты радиогазет передали с острова Георгия Седова экстренное сообщение:

«21 мая спасательная экспедиция доставила на остров вместе с глыбой льда труп мальчика, погибшего на льду во время шторма. Врачи островной больницы обратили внимание на темный цвет кожи рук и лица погибшего. Недомение вызвала также одежда мальчика, общие очертания которой можно было различить сквозь лед. Когда труп был вынут из мраморной каны, в которой производилось оттаивание под высоким давлением, с мальчика сняли его одежду. Она действительно оказалась каучуковым глубинным скафандром с металлическим креплением. Шлема и камер верхних конечностей (рукавов) не оказалось. Под

скафандром на трупе были надеты одни грязные трусы. Матери эту одежду мальчика своевременно увидеть не довелось, а врачи, не знаящие в лицо Юру, не придали его странному наряду особого значения. Но, после того как мальчик был оживлен, молодая женщина лишилась сознания: перед нею лежал чужой мальчик. Только тогда для всех стало очевидным, что спасательная экспедиция нашла на льду какого-то другого, неизвестного замерзшего мальчика.

Нам точно известно, что Юра Ветлугин вылетел со станции один. Непонятно, каким образом очутился во льду на восемьдесят шестой параллели второй мальчик.

Командор дивизиона и пилоты спасательной экспедиции утверждают, что все пространство в двадцать три тысячи квадратных километров, на котором 21 мая свирепствовал шторм, обследовано самым тщательным образом: подобраны не только люди, но даже разбитый автожир, самолет „Молния“ и обломки отцепной кабины, в которой спустились Владимир Ветлугин и старик Андрейчик. Подобрана также и электрокирка Юры, которой он рубил лед. На льду оставлен лишь дохлый моржонок, который служил для Юры Ветлугина своеобразным посадочным знаком во время поисков трупа Амундсена.

Сегодня же, как только была обнаружена ошибка, шестьдесят легких самолетов-разведчиков вылетели на поиски исчезнувшего Юры Ветлугина. Двадцать машин самым тщательным образом обследовали район, где был обнаружен разбитый автожир „Полярный жук“. Остальные сорок машин взяли под наблюдение соседние районы и обследовали в общей сложности двести тысяч квадратных

километров поверхности льда и воды. Во всех соседних районах они не обнаружили никаких следов пребывания мальчика. Только в одном месте на льду самолеты сверху заметили какой-то блестящий предмет. Он был подобран и оказался консервной банкой из-под персикового компота.

Отряд, совершавший разведывательные полеты над районом, где был найден разбитый автожир Юры Ветлугина, также не нашел мальчика.

Пилоты и альпинисты-разведчики, участвовавшие в экспедициях, склонны думать, что Юра Ветлугин угодил во время пурги в трещину и пошел под лед. Иного объяснения столь загадочному исчезновению мальчика никто дать не может.

Нашим корреспондентам удалось переговорить с профессором Британовым. Профессор смог уделить им десять секунд. Передаем его собственные слова, записанные фонографом».

Вслед за этим абоненты радиогазет слышали ровный бас профессора Британова:

«Врачей и пилотов поразила странная окраска кожи мальчика. Теперь я понял, в чем тут дело: темная кожа является для мальчика естественной, он не принадлежит к белой расе...»

13. Таинственные гости на станции «Арктания»

26 мая, около 12 часов дня, Свенсон находился в диспетчерской станции «Арктания». Вдруг он слышал глухой, но очень сильный удар, похожий на взрыв. Свенсон уставился на репродуктор внутреннего радиодина. Прошло

двадцать секунд, никто ничего не сообщал. Свенсон выбежал на площадку. Подле барьера стояли два механика, метеоролог, пилот-разведчик и Татьяна. Механик показывал пальцем в стеклянный барьер.

Свенсон пошел осведомиться, что их так заинтересовало.

— А вот, взгляните, Свенсон, вон туда и скажите, почему в тихую погоду вдруг взломался лед? — сказал один из механиков и передал Свенсону бинокс.

Действительно, то, что Свенсон увидел в телескопический бинокль, показалось ему очень странным: приблизительно в полукилометре от станции, во льду, который плотным массивным полем лежал под станцией на много километров вокруг, образовалась огромная полынья, диаметром метров в пятьдесят. Свенсон знал, что ледяные поля в районе станции в эти дни достигают трех метров толщины. В шторм они часто трескаются, взламываются, льдины с грохотом нагромождаются одна на другую, но очень редко в тихую погоду здесь образуются такие большие полыньи. Воронка же почти правильной круглой формы, с огромными глыбами льда по краям, выброшенными каким-то неведомым могучим ударом снизу, из воды, — это было действительно диковинное явление. Свенсон родился в Арктике, он знал все, что касалось льда и воды северных полярных морей, но такую полынью он видел впервые.

Гидрограф уже хотел было сходить к радиосейсмографу посмотреть, не зарегистрировал ли он землетрясения или вулканического извержения на дне океана в районе полюса, как вдруг странное движение в полынье привлекло

его внимание. Свенсон вновь поднес к глазам биноксеп и ясно увидел, что из воды поднимается башенка подводного судна. Затем крышка в башне откинулась, и на лед полетел трап с кошками на конце. Немного погодя по трапу стали подниматься люди: один, другой, третий.

О том, что какое-то подводное судно взорвало лед и, пользуясь воронкой, всплыло на поверхность, уже догадались и Свенсон и остальные работники станции. И все же Свенсон был удивлен: с тех пор как подводные корабли стали совершать безостановочные тысячекилометровые переходы подо льдом, ему никогда не приходилось видеть, чтобы субмарина таким образом выбиралась на поверхность. Он уже твердо был уверен, что на судне случилась серьезная авария и людям нужна помощь станции.

Трое людей, поднявшихся на лед, приближались к станции: они спотыкались и неловко ковыляли среди глыб и ледяной крошки, выброшенных взрывом.

Свенсон велел одному из механиков, Хьюзу, опустить подъемник. Люди поднялись. Свенсон направился к ним навстречу, но гости остановились, не подходя близко и не произнося никакого приветствия. Один из них, косоглазый, скуластый старик-японец с зеленоватым лицом, вяло глядя на Свенсона, спросил:

— Вы Свенсон?

— Я, — сказал Свенсон, недоумевая, откуда может знать его фамилию этот старик.

Дальше последовало несколько вопросов подряд. Японец задавал их безразлично, словно следователь, которому подобные вопросы уже надоели и сам допрашиваемый несколько не интересен. Говорил он на плохом английском языке.

- Вы замещаете Ветлугина?
- Да.
- Сам Ветлугин где?
- На острове Диксон.
- Жена Ветлугина где?
- Там же.

Японец оглянулся на своих спутников и заговорил с ними на каком-то непонятном гортанном языке, явно не европейском.

Торопливость была несвойственна Свенсону. Он видел, что Татьяна и группа работников станции сгорают от желания узнать, кто такие подводные путешественники и что заставило их подняться на поверхность. Но Свенсон молчал, пристально разглядывая неожиданных гостей. Все в них казалось ему непонятным и необычайным. Одеты все трое были почти одинаково: на них были серые короткие куртки, подбитые мехом, стального цвета военные рейтузы, желтые краги на ногах и лисьи малахаи на головах. Но особенно поразительными казались их лица. Свенсон знал, что лица подводников всегда отличаются некоторой бледностью; у этих же людей лица были даже не бледные, а какие-то белые, будто фарфоровые. У старого японца бледность породила зловещую зелень на лице. Кроме того, все трое оседлали свои носы желто-зелеными светофильтрами, хотя положение солнца в это время не было угрожающим для зрения.

Чем больше присматривался Свенсон к загадочным посетителям, тем больше недоумевал.

– Может быть, я или мои сотрудники сможем вам быть полезными? – спросил наконец Свенсон.

Старик навел на него свои желто-зеленые окуляры, помолчал и проямлил:

– Нет, нам нужен кто-нибудь из Ветлугиных.

Свенсон стал объяснять, что случилось и почему вся семья Ветлугиных оказалась вне станции, но старик бесцеремонно перебил его:

– Мы все знаем. Мы получили сведения, что Ветлугины вылетели с острова Седова на станцию.

– Нет, они в последнюю минуту изменили маршрут и направились в Североград. А вам с Ветлугиным необходимо говорить по личному делу или по служебному? – спросил Свенсон.

– По личному.

– Вы можете поговорить с ним отсюда по радиофону.

– Нет, – старик мотнул головой, – мне нужен разговор с глазу на глаз.

Затем между стариком и его бледными спутниками последовали новые переговоры на непонятном наречии. Свенсон терпеливо ждал. Наконец, когда гости умолкли, сказал:

– Мне показалось, что ваше судно поднялось на поверхность из-за какой-то аварии.

– Нет. Все благополучно, – проямлил старик.

– Вы шли из Европы в Америку или в обратном направлении? – спросил Свенсон.

На этот раз японец ничего не ответил. Он отвернулся от Свенсона и произнес несколько слов на своем таинственном языке. Его спутники, застывшие словно адъютанты, повернулись на каблуках. Все трое зашагали к подъемнику.

Старик вел себя вызывающе. Это расшевелило даже флегматичного норвежца. Он сделал шаг вперед и сказал:

– Хелло! Товарищи! Объясните, что значит эта комедия?

Странные посетители гуськом продолжали пробираться к подъемнику, не обращая внимания на слова Свенсона. Тогда норвежец засопел и крикнул каркающим голосом:

– Хелло! Хьюз! Спустишь вниз этих людей только по моему приказанию.

Механик Хьюз запер люк подъемника и стал в сторону.

Подводники остановились и повернули к Свенсону свои фарфоровые физиономии.

– Сейчас же спустите нас на лед, – негромко, но внятно сказал старик японец.

– Я должен знать, кто вы такие и зачем пожаловали на станцию, – спокойно сказал Свенсон.

Спутники японца мгновенно забросили руки назад и стали отстегивать что-то подле задних карманов. Старик строго взглянул на них, и они опустили руки.

– Ну что вы пристали? – с досадой сказал старик. – Ну... мы... океанографическая экспедиция...

– Фамилия? – резко спросил Свенсон.

– Мы... мое имя... Осуда... Профессор Осуда.

Свенсон вопросительно взглянул на жену. Татьяна Свенсон работала на станции океанографом и была знакома почти со всеми океанографами мира. Татьяна Свенсон пожала плечами, давая понять, что о таком профессоре океанографических наук она не слыхала.

– Что вам здесь нужно?

Свенсон спрашивал спокойным тоном, но формой вопросов явно мстил посетителям-невежам за их бесцеремонный допрос и за нежелание объяснить цель своего визита.

– Ветлугин – мой старый друг... – сказал старик.

Японец лишь внешне казался смущенным. Свенсон угадывал, что он чувствует себя здесь, на станции, очень независимо. Гидрограф задал еще несколько вопросов и велел спустить всех троих на лед.

Они спустились вниз, добрались до своей воронки и полезли по трапу к башенке подводного судна.

14. Водоход идет по дну бассейна

Мерс всхрипнул, пожевал губами и открыл глаза. В комнате было темно; только розовые огоньки радиевых часов светились на стене. Мерс прищурился, взглянул на часы и тотчас же вскочил. Заслонил рукой у окна тонкий луч света, направленный на катодную лампу, и послушное реле швырнуло вверх от подоконника к потолку темную вуалетку. Буйный поток утреннего света ворвался в комнату. Мерс фыркнул, прикрыл глаза и, словно слепец, стал шарить на ночном столике. Наконец нащупал очки-светофильтры, надел их и только тогда спокойно огляделся вокруг. Затем напялил канареечную пижаму и направился в смежную комнату.

Гостиницы в поселке острова Седова не было, но зато здесь существовала прекрасно оборудованная больница, и второй этаж жилого дома медперсонала при больнице заменял приезжающим гостиницу. По старой памяти, люди, живущие в Арктике, считались до известной степени подвижниками, и им полагался здесь, в виде компенсации за злющие морозы, полугодовые ночи и пургу, такой комфорт, о котором советские полярники первых десятилетий

Октябрьской революции даже и мечтать не могли. Полагался он и в той части жилого дома больничного персонала, которая была отведена для корреспондентов, профессора Британова, его ассистентов и прочих неожиданных гостей на острове. Каков был этот комфорт, можно было судить хотя бы по той комнате, в которую вошел Мерс. Называлась она «ванной». Здесь находились ванна и великолепный мраморно-зеркальный умывальник, с потолка свешивались гимнастические кольца, в углу стояли штанги, с пола поднимался и вился змеевиком вверх спиральный душ. Тут же в стене устроена была воздушная ниша, теплыми струями воздуха заменявшая простыню. Эта светлая, просторная, сверху донизу выложенная фаянсовыми арабесками¹³ комната как бы делилась на две части: в одной помещались все уже перечисленные блага гигиены, в другой изразцовый пол был опущен на два метра в глубину, — таким образом половина комнаты, отгороженная барьером и сообщавшаяся с верхней ее частью небольшой лесенкой, превращена была в бассейн.

Мерс заглянул в бассейн, отвернул один из пяти кранов и вышел. Затем он вызвал по внутреннему радиофону буфет и попросил подать завтрак в его комнату.

Через пятнадцать минут молодой, необыкновенно белокурый и кудрявый санитар с разбитными глазами остановился у двери пятнадцатой комнаты и, вежливо улыбаясь в рамку комнатного стереовизора, вделанную вместе с микрофоном в дверь, сказал:

— Вы, если не ошибаюсь, просили подать завтрак...

¹³ Арабески — скульптурные, мозаичные или живописные украшения.

Санитару никто не ответил. Парень переступил с ноги на ногу, покосился вверх на репродуктор и уже громче повторил:

– Алло! Если не ошибаюсь, вы просили завтрак... Он уже поступил к вам в комнату. Разрешите накрыть стол.

Никто не отозвался.

Санитар тронул дверь, – она оказалась незапертой, – вошел, оглянулся: никого. На столике стоял изящный портативный фонограф, похожий на флакон духов с небольшим раструбом вместо горлышка.

– Накройте стол и можете идти, – сказал сухим, потрескивающим голосом фонограф.

Санитар подмигнул фонографу и открыл в стене дверку конвейера: завтрак, посланный из буфета, был уже в конвейерной нише. Затем он поставил поднос на маленький столик, расставил приборы и завтрак и хотел уже уйти, но в этот момент из ванной послышался плеск воды. Санитар прислушался и сказал негромко:

– Товарищ Мерс, завтрак в номере.

Ответа не последовало. Из ванной опять послышались фыркание и плеск.

Парень постоял в раздумье. Он успел уже узнать, что жилец из пятнадцатой комнаты отличается нелюдимым характером и неприятными манерами. То, что Мерс и сейчас отмалчивается, очевидно входило в его обычную манеру обращения с персоналом больницы. Подумав с минуту, санитар решил все же дать о себе знать Мерсу.

– Стол накрыт. Вам больше ничего не нужно? – громко спросил он.

Но и на этот раз в ответ раздалось только продолжи-

тельное сопенье. Санитар недоуменно взглянул на дверь ванной: странно, он никогда не слышал, чтобы купающийся человек мог так долго и громко сопеть. Не случилось ли чего? Он тихонько толкнул дверь ванной, – эта дверь также оказалась незапертой, – заглянул: никого. Шагнул смелее, приблизился к бассейну и испуганно попятился к двери... То, что он увидел, было так необычайно, что санитар на минуту остолбенел от неожиданности: в бассейне, до краев наполненном водой, на бледно-розовом мозаичном дне его, разбросав в стороны руки и ноги, лежал великан с огромной стальной головой и с железными клещами вместо кистей рук. На поверхность воды головастое чудовище выбрасывало с громким плеском и сопеньем пенистый фонтан. Затем внезапно сопенье прекратилось, и великан затих.

Санитар выпрыгнул из ванной, растерянно метнулся по комнате, заколотил кулаком в стену соседней комнаты, а потом, видимо вспомнив о внутренней сигнализации, набросился на кнопку у кровати с надписью «Экстренный вызов». Через минуту в пятнадцатую комнату ворвались сразу трое: дежурный врач, уборщица и старик Андрейчик, поселившийся по соседству с Мерсом после выписки из больницы.

– Там... – заплетающимся языком сказал санитар и указал на ванную. – Посмотрите...

Дежурный врач решительно шагнул вперед, а за ним двинулись остальные. Вошли и застыли с изумленными лицами: великан с металлической головой продолжал лежать на дне бассейна. Потом он шевельнул железной клешней, уперся ею в дно и сел.

Для всех уже было ясно, что перед ними водолаз; но кто

именно находится в скафандре и зачем этому чудаку понадобилось опускаться в комнатный бассейн в костюме водолаза, – этого ни врач, ни санитар, ни уборщица понять не могли. По лицу старика Андрейчика трудно было догадаться, понимает ли он что-нибудь в этой забавной истории, или нет: дед Андрейчик стоял, опершись на барьерчик, и с видимым интересом следил за поведением водолаза.

Водолаз между тем довольно легко встал в воде на ноги и пошел по дну бассейна к ступенькам. Тяжко ступая высокими свинцовыми подошвами, взошел он по лестнице, остановился перед изумленными «спасателями» и стал распадаться у них на глазах. Сперва на пол упал один рукав с клешней, потом другой, затем, повозившись у подбородка, комнатный подводник, как крышку, откинул назад тяжелый шлем. Под шлемом оказалась круглая фарфоровая физиономия Мерса с неизменными желто-зелеными очками на носу. Сердито сопя и бросая косые взгляды из-под очков на непрошенных гостей, антарктический корреспондент отцепил укрепленный у него за плечами баллоновидный аппарат.

Это была последняя модель скафандра, выпущенная несколько месяцев назад заводом подводных приборов и механизмов «Океанстрой». Назывался скафандр «водоходом», и назывался так не случайно. Это была уже не только защитная одежда водолаза. Водоход был самостоятельным механизмом, он передвигался по дну моря вместе с человеком, стоящим в нем. Двумя верхними конечностями, снабженными автоматически выдвигаемыми инструментами, водоход мог рыть дно, переносить различные предметы, сверлить, долбить, освещать, фотографировать и

делать многое другое. Немного похожий внешне на гигантский комплект рыцарских доспехов, водоход сооружен был из высококачественной легкой стали, способной выдержать давление до трехсот атмосфер и удар разрывной пули электронной «пращи Давида». Плотный водоход сохранял внутри себя нормальное давление и обогащал воздух необходимым для дыхания кислородом «собственного производства»: он электролизовал и разлагал воду при помощи компактной аппаратуры, заключенной в баллоне. Выделяющийся при разложении воды газ аргон использовался водоходом для освещения дна и для получения электроэнергии от фотоэлемента, которым был снабжен. Каскадный усилитель наделял это стальное морское чудовище огромной силой. Это был скафандр и батисфера¹⁴ в одно и то же время. По желанию водолаза он мог моментально всплыть в любом месте, даже посреди открытого океана, и в случае надобности плыть по воде, как закрытая лодка, при помощи винта. Каучуковый скафандр со стальным креплением и с запасом сжатого воздуха, бывший в употреблении до водохода, выглядел по сравнению с ним так, как выглядел бы воздушный шар Монгольфье¹⁵, случайно залетевший на газопонтонную станцию «Арктания».

Мерс вылез из воды и тотчас же стал освобождаться от своего громоздкого одеяния. Освободившись, он поправил очки и холодно спросил:

¹⁴ Батисфера – камера, в которой люди без водолазных костюмов опускаются под воду для изучения морских глубин.

¹⁵ Монгольфье Жозеф и Жан-Этьен – братья, французские ученые, изобретатели первого воздушного шара (1782 год).

– Чем обязан?

Врач и санитар переглянулись.

– Мы думали, случилось что-нибудь...

– Нас вызвали...

– Чепуха! – небрежно сказал Мерс и надул свои белые щеки. – Я опробовал кислородный прибор в этом скафандре.

– Вы подводник? – вежливо спросил врач.

– Любитель, – нехотя ответил Мерс. Он явно ждал, чтобы непрошеные гости убралась восвояси.

Уборщица и санитар, извинившись, вышли. Дежурный врач задержался. Он наклонился над фаянсовыми плитами пола: некоторые из них были выщерблены металлической обувью скафандра.

– Если вы, товарищ, станете когда-нибудь любителем-археологом, не вздумайте здесь у нас в доме заниматься опытными раскопками, – сказал дежурный врач.

– На этот счет можете быть спокойны, – ответил деревянным тоном Мерс.

– Постараюсь. – Врач критически взглянул на беспкойного постояльца.

– Хам! – сказал Мерс, когда дверь закрылась за врачом. Затем он направился к себе в комнату. Разложил здесь огромный чемодан и стал упаковывать в него легкие стальные части скафандра.

Кто-то кашлянул за его спиной. Мерс быстро обернулся: перед ним стоял дед Андрейчик.

– Вы... вы разве не ушли? – спросил Мерс.

– Нет, – кротко сказал старик. – А я вам уже надоел?

– Я сейчас ухожу, мне некогда.

- Я тоже уйду. Гулять идете?
- Да.
- Где вы раздобыли этот скафандр?
- Здесь. На острове...
- Давно?
- Вчера.
- Купили?
- Нет, взял для ознакомления.
- У кого?
- Это неважно.

– Знаете, товарищ Мерс, о чем я хочу вас попросить? Пока вы будете гулять, дайте мне рассмотреть данный подводный костюмчик. Это что-то новое. Я тоже такого еще не видел. А? Как вы на этот счет?

Старик говорил просительным тоном, но смотрел он на своего соседа отнюдь не просительно, скорее даже испытующе, словно проверял: даст или не даст?

– Нет, – резко сказал Мерс. – Я должен его сегодня вернуть.

– Жалко...

– Я сейчас буду переодеваться, – нетерпеливо сказал Мерс.

– А-а... Ну-ну. Переодевайтесь.

Старик пошел к двери.

– Да, – вспомнил он. – Вы сегодня в больницу придете?

– А что?

Мерс насторожился.

– Интересный сеанс предстоит. Известный бразильский языковед дель-Грасиас будет по радио беседовать с ожившим мальчишкой.

Дед Андрейчик взялся за ручку двери.

– В какое время? – спросил Мерс.

– В двенадцать по Гринвичу... – Старик постоял с минутой. – Ну, я пойду. Вы здесь переодеваться хотели.

Через несколько минут после ухода старика Мерс уже спускался по лестнице в вестибюль. В руках он держал тяжелый большой чемодан.

– Съезжаете? – спросил дежурный.

– Нет. Отлучаюсь. Прикажете подать аэросани. Поеду без водителя.

Дежурный связался с гаражом и попросил подать к подъезду аэросани.

Через минуту под самую дверь больничного дома подкатил изящный пепельный лимузин обтекаемой формы, маленький и изолированный, как старинная танкетка, юркий и тихий, как мышь. Это были аэросани последнего выпуска Горьковского автозавода. Вернее, это были ракетосани, но назывались они «аэросанями» по старой памяти, в честь пропеллеровых снеговых самокатов, появившихся еще в первые годы Октябрьской революции.

Водитель вылез из саней, помог Мерсу укрепить позади кабины его чемодан, закрыл в нем дверку и отошел в сторону. Сани легким птичьим полетом пошли по снеговой дорожке по направлению к берегу.

Маршрутом саней Мерса никто не интересовался в тот день. Лишь один человек стоял у окна на втором этаже жилого дома больницы и не выпускал из поля биноскопа удалявшийся к морю изящный пепельный лимузин. Это был дед Андрейчик. Он видел, как аэросани Мерса, нырнув за темную, со снеговыми отметинами скалу, выпрыгнули

прямо на береговой лед и пошли прочь от острова. Отъехав около полукилометра, Мерс вылез из саней и скрылся за ближайшим торосом.

Старик отнял от глаз свой телескопический бинокль.

– Факты интересные, – сказал он и отошел от окна.

15. Мальчик говорит на языке племени «Золотая улитка»

В четвертой палате больницы острова Седова ждали появления на экране стереовизора известного бразильского лингвиста Мартина дель-Грасиас. В палате присутствовали: профессор Британов, знаменитый ирландский психиатр профессор О'Фенрой, главный врач островной больницы и Ася. Шесть корреспондентов, в том числе и Мерс, помещались в смежной комнате. Открытая дверь и дублетный экран стереовизора позволяли корреспондентам слышать и видеть все, что будет происходить в соседней комнате, и задавать в случае необходимости вопросы.

Подлинным виновником этого несколько необычайного собрания был, конечно, не бразильский лингвист. Внимание всех в четвертой палате и в соседней комнате приковано было к загадочному пациенту профессора Британова. Он, этот пациент, тоже находился в палате, и с ним должен был беседовать бразильский лингвист.

Худенький мальчик, на вид лет тринадцати, одетый в белое больничное белье, укрытый до груди легким шерстяным одеялом, полусидел на койке, обложенный подушками со всех сторон. Смуглое, будто подернутое табачным загаром лицо его казалось сонным и усталым. Большие черные глаза были прикрыты густыми длинными

ресницами, – казалось, он дремал. Это и был тот самый мальчик, которого нашли 21 мая летчики противоштормового дивизиона замерзшим в глыбе льда. Профессор Британов блестяще довел до конца свой исторический опыт оживления замерзшего человека; и вот он, этот первый в мире человек, вырванный из холодного, никогда не разжимавшегося кулака смерти, тело которого всего несколько дней назад издавало почти металлический звук при ударе, – этот человек сидел теперь на больничной койке. Он дышал, он видел, он слышал, он осязал, он обонял. Единственное, что отличало его от прочих людей, это общая слабость, постоянная сонливость и апатия. Профессор О'Фенрой тщательно изучил мальчика и пришел к выводу: физически мальчик вполне нормален, апатия и сонливость суть следствия общей слабости, которая в свою очередь вызвана применением радия при реставрации клеточной ткани.

– Вполне возможно, что у мальчика отсутствует полностью или частично память. Но это мы сможем проверить лишь после того, как кто-нибудь побеседует с мальчиком, – сказал однажды профессору Британову ирландский психиатр.

Однако побеседовать с мальчиком оказалось не таким легким делом. Мальчик молчал и на все вопросы на всех языках отвечал лишь удивленным взмахом своих изумительных ресниц и долгим напряженным взглядом. Затем его взгляд рассеянно скользил по стенам комнаты, и мальчик впадал в дремоту. За десять дней своего пребывания в больнице острова Седова он не произнес ни одного слова. Заговорил молчаливый пациент профессора Брита-

нова три дня назад, то есть на тринадцатый день своей жизни. Собственно говоря, он даже не заговорил, он только произнес несколько слов. Случилось это благодаря Асе.

После отъезда Ветлугиных Ася и дед Андрейчик не покинули острова. Старик воспользовался отпуском и остался здесь по каким-то своим таинственным соображениям. Асе мать разрешила остаться с дедушкой Андрейчиком при условии, если она будет его слушаться.

Дочь долгового гидрографа полюсной станции, лишившись единственного друга, Юры, всю свою привязанность перенесла на смуглого и молчаливого обитателя палаты № 4. И потому Ася с большой радостью и безоговорочно подчинилась совету деда Андрейчика: никуда не отлучаться от мальчика из четвертой палаты и обо всем вечером рассказывать ему, деду Андрейчику. В первые дни врачам не нравилось, что рыжая курносенькая болтушка вертится под руками у знаменитых профессоров, съехавшихся в больницу ради невиданного больного, но, после того как профессор О'Фенрой как-то шутя сказал: «Держу пари, что эта щебетунья разговорит нашего молчальника», — после этого Асю беспрепятственно стали допускать к ее молчаливому другу. И он, видимо, узнавал ее: стоило Асе куда-нибудь надолго отлучиться или с утра прийти попозже, мальчик беспокойно ворочал головой во все стороны, отыскивая ее.

Ася вбегала к нему в палату и, не обращая ни на кого внимания, принималась поправлять постель, поднимала у него со лба тяжелые кудри, щупала лоб и говорила, говорила: о каком-то Андрюшке Голикове с Новой Земли, который всякий раз, когда она разговаривает по радио с

учителем, показывает ей на экране язык; о своей станции, о дедушке Андрейчике.

Три дня назад произошла сцена, которая стала уже обычной для четвертой палаты: мальчику принесли обед; он безразлично взглянул на янтарный бульон и устало опустил свои удивительные ресницы. Тогда Ася приступила к своим обязанностям:

– Почему ты не хочешь кушать? – спросила она, забывшая, что мальчик может не знать русского языка. – Не кушать – вредно. Ты больной, и тебе нужно кушать. Вот доктор говорит, что ты умрешь, если не будешь кушать. Правда, доктор, он умрет?

– Обязательно, – ответил ирландский психиатр, с интересом наблюдавший эту сцену.

– Вот видишь, – тоном взрослой сестры сказала Ася. – Ты уже раз умер и опять умрешь... Только теперь уже на самом деле.

Мальчик поднял тяжелые веки, в глазах у него появилось выражение не то недоумения, не то внимания. Он следил за выразительной мимикой Аси, за ее широко открытыми глазами, в которых она хотела отразить весь свой ужас перед его неминуемой голодной смертью. Обычно подобные увещевания кончались тем, что Ася насильно всовывала мальчику в руку одну ложку, сама брала другую и, причмокивая и закатывая глаза от наслаждения, которое ей якобы доставляет бульон, показывала, что она уже ест, что уже сыта и что теперь очередь за ним. Мальчик зачарованно глядел на нее, он, как автомат, опускал ложку в тарелку, подносил ко рту, снова опускал. Несколько глотков он, во всяком случае, делал. Но три дня назад, глядя на

уморительные гримасы маленькой хлопотуньи, мальчик вдруг слабо улыбнулся и пошевелил губами. Тихо, едва слышно, он произнес несколько слов. Может быть, это были даже не слова, а лишь нечленораздельные и не связанные между собой звуки, но необычайно чувствительный фонограф, постоянно висевший у него над койкой, в точности записал эти звуки. Третьего дня фраза, произнесенная мальчиком, была отделена от других звуков и несколько раз с пленки передана по радио. В самых различных уголках мира ее внимательно выслушали люди всех племен и национальностей. Ответы поступали тридцать часов подряд. За исключением одного человека, никто не понял языка мальчика. Лишь один бразильский лингвист Мартин дель-Грасиас, известный знаток языков Южной Америки, сообщил, что он понял значение слов, сказанных мальчиком. Фраза, как утверждал Грасиас, произнесена на языке индейского племени курунга, некогда открытого в лесах Боливии этнографом Венгером, но затем бесследно исчезнувшего. Всех слов четыре: «Та гра бай нгунко...»

Одно из слов («гра») означает еду, другое («нгунко») – желание с отрицательным предлогом («бай»), аналогичным русскому «без» или «не». «Та» есть местоимение, в зависимости от ясности произношения гласной «а» означающее либо «я», либо «мы». В целом вся фраза означает: «Я не хочу есть...»

Заявление бразильского лингвиста произвело ошеломляющее впечатление на этнографов и лингвистов всего мира. Ошеломило ученых, конечно, не содержание фразы мальчика, расшифрованной Мартином дель-Грасиас, а то обстоятельство, что обнаружен живой индеец племени курунга.

Нужно знать, что курунга (так называли себя люди этого племени, что означало на их языке «Золотая улитка») в свое время очень заинтересовали ученых. Курунга были открыты этнографом Венгером случайно в самых непроходимых тропических дебрях Южной Америки. Никто не успел хорошо изучить это племя. От Венгера ученые узнали, что он нашел племя курунга – «Золотая улитка» – в сельвасах ¹⁶ восточной Боливии, что оно вымирает от гриппа и ведет довольно примитивный образ жизни. Вот описание индейцев курунга, опубликованное пятьдесят лет назад Венгером:

«Все курунга удивительно красивые люди: у них темная, почти негроидная кожа и необычайно правильные, если так можно выразиться, «эллинские» ¹⁷ черты лица. Они великолепно сложены, и взрослые мужчины у них ростом не ниже двухсот сантиметров. Волосы у курунга не жесткие, а мягкие и волнистые, глаза большие, у женщин и детей весьма выразительные. Одежды курунга не носят, на лбу у детей выжигают красное пятно, отдаленно напоминающее улитку (для курунга улитка – священное, покровительствующее племени существо)».

Венгер записал все слова, которые ему удалось услышать от индейцев курунга. Кроме того, этот этнограф вывез из лесов Боливии попугая, говорящего на языке курунга. Попугай был необычайно старый, сморщенный и голый; он был похож на большого дряхлого птенца.

¹⁶ Сельвасы – влажные тропические леса Южной Америки.

¹⁷ Эллинские – греческие.

Затем племя «Золотая улитка» внезапно исчезло; ни знаменитая экспедиция Карльса, ни другие этнографические экспедиции не могли обнаружить следов этого племени. Ученые решили, что грипп доконал боливийских лесных великанов и красавцев. В руках у этнографов и лингвистов остались лишь записи Венгера и полумертвый от старости попугай. Эти записи и болтовня столетнего попки помогли восстановить язык племени курунга – «Золотая улитка» – бразильскому этнографу и знатоку индейских наречий Южной Америки Мартину дель-Грасиас, появления которого на экране стереовизора в четвертой палате и ждали профессор Британов, ирландский психиатр О'Фенрой, главный врач и шесть корреспондентов, расположившихся в соседней комнате. Мало значения его предстоящему появлению придавала лишь Ася. Она сидела подле койки и, нимало не заботясь о том, понимает ли ее мальчик, рассказывала своему новому другу, как они с Юрой нашли сперва дохлого моржонка, а затем револьвер, а потом летчики на том же месте нашли его самого и не нашли Юру.

Ровно в 12 часов по гринвичскому времени радиотелефонная и стереовизорная станция острова соединила больницу с Рио-де-Жанейро, и Мартин дель-Грасиас, маленький человек с чахлым лицом, необычайно живыми глазами и вздыбленной шевелюрой, заулыбался с экрана. Профессор Британов был уже знаком с ним по вчерашним переговорам и потому представил бразильца О'Фенрою и главному врачу.

– Очень приятно, очень приятно, – на чистейшем русском языке сказал дель-Грасиас и чопорно раскланялся с ирландским академиком и арктическим врачом.

– Ну, а с нашим молодым курунга, мы надеемся, вы сами познакомитесь, – улыбаясь, сказал московский профессор.

– Да, да, конечно. Но где же он?

Дель-Грасиас, вытягивая шею и вставая на носки, стал издали разглядывать койку с мальчиком.

– Вам видно? – спросил главный врач.

– Да, благодарю вас. А это кто сидит рядом с ним?

– Это приятельница нашего курунга, та самая девица, которая заставила заговорить неразговорчивого молодого человека, – смеясь, сказал профессор Британов.

– Ах! Очень приятно, – дель-Грасиас галантно поклонился Асе, на что она ответила ему традиционным приветствием пионеров.

Наступила тишина. Бразильский лингвист, ероша свою и без того взвихренную шевелюру, с минуту присматривался к мальчику. Вдруг, внезапно, почти одним горлом, дель-Грасиас выкрикнул какую-то короткую фразу. Мальчик шевельнулся, поднял веки, повел глазами и остановил их на пышной серебряной бороде Британова. Московский профессор энергично замотал головой, отступил на шаг и указал мальчику на экран. Несколько раз Грасиас выкрикивал непонятные, похожие на заклинание слова. Наконец мальчик обратил внимание на тщедушную фигурку косматого лингвиста. Бразилец сигнализировал ему самой эксцентрической жестикуляцией с другого конца комнаты.

Оба профессора и врач внимательно следили за выражением лица мальчика. Для них было ясно, что он не ощущал экрана.

Маленький индеец пристально смотрел на лингвиста, видимо собирая свои разбегающиеся мысли и стараясь понять, чего хочет взъерошенный человек, разговаривающий с ним издали. Наконец губы его шевельнулись.

– Та бай сгино, – тихо сказал он.

Дель-Грасиас просиял и обвел всех взглядом победителя.

– Он понимает язык курунга. На мой вопрос, как его зовут, он ответил: «Я не знаю». Это настоящий язык «Золотой улитки»!

Профессор и врач переглянулись. О'Фенрой выразительно поглядел на Британова.

– Спросите мальчика, кто его родители, – обратился к бразильцу О'Фенрой.

– Кхаро! – крикнул Грасиас и защелкал пальцами у себя над головой.

Мальчик поднял на него глаза.

– Простите, что означает это слово? – спросил профессор Британов.

– Этим словом курунга окликали друг друга. Нечто вроде европейского «алло» или русского «эй».

Грасиас вновь заговорил с мальчиком на своем горловом языке.

Корреспонденты в соседней комнате внимательно следили за переговорами. Вряд ли кто-нибудь из них мог похвастать, что он когда-либо уже присутствовал при переговорах с представителем вымершего племени. Можно поэтому представить душевное состояние этих потомков никогда не вымирающего племени репортеров. Они ходили на носках, делали большие глаза, перешептывались и по-

минутно кидались к своим фонографам, установленным на столике подле самой двери.

Спокойнее всех вел себя Мерс: он ничего не записывал, его фонограф не стоял на столике, он не ходил на носках по комнате. Засунув руки в карманы, неподвижно стоял он подле двери и, шевеля ушами, вслушивался в разговор бразильца с мальчиком.

Мартин дель-Грасиас между тем, по просьбе профессора, задал мальчику еще несколько вопросов. На все вопросы – об имени, о родителях, о родине, обо всем, что с ним случилось, – мальчик вяло отвечал:

– Та бай сгино...

Это означало: «Я не знаю».

То же самое он ответил, когда Грасиас взял у себя со стола книгу и, подняв ее над головой, спросил мальчика, как называется предмет, который он держит в руках. Далее оказалось, что мальчик не знает, как называется одеяло, подушка, стакан и много других вещей.

Профессор и главный врач подошли к экрану, поближе к стереовизору, и тут все, в присутствии Грасиаса, составили небольшой консилиум. Профессора и врач приходили к выводу, что мальчик одержим психической болезнью, именуемой в науке «провалом памяти».

– Курунга, если не ошибаюсь, были обитателями тропической местности, – в раздумье сказал профессор Британов.

– Совершенно верно, – подтвердил Грасиас.

– Тогда я никак не пойму, каким же все-таки образом очутился во льдах у полюса этот представитель давно вымершего экваториального племени?

– Будем надеяться, коллега, – сказал ирландский психиатр, – что ваш пациент когда-нибудь сам об этом расскажет. Провал памяти – это не кретинизм. Память может вернуться к нему совершенно внезапно при столкновении с таким обстоятельством, которое напомнит ему прошлое. Возможно, что припоминать прошлое и запоминать настоящее он станет постепенно, при хорошем лечении.

– Что касается меня, то я просто сбит с толку, – сказал дель-Грасиас, с искренним недоумением глядя с экрана на своих собеседников. – Я полагал, что являюсь единственным человеком на земном шаре, говорящим на языке курунга. Ваш феноменальный пациент, профессор, разубедил меня в этом. Вы себе не представляете, какое значение для этнографов имеет появление этого мальчика. Он опровергнет все предположения о судьбе племени курунга. Ведь нельзя же предполагать, что голые, беспомощные курунга совершали полярные экспедиции, прихватывая с собой детей и запасшись водолазными скафандрами довольно усовершенствованных глубинных моделей.

– Факт. Я слышу мудрые слова...

Изображение Грасиаса перекошилось. Дед Андрейчик отодвинул экран, как портьеру, и шагнул в палату.

Неизвестно почему, но старик решил воспользоваться дверью, прикрытой экраном и выходящей в коридор.

– Товарищ Грасиас говорит сущую правду, – сказал он, подходя к ученым и приветствуя их поднятой рукой, сжатой в кулак. – Никаких данных насчет индейских полярных экспедиций нет. Но есть другие данные. Во-первых, усовершенствованный, но устаревший уже после появления водохода скафандр и, во-вторых...

Старик опустил руку в карман и извлек электронную «пращу Давида».

– ...во-вторых, вот эта бесшумная хлопушка.

В соседней комнате возникло движение. Мерс вылез почти до половины в дверь, нарушив общий уговор корреспондентов не мешать консультации ученых. Корреспонденты сдержанно загудели, не Мерс, не обращая на них внимания, стоял в дверях, исподлобья разглядывая револьвер в руках деда Андрейчика.

– Я слышал ваш разговор с мальчиком по отводному репродуктору, – продолжал старик. – Мне кажется, что вы его не про те вещи спрашивали. Факт. Давайте спросим его, как называется данный предмет, найденный моим внуком Юрой на льду.

– Пожалуйста, – сказал Грасиас. – Но профессор О'Фенрой определяет у мальчика провал памяти. Вряд ли вы добьетесь от него чего-нибудь кроме «Та бай сгино»...

– Нет, нет, – перебил его О'Фенрой. – Это очень важно. Покажите мальчику это оружие, – я о нем знаю: есть предположение, что револьвер когда-то принадлежал ему. Только не давайте в руки, если револьвер заряжен. А вы, товарищ Грасиас, медленно и ясно задайте мальчику три вопроса подряд:

«Вспомни, что это. Где ты это видел? Как это называется?»

– Вот-вот. Только пусть кто-нибудь другой покажет мальчику данный предмет. Ну, хотя бы...

Старик оглянулся. Мерс отпрыгнул от двери и отошел в глубь соседней комнаты.

– Ну, зачем же вы прячетесь, товарищ Мерс? А я вас как

раз и хочу призвать на помощь, – сказал старик. – Товарищ Мерс!

Молчание длилось несколько секунд. Мерс не отзывался. Наконец он медленно подошел к двери и засунул руки в карманы брюк.

– Что вам от меня нужно? – резко спросил он по-английски.

– Ничего особенного, – со смиренным видом сказал старик. – Я стар, руки дрожат. Револьвер заряжен. Факт.

– Разрядите...

– Не умею.

Мерс шагнул к старику, взял револьвер. С минуту он держал его как бы в нерешительности, затем твердым шагом направился к мальчику. Подойдя вплотную к койке, Мерс снял очки. Щурясь от света, он уставился в лицо мальчику блеклыми водянистыми глазами и высоким горловым голосом выкрикнул какую-то непонятную фразу.

Мартин дель-Грасиас обеими руками рванул свои вихры и встал на экране на носки, как танцор, исполняющий лезгинку. Казалось, в следующее мгновение бразилец выпрыгнет с экрана.

Оба профессора и врач удивленно переглядывались. Ася испуганно смотрела на злое бледное лицо Мерса. Корреспонденты заглядывали в дверь.

– Что он сказал? – спросил дед Андрейчик.

– Он говорит на языке курунга! – крикнул дель-Грасиас.

– Он спросил: «Как ты сюда попал?»

– Друмо! – раздраженно крикнул Мерс.

– Он приказывает мне молчать, – жалобно сказал дель-Грасиас.

– Я не приказываю. Я прошу, – уже спокойнее сказал Мерс. – Я тоже языковед и знаю язык «Золотой улитки». Не мешайте мне. Я сам поговорю с мальчиком.

– Пожалуйста, – сказал О'Фенрой. – Мы все очень заинтересованы.

– Факт замечательный! – патетически воскликнул дед Андрейчик, ни на секунду не сводя зорких, наблюдающих глаз с Мерса и с револьвера в его руке.

Между тем мальчик, словно загипнотизированный, тоже не сводил широко открытых глаз с белой прищуренной физиономии Мерса. Он дышал глубоко и порывисто, бестолково хватаясь худыми руками за одеяло.

– На тум га тархо? – угрожающим тоном спросил Мерс, исподлобья глядя на мальчика.

Грасиас подпрыгнул на экране. Он был возмущен:

– Позвольте! Вы ругаетесь!..

– Друмо!.. – сказал Мерс, покосившись на экран.

Бразилец развел руками.

– То чхо разро? – обратился Мерс к мальчику и ткнул пальцем себе в грудь.

– Раз... ро... – тихо повторил мальчик, не сводя с него глаз.

– Узнал... – прошептал бразилец.

– То чхо разро? – вновь спросил Мерс, медленно поднимая руку с револьвером и нацеливаясь мальчику в голову.

– А-а-а!.. – закричал мальчик и закрылся подушкой.

– Он выстрелит! – крикнула Ася и бросилась к мальчику, желая закрыть его собой.

Звонкий щелчок револьвера и сипловатый смешок деда Андрейчика раздались почти одновременно.

— А ведь я пульки высыпал, — насмешливо сказал старик. — Факт...

Мерс швырнул револьвер, бросил на нос очки и, по-бычьи поводя шеей, стал задом отступать к двери, закрытой экраном. На ходу он судорожно хватался за задний карман, стараясь, очевидно, вытащить свой собственный револьвер.

— Держи его! — крикнул старик и бросился на Мерса одновременно с двумя корреспондентами, выпрыгнувшими из соседней комнаты.

Грасиас на экране отпрыгнул в сторону, позабыв там, у себя в кабинете, что он видит лишь изображение схватки, происходящей в Арктике, за четырнадцать тысяч километров.

Вытащить револьвер Мерсу так и не удалось. Он оборвал экран, запутался в нем сам, запутал корреспондентов, врача и деда Андрейчика, и все они рухнули на пол. На одно мгновение несколько человек сплелись в живой клубок. Мерс отбивался молча.

— Не-ет, не уйдешь, голубчик! — кричал дед Андрейчик и выкручивал за спину руку Мерсу. — Теперь мы тебя самого расспросим!..

Но вдруг, изловчившись, Мерс лягнул ногой деда Андрейчика, пнул кулаком в зубы врача и бросился к двери. Через мгновение, сшибая на пути няnek и сестер, Мерс мчался уже по коридору.

Дед Андрейчик, врач и корреспонденты гурьбой ринулись к двери, на минуту в ней застряли, и когда вывалились в коридор, Мерса там уже не было... Стоявшие подле крыльца больницы аэросани с чемоданом позади

рванулись вперед и, сверкая бликами, понеслись по снеговой дороге прямо к морю.

– Это возмутительно! Его непременно нужно задержать! – гневно сказал профессор Британов, провожая глазами юркую пепельную танкетку.

– Скорей! Сани! Скорей! Под лед уйдет! У него в чемодане чужой водород! – суетился дед Андрейчик, бегая подле крыльца.

Главный врач побежал в свой кабинет и вызвал гараж.

– Немедленно! Все сани давайте к крыльцу! – крикнул он.

Только через три минуты погоня тронулась на четырех санях вслед за Мерсом. Впереди ехал дед Андрейчик. Он показывал дорогу, по которой проехал на берег Мерс сегодня утром. Когда преследователи подъехали к тому месту на льду, где стоял брошенный Мерсом пепельный лимужин, – они увидели большую полынью с разбитой тонкой коркой льда и раскрытый пустой чемодан, валявшийся возле аэросаней.

16. «Лига апостола Шайно»

Ветлугин ходил по своему кабинету, вернее, делал два шага вперед – к Свенсону, прислонившемуся у двери, и два шага назад – к Ирине, сидевшей на крохотном диванчике у стола.

– Я скоро совсем перестану разбираться во всей этой истории, – говорил он, обращаясь не то к Ирине и Свенсону, не то к самому себе. – Таинственные исчезновения, покушения, погони...

– В старое время в Америке показывали такие фильмы о похитителях детей. Точка в точку, – сказал Свенсон.

– Но почему папа думает, что все это имеет прямое отношение к Юре? – спросила Ирина.

Все трое – Ветлугин, Ирина и Свенсон – находились под свежим впечатлением потрясающих новостей, только что переданных дедом Андрейчиком по коротковолновому приемнику с острова Седова.

– Крестовики! Этого еще не хватало! Нет, старик что-то напутал...

Ветлугин двинул плечом и вновь стал мерить пол своего кабинета: два шага вперед, два шага назад.

– Не думаю, – сказал Свенсон. – Это похоже на кинокартину, но это вполне допустимая вещь.

– Девятнадцать лет прошло с тех пор, как их разгромили над льдами Арктики! Я, признаться, и забыл даже, что эта дурацкая секта когда-то существовала.

– А я хорошо помню, – сказала Ирина. – Мне тогда четырнадцать лет исполнилось. В день моего рождения мы слышали по радио, что через Арктику летят на нас какие-то крестовики, и после этого началась война. Папа ушел в море со своей субмариной, и мы его не видели около года.

– Я был чуть постарше вас, Ирина, но воевать мне не пришлось, о чем я очень жалею, – сказал Свенсон.

Ветлугин порылся в ящичке, висевшем на стене, вынул из него моток пленки.

– Не пришлось воевать, так придется, – сказал он, разглядывая надпись на футляре. – Крестовики, оказывается, еще не перевелись и даже, если верить сообщениям моего

теста, на младенцев в Арктике начинают охотиться... Вы ничего не имеете против? – спросил он, заряжая пленкой фонограф. – Я и вправду позабыл всю эту историю с апостолами, перевернутыми крестами, нитроманнитовыми бомбами и прочей гадостью. Хочу восстановить в памяти.

– А что это? – спросил Свенсон.

– «Лига апостола Шайно». Исторический фельетон. Автор... автор... Венберг, кажется.

– Что ж, послушаем, – сказал Свенсон и пошел к диванчику, на котором сидела Ирина.

Фонограф заворчал и сказал скрипучим голосом насмешливого старикана, говорящего немного в нос:

«Началось это вскоре после крушения фашистских режимов в наиболее воинственных капиталистических странах.

Итак, впервые он появился у Геннисаретского¹⁸ озера. Венгерский беглый унтер-офицер Петер Шайно стал геннисаретским рыбаком. Это была самая убогая мистификация, какую когда-либо знал мир. Американские газеты утверждали, что до этой авантюры унтер-офицер Шайно был неудачником: его бросили три жены, изводил солитер и донимали кредиторы. Он едва перебивался скудным жалованьем и тем, что продавал своим солдатам увольнительные записки. На механическом ипподроме Шайно проигрывал регулярно. Однажды после неудачной кражи у командира роты ему пришлось скрыться. Петер Шайно

¹⁸ Геннисаретское озеро (или Тивериадское) находится в западной части Палестины. По евангельским преданиям, на этом озере Иисус Христос, пройдя пешком по воде, приобрел из числа геннисаретских рыбаков некоторых своих учеников, в частности, апостола Петра.

исчез навсегда; вместо него через два года в грязной арабской деревушке Эль-Табарие у Геннисаретского озера появился угреватый субъект с плохо выбритой тонзурой¹⁹ величиной в блюдце. Он надоедал туристам своими рассказами об Иисусе и попрошайничал. Полиция засадила его на три месяца в кутузку. Но и сидя в полицейском клоповнике, Петер Шайно не переставал болтать о „сыне господнем“ и о том, что он сам никто иной, как „геннисаретский рыбак“, апостол Петр.

Собственно говоря, сам унтер Шайно не додумался бы до подобной мистификации. Случай столкнул обросшего бородой, грязного и босого венгерского дезертира с итальянским художником, католиком Антонио Лорето, на пристани в Каире. Лорето задумал написать фантастическую картину, которая, по его замыслу, должна была возродить идею папской власти над миром. Перед отъездом в Палестину, где он собирался работать над картиной, Лорето сказал своим друзьям:

— Итальянская живопись слишком долго и слишком хорошо служила католицизму, для того чтобы в наши дни отвернуться от него. Рафаэль и Тициан²⁰, живи они сейчас, писали бы, очевидно, только на антибольшевистские сюжеты.

Лорето привез Шайно на берег Геннисаретского озера и здесь написал с него картину. Называлась она „Возвращение апостола Петра“. К суровому каменистому берегу захолустного палестинского озера причаливал огромный

¹⁹ Тонзура – макушка, выстриженная у католических духовных лиц.

²⁰ Рафаэль и Тициан – великие итальянские художники конца XV и начала XVI века.

перепончатокрылый, как доисторический летающий ящер, гидробомбардировщик. На крыле его, рядом с огневой башней, положив левую руку на узкое тело пулемета, во весь рост стоял Петер Шайно; правая его рука была вытянута вперед указующим жестом. „Апостол“ указывал прямо на зрителя. От этой картины люди подолгу не отходили: каждому казалось, что стоит только отвернуться от лохматого человека с глазами убийцы – и он будет стрелять в спину.

В мире реакционеров картина Лорето стала сенсацией.

Вслед за этим внимание буржуазной печати привлекло странное поведение того, с кого писал своего „Апостола“ Лорето. Венгерский унтер Петер Шайно угодил в тюрьму за то, что, показываясь туристам, посещавшим Эль-Табарие, утверждал, что он не натурщик, позировавший Лорето, а самый настоящий и подлинный апостол Петр. Он, оказывается, был вновь послан на землю богом-отцом и богом-сыном для того, чтобы уничтожить безбожников и прекратить рознь между богатыми и бедными. Врал он довольно уверенно. Чувствовалось, что у него есть очень энергичные помощники в этой затее.

Свою „Лигу военизированного христианства“ Шайно создал уже после освобождения из кутузки. Деловым предприятием она стала с того момента, когда ее начал финансировать концерн отравляющих веществ „Амброзия“.

Толпы искателей приключений, бывших агентов гестапо, бывших чернорубашечников, фанатиков и уголовников двинулись в захолустную арабскую деревушку на берегу Геннисаретского озера.

Коминтерн обнародовал по радио манифест.

„У трудового и прогрессивного человечества появился новый враг. Нужно бороться с ним уже сейчас, пока он еще не окреп“, – так начинался манифест.

В ответ на манифест Коммунистического интернационала концерн „Амброзия“, Петер Шайно и его „ученики“ обнародовали свою политическую программу. Она была несложна и состояла из нескольких пунктов:

1) „Апостол Петр“ послан на землю господом богом прежде всего, чтобы покарать безбожников.

2) Никакой классовой борьбы господь бог не признавал, ибо создал всех людей равными и одинаковыми. В обязанность „апостола Петра“ поэтому входила карательная экспедиция против всех сеющих классовую рознь.

3) На земле не должно быть ни бедных, ни богатых. Для достижения полного равенства люди уславливались, что все богатства принадлежат богу и лишь временно, в виде особой божьей милости, вручены в полное, безраздельное пользование их собственникам. Уничтожению подлежат все несогласные с этой „теорией“.

4) „Апостолу Петру“ господь бог поручил создать военизированную христианскую лигу для борьбы с безбожеством. Все священники – последователи Шайно отныне должны носить символическую одежду: серую военную гимнастерку (в память пыльной апостольской одежды) с большим черным „крестом Петра“, нашитым на груди и спине (крест с перекладиной внизу, похожий на меч, поднятый острием кверху; на таком кресте, согласно христианской легенде, был пригвожден вниз головой один из учеников Иисуса – Петр).

Отсюда и пошла кличка „крестовики“. Сами себя крестовики называли „Воинами сына господня“.

Поступившие в газеты корреспонденции из Эль-Табарие с изложением основных принципов лиги напечатаны были на сером шелке. Назывались они „посланиями“ и украшались обычно эмблемой Шайно – перевернутым крестом – и девизом:

„Кто без креста, тот на кресте!“

Смысл зловещего девиза крестовиков стал понятен позднее, когда в некоторых капиталистических странах была введена смертная казнь путем пригвождения к кресту вниз головой.

Полковник Ансельмо Граппи, он же последний папа римский Пий XII, удравший из Рима в Женеву после победы народного фронта в Италии, долго делал вид, что не замечает геннисаретского шарлатана. „Полковник“ выжидал; и когда, наконец, стало ясно для всех, что дела у Лиги крестовиков идут отлично, когда текущий счет Петера Шайно был открыт в банках „Амброзии“, тогда Пий XII торжественно признал „апостола Петра“, – он добровольно сложил с себя тиару сорока пяти католических самодержцев и перешел служить к Шайно.

У Петера Шайно не закружилась голова, когда миллионы потекли на его личный текущий счет в банки Европы и Америки. Он ничуть не смутился, когда вместо толпы зевак его стала окружать свита „архиепископов“, а перед его „штабом-храмом“ проходили полки вооруженных крестовиков. Самое замечательное было то, что полки, батареи и эскадрильи прибывали в Эль-Табарие как „паломники“. Свидетели этих событий помнят исторический вопрос де-

путата Редклифа, заданный в английском парламенте министру, лорду Крочестеру:

– Известно ли господину министру, что на подмандатной Британии территории, в резиденции так называемого „апостола Петра“, в Эль-Табарие, под видом паломников в настоящее время сосредоточено десять корпусов с эскадрильями дредноутов-бомбардировщиков, с бронетанковыми частями и химическими командами, приданными этим корпусам?

Лорд Крочестер ответил:

– Правительству его величества по этому поводу ничего не известно. Но правительство его величества предполагает изучить этот вопрос.

Шайно строил свою лигу на армейский манер и даже в своих проповедях умышленно придерживался грубоватого стиля унтера, разъясняющего нижним чинам полевой устав. Он говорил:

– Господь бог приказал мне искоренить безбожие. Господь бог предлагает честно: „Довольно дурака валять“. Я получил распоряжение лично от его святости сына господня водворить мир между бедными и богатыми, и я не остановлюсь перед самыми крутыми мерами.

У Петера Шайно были свои министры; назывались они „архиепископами“, а министерства и ведомства, которыми они управляли, – „епархиями“.

Епархия воздушных сил „апостола Петра“ возглавлялась архиепископом Гастоном Кошонье, известным французским политическим авантюристом, основателем партии „боевых хлыстов“.

Во главе епархии бронетанковой стоял бывший пол-

ковник чернорубашечников, Ансельмо Граппи, последний папа римский. Епархией военно-морской заправлял Курода, азиатский барон.

Шпионажем, диверсиями, провокацией ведала особая разведка Лиги, названная Шайно „епархией святого духа“. Во главе этой епархии стояла какая-то таинственная личность – Лилиан. Это имя было у всех на устах, оно не сходило со страниц газет, но никто, кроме самого апостола Шайно, не мог похвастать, что он знает или видел главу апостольских шпионов и диверсантов. Никто толком не знал: Лилиан – это имя, фамилия или кличка? Не только о национальности главы апостольских шпионов ничего не было достоверно известно, но даже пол архиепископа разведки вызывал споры: многие буржуазные репортеры утверждали, что Лилиан – молодая красивая немка.

Прошло три года, и Лига военизированного христианства приступила к выполнению „приказа господ бога“: на первых порах авиадредноуты крестовиков стали бомбами разрушать убогие жилища чернокожих людей; потом сожжено было несколько балканских селений, населенных безбожниками. Из специальных дальнобойных мортир-распылителей эти селения были окроплены кармонзитом, страшной ядовитой росой (крестовики цинично называли ее „святой водой“). Пиратские крейсера барона Куроды все чаще стали пускать ко дну теплоходы с баствующими командами.

Затем Лига крестовиков перекупила у Дании Гренландию. Здесь Шайно создал аэродром, гаражи и казармы для своего воинства, которое до того вело бродячий образ жизни, ютясь под крылышком различных капиталистиче-

ских государств. Гренландия понадобилась крестовикам еще и по другой причине: разведка архиепископессы Ли-лиан донесла штабу крестовиков, что самой уязвимой границей Советского Союза является... Арктика. Огромная, растянувшаяся на многие тысячи километров береговая полоса на севере Союза действительно казалась защищенной слабее других границ. Но беззащитной она только казалась. Через Арктику Шайно бросил свою армаду, и здесь нашли себе могилу его воздушные полчища наемных головорезов. Необозримые косяки советских подводных крейсеров вышли навстречу полярным пиратам, взорвав над собой несколько миль ледяного поля, и из холодной каши льда и снега встретили грозных „бомбачей“ залпами своих зениток...

С гренландского плацдарма воздушная армада крестовиков поднялась невиданным строем: длинными крестами, направленными основанием к Советскому Союзу, — по шестнадцать машин в кресте. После первого же залпа зениток на восемьдесят третьей параллели воздушные кресты распались, и армада стаями стала прорываться вперед. Но дальше ее ждали такие же подледные зенитки. И когда, наконец, в штопор перешли добрые две трети вражеских машин, вдогонку за остальными выпорхнула советская москитная авиафлотилия. Маленькие воздушные „воробышки“, вооруженные одной пушечкой-скорострелкой и пулеметом, буквально увивались вокруг неповоротливых авиадредноутов крестовиков. Попасть из пулемета или орудия в такого выющегося над головой „воробышка“ невозможно было, ибо он и летал-то не по прямой линии, а внезапными прыжками: вверх, в сторону, вниз.

Последние машины крестовиков падали уже над своими аэродромами... Это был конец.

Но конец авантюры Шайно стал началом общего нападения капиталистических хищников на советские государства. Банковские тузы и политические шулеры всех стран света в разгроме крестовиков увидели свой разгром в будущем. Подготовка к нападению не потребовала у них много времени, ибо они к нему готовились уже давно. Первые бомбы стали пахать пограничные советские земли почти одновременно со снарядами, разорвавшимися в Арктике...

Это была не война, а грандиозное разбойничье нападение, исступленная атака мирового империализма на советские города и сокрушительная контратака красных армий и флотов на вражеские аэродромы, военно-морские базы и штабы. Революционные восстания в тылу у врага довершили эту последнюю схватку социализма с капитализмом...

От апостольской Северной армады крестовиков и кичившихся своей „непобедимостью“ армий и флотов капиталистических государств остались лишь мелкие разбойничьи шайки, вооруженные танками, самолетами и субмаринами. Они несколько месяцев еще скрывались в тропических лесах, на плавучих льдинах и в глубине океанов у коралловых островов, но и эти шайки были истреблены.

В тот исторический год народным революционным трибуналом во всех бывших капиталистических странах пришлось поработать немало. Самые непримиримые и активные враги прогрессивного социалистического человечества были уничтожены. И только основателя Лиги

военизированного христианства, самого „апостола“ Шайно, не нашли. Думали, что он со своими „архиепископами“ разбойничает где-нибудь у коралловых островов, выловили все пиратские субмарины, искали его в индийских джунглях, в сельвасах Южной Америки, но „апостола“ не нашли. Есть основания предполагать, что весь генеральный штаб крестовиков руководил сражениями по радио с самолета. Самолет был подбит советскими истребителями и, падая, загорелся в воздухе. Если это было так, вряд ли кто из его команды и из генерального штаба спасся...»

* * *

Фонограф кашлянул и умолк. В кабинете Ветлугина наступила тишина.

Сообщение старого радиста, переданное им с острова Седова на станцию, как бы дополняло звуковой историко-политический фельетон о Лиге апостола Шайно, выслушанный только что Ветлугиным, Свенсоном и Ириной.

Дед Андрейчик рассказал о том, как он стал приглашаться к очастому корреспонденту Мерсу, запросил Антарктику и узнал, что Мерс – самозванец и никакого отношения к антарктическому радиовестнику не имеет. Потом старик подглядел за странными манипуляциями Мерса с водоходом и, наконец, решил столкнуть лицом к лицу подозрительного корреспондента с ожившим мальчиком. Дед Андрейчик был уверен, что между смертью неизвестного мальчика на льду и появлением Мерса на острове Седова существует какая-то связь. Он оказался прав: Мерс не выдержал и выдал себя. Теперь все разъяс-

нилось. После того как Мерс набросился на мальчика, маленький индеец тотчас же вспомнил решительно все, что предшествовало его гибели на льду. Мальчик рассказал невероятные вещи. Его имя Рума, он действительно индеец из племени «Золотая улитка». В то время, когда он замерз на льду, то есть пять лет назад, ему было тринадцать лет. Он последний из племени курунга, погибшего на дне Ледовитого океана.

Оказывается, племя «Золотая улитка» не вымерло, как предполагали ученые, – оно тайно было вывезено из лесов Боливии двадцать один год назад, за два года до разгрома крестовиков, и переброшено по личному секретному приказу Лилиан, атаманши апостольских разведчиков, для каких-то таинственных работ на дне Северного Ледовитого океана.

Обстоятельства, при которых индейцы курунга попали на дно океана, могут показаться совершенно невероятными. Однако дед Андрейчик утверждал, что рассказу мальчика можно верить, тем более что профессор О'Фенрой признал его сейчас психически вполне нормальным. Да и сам старик теперь кое-что припомнил. И многое, что было когда-то для него и для других неясным, сейчас находило себе логическое объяснение. Дед Андрейчик, например, отлично помнит один любопытнейший факт: двадцать лет назад, за год до налета апостольских орд на советские государства, в Рио-де-Жанейро агентами Лилиан был убит один перуанский крестовик. Незадачливый перуанец болтал о том, что по личному приказу «апостола» в лесах Боливии якобы было выловлено какое-то племя индейских богатырей и великанов, затем будто бы было вывезено в

Арктику и потоплено в океане. Тогда этой неуклюжей выдумке никто не поверил, ибо перуанский крестовик, по-видимому, и сам толком ничего не знал. Теперь болтовня перуанца облекается смыслом: племя курунга, которое считалось вымершим, оказывается, было разыскано крестовиками в боливийских сельвасах и тайно вывезено в Арктику на подводных транспортах. Сам мальчик-курунга родился позднее, через два года после этого события, и потому все, что относится к истории гибели его племени, он рассказывает уже со слов своего отца, которого звали Маро.

Очевидно, крестовикам нужны были именно такие рослые, здоровые люди, какими являлись курунга. Кроме того, внезапное исчезновение нескольких сот людей не осталось бы незамеченным, а племя, которое считалось вымершим, было самым подходящим для секретной затеи Лилиан.

Под водой курунга работали в батисферах, в кессонных камерах²¹ (в «водяных хижинах», как называл их отец мальчика) и в костюмах водолазов («тяжелые одежды», на языке Румы). Зачем понадобились эти подводные работы крестовикам, мальчик, конечно, не мог знать, но отец его, по-видимому, догадался о назначении подводного строительства, — индеец Маро понял, что «люди племени Апо-Стол воевали с людьми какого-то другого племени, были побеждены и ушли на дно моря». Его господа часто с ненавистью произносили слово «Больше-Вик». Это слово

²¹ Кессонная камера – камера, в которой люди без водолазных костюмов опускаются под воду для работ.

они выговаривали как ругательство, когда обращались к Руме или к Маро. И Маро догадался, что так называется могущественное племя, которое победило людей Апо-Стол и изгнало их на дно моря. Эту же мысль о могущественном племени Больше-Вик, обитающем где-то над водой, он внушил и своему сынишке. Индеец Маро не ошибся. Восстанавливая всю историю Лиги крестовиков, ее бесславное поражение и исчезновение апостольского генерального штаба, теперь можно понять назначение секретного подводного строительства и объяснить, куда девались Петер Шайно, папа-полковник Пий XII, барон Курода, их личная охрана, их дети и жены. Вожаки крестовиков, очевидно, были людьми дальновидными; они допускали в будущем провал своей авантюры, провал, который им лично ничего хорошего не сулил. Кроме того, нужно было защитить и засекретить ставку главнокомандующего, из которой будет осуществляться руководство всеми военными операциями против большевиков. Отсюда и родилась эта идея подводного «штаба-храма».

Расчет был правильный, и он во многом оправдался. Таким образом, версия о гибели самолета вместе с генеральным штабом Петера Шайно где-то у берегов Гренландии рушилась: Шайно и его компания, оказывается, преспокойно сидели на дне Ледовитого океана в каком-то фантастическом своем штабе-храме.

Возможно, что верхушка крестовиков надеялась на «лучшие времена»; возможно, что контрреволюционный мятеж во Франции в первые годы после крушения апостольской авантюры был делом рук таинственной Лилиан и ее шпионской «епархии святого духа».

Но надежды апостола крестовиков на реставрацию капитализма не оправдались – народ Франции в несколько дней ликвидировал реакционный мятеж в своей стране.

Рума оказался смышленным мальчиком: прежде всего он рассказал о том, что белые люди племени Апо-Стол убили всех курунга, которые строили «большую хижину в воде» (так говорил Маро, его отец). Они не убили только Лоду, Таго, Мытто, Мума, Харо, Кунгу, мать Румы Миду и отца Маро. Но оставленные для черной работы индейцы не захотели жить в неволе, когда убедились, что их не отпустят обратно в лес. Они сами стали себя убивать. Лода перерезал себе ножом горло, когда работал на кухне. Мытто и Харо повесились. Двое пытались спрятаться в подводной лодке, которая отправлялась за запасами продовольствия, закупленного в Аргентине агентом Лилиан. Они выкрали водолазные костюмы и вышли вместе с командой субмарины в воду из шлюзовой камеры главного входа, но вода залила их скафандры, и они захлебнулись. Отец Румы Маро говорил, что Мум и Кунга не умели надевать «тяжелую одежду» и вода убила их. Таго узнал, что в железной банке у белого, по имени Хи-Мик, хранится жидкость, которая сжигает людей. Он выкрал банку и хотел бросить ее в вождя белых, в самого бородатого Апо-Стола, но умер, как только открыл ее. Белые разбежались. Лишь один из них не испугался, – это был Хи-Мик. Он издала подул на огненную воду из какого-то большого твердого шара (по-видимому, направил из баллона струю дегазирующего вещества), и все белые остались живы.

Мать Румы худела-худела и умерла. Не умерли только отец Маро и он, Рума. Что случилось дальше с его отцом,

Рума не мог сказать. Он только знал, что отец Маро ушел из подводной тюрьмы и, наверное, погиб, иначе он вернулся бы за своим сыном и привел бы с собой людей «могущественного племени Больше-Вик», которое победило племя Апо-Стол. Надо полагать, что отцу Румы удалось наконец найти какую-то очень сложную по своей технике тайную лазейку из штаба-храма; он, видимо, долго к ней приглядывался, пока наконец не разобрался, как можно через нее убежать. Маро, несомненно, представлял себе, какому риску он подвергался, уходя через этот тайный люк, и потому не взял с собой сына. Он решил добраться до поверхности океана, а потом и до земли, привести других людей и выручить сына. О том, что над его головой стояла сплошная кора ледяных полей, Маро, видимо, не знал, так как ни разу в жизни не видел льда. Если он и всплыл в своем скафандре и выбрался благополучно на лед через какую-нибудь полынью, он неминуемо должен был погибнуть от холода, ибо, по словам мальчика, под «тяжелой одеждой» (скафандром) у Маро была одна только набедренная повязка. Но, уходя, он подвел сына к стене в подводном тоннеле и ногтем сделал царапину на камне:

— Если ты вырастешь на четыре твоих пальца выше этой метки, а твой отец еще не приведет людей племени Больше-Вик, чтобы тебя увести отсюда в лес, тогда знай, что он умер. Тебе тогда незачем жить здесь. Жди, когда можно будет выкрасть из склада другую тяжелую одежду, и уходи той же дверью, что и я. Если ты не умрешь в дороге, ты придешь в лес, где жили курунга. Если умрешь, ты попадешь в дом «Золотой улитки», где живут все умершие курунга. И так и так будет хорошо...

Затем Маро долго учил сына, каким образом он может уйти от злых людей племени Апо-Стол...

Но тут рассказчика и разоблачителя крестовиков охватил глубокий сон, внезапный, как обморок. Рума умолк на полуслове; он так и не рассказал, каким же образом ему удалось уйти из штаба Петера Шайно и что с ним случилось дальше. Мальчик заснул, откинувшись на подушку, окруженный небольшой группой людей, потрясенных невероятной повестью маленького курунга, переведенной Мартином дель-Грасиас.

Сколько их там засело в подводном штабе? Как они вооружены? Что замышляют Петер Шайно и его архиепископы, отсиживаясь вот уже девятнадцать лет подо льдами и водой Ледовитого океана? На эти вопросы, очевидно, ответит самое ближайшее будущее. А пока Свенсон и Ирина с Владимиром должны помалкивать и никому не говорить ни слова из того, что им рассказал он, дед Андрейчик. Все сведения, полученные от Румы, держатся пока в тайне, до приезда ответственного комиссара милиции из Северограда. Все присутствующие при разговоре мальчика с Мартином дель-Грасиас, в том числе и радиостанция острова Седова, обязались честным коммунистическим словом не разглашать услышанного. Только ему, деду Андрейчику, разрешено по особому личному передатчику Ветлугина уведомить мать и отца Юры обо всем, что он узнал.

— Кстати, — сказал в заключение старик, — какую мы дичь упустили, оказывается! Ведь этот толсторожий агент подводных крестовиков вовсе не Мерс, это...

Старик тревожно оглядел с экрана кабинет Ветлугина и

показал глазами на репродуктор личного радифонного приемника Ветлугина, по которому шел разговор.

– Подойдите поближе...

Все трое – Свенсон, Ирина и Владимир, – недоумевая, подошли к диффузору репродуктора, похожему на большой белый венчик магнолии, и старик, гримасничая и делая большие глаза, едва слышно прошептал несколько слов.

То, что он сказал, ошеломило всех троих. Они удивленно переглянулись.

– Факт, – сказал дед Андрейчик и выключил свой стереовизор и радифон.

Все, что Ветлугиным и Свенсону пришлось узнать в эти несколько минут от деда Андрейчика, совершенно озадачило их. Это было похоже на сказку, на фантастический роман о каком-то новом капитане Немо и о его таинственном подводном обиталище «Наутилусе», с той только разницей, что гордый подводный навигатор Жюль Верна сам отверг мир насилия и зла и ушел в глубины морей и океанов, а здесь авантюрист Шайно и его банда соучастников были отвергнуты миром как враги человечества, как носители зла и насилия и укрылись на дне океана...

17. «Арктания» летит

Ветлугин убрал в свою фонотечку моток пленки с звуковым фельетоном о крестовиках и вновь отправился в прерванное путешествие по крохотному кабинетику: два шага вперед, два шага назад.

Свенсон несколько минут сидел молча, потирая руки.

– Теперь я понимаю, какие гости вынырнули тогда к нам из-под льда. Ты помнишь, Владимир? – сказал наконец гидрограф.

– Я думаю о них. Что им здесь нужно было? – в раздумье ответил Ветлугин.

Он остановился, прикрыл глаза и стал раскачиваться, как человек, у которого болит зуб.

Свенсон все еще потирал руки и старался представить себе, что последует за разоблачением мальчика-курунга, как вдруг издалека донесся гул. Все трое переглянулись.

Свенсон бросился вон из комнаты. Ветлугины последовали за ним.

Механик Хьюз и Татьяна Свенсон уже стояли подле стеклянного борта станции и оживленно разговаривали о чем-то.

– Что случилось, товарищи? – крикнул еще издали Свенсон.

– Хелло, Свенсон! – сказал Хьюз, – Старые знакомые нас не забывают.

– Вы думаете, Хьюз, это те, что уже были здесь? – спросил Ветлугин.

– Держу пари, что это вторая океанографическая экспедиция. – Хьюз весело подмигнул океанографу Татьяне Свенсон. – Вам везет, Татьяна, вы еще раз увидите профессора Осуду.

– Глупости! Океанография не знает профессора с таким именем, – серьезно сказала Татьяна Свенсон.

Подошло еще несколько человек: мать Аси, ненец Гынко, два механика, моторист.

– Эрик, ты видишь кого-нибудь? – спросил Ветлугин.

– Да, один человек идет сюда, – ответил Свенсон, не отнимая от глаз телескопического бинокля.

– Володя! – воскликнула Ирина, разглядывая в бинокль приближающегося маленького человека. – Это он! Тот самый, что называл себя Мерсом.

– Ты не ошибаешься? – спросил Ветлугин.

– Нет, нет! Я его прекрасно помню. Это он!

– Он тоже океанограф? – спросил Хьюз.

– Нет, он крестовик, – сказал Ветлугин.

– Любопытно! Забытая специальность, – сострил Хьюз.

– Поднимите его, Хьюз, – сказал Ветлугин. – Всем остальным механикам и мотористам разойтись по ракетным камерам, к двигателям, и ждать моих распоряжений. Предупреждаю: станция должна быть готова ко всему. Ты, Эрик, встретишь его и проводишь ко мне в кабинет. Разговаривать буду только там. Я иду установить тихую связь с островом Седова.

– Есть, товарищ начальник.

Хьюз, насвистывая, направился к подъемнику, остальные разошлись, не дожидаясь появления Мерса на борту станции. На месте остался только Свенсон.

Мерс в сопровождении Хьюза подошел к Свенсону минут через пять. Не доходя нескольких шагов до гидрографа, крестовик остановился и сказал угрюмо:

– Мне нужен ваш начальник.

Свенсон с интересом разглядывал коротконого человечка в серой меховой куртке. Перед ним стоял живой крестовик, представитель апостольского штаба-храма, какого-то таинственного подводного форта, все еще надеявшегося повернуть вспять историю человечества. Это

был редкий экземпляр, и Свенсон старался разглядеть его хорошенько.

– Кто вы такой? – спросил наконец долговязый гидрограф по-английски.

– Я скажу вашему начальнику, кто я.

На лице у представителя «апостола Петра» были царапины и вздутая нижняя губа.

«Следы схватки в больнице», – подумал Свенсон и сказал:

– Хорошо. Идите за мной. Я провожу вас к нему.

– Я хочу говорить с ним здесь, – глухо сказал крестовик.

– Начальник здесь не принимает.

– Скажите, что у меня очень важное дело.

– Все равно. Начальник станции принимает только в своем кабинете.

Свенсон и очкастый крестовик пощупали друг друга внимательным взглядом. Свенсон не видел глаз своего собеседника, защищенных очками-светофильтрами, но он чувствовал, что Мерс разглядывает его настороженно и подозрительно.

– Где помещается его комната?

– Здесь недалеко.

– Хорошо. – Мерс снял перчатку и опустил руку в карман своей куртки. – Вы идите вперед... показывайте мне дорогу.

Свенсон зашагал к квартире Ветлугиных. За ним осторожно двинулся Мерс.

– Итак, ты, Джеф, слушаешь все, о чем я с ним здесь буду говорить. Понятно? Я постараюсь его задержать.

Кроме того, как мы условились, в случае надобности, ты действуешь по своему усмотрению, не дожидаясь конца нашей с ним беседы.

Ветлугин, сидя в кресле перед кабинетным столом, казался, говорил сам с собой, – никого в кабинете не было.

– Правильно, – неожиданно ответил кто-то гулким басом.

– Все, – сказал Ветлугин.

– Все, – подтвердил невидимый Джеф.

Минуты две Ветлугин сидел в абсолютной тишине.

– К вам можно, товарищ начальник? – спросил за дверью Свенсон.

– Можно, – не глядя на визитный экран, сказал Ветлугин.

Вошел Свенсон, за ним бочком протиснулся в дверь Мерс.

– Вот этот... – Свенсон замялся, подыскивая для своего спутника соответствующее обращение, – этот человек хотел с вами говорить.

Необъятная спина Ветлугина шевельнулась.

– Да, я вас слушаю. Садитесь.

– Нет. Я постою.

Ветлугин пожал плечами, мельком заметив руку Мерса, засунутую в карман.

– Как хотите. Я вас слушаю.

– Вам известно, кто я? – спросил Мерс.

Ветлугин глянул на него удивленно.

– Я надеюсь, мы с вами познакомимся.

– У меня к вам поручение, – глухо сказал Мерс. – Но прежде всего должен предупредить вас, что ни на какие

вопросы, касающиеся моей личности и того, кто меня послал, я не отвечаю. Не имею я права также отвечать на вопросы о мотивах поведения лиц, меня сюда направивших.

Ветлугин многозначительно глянул на Свенсона и снова пожал плечами, как бы желая сказать: «Воля ваша».

– Вы, очевидно, знаете, что на острове Седова сейчас находится мальчик-индеец? – осторожно спросил Мерс.

– Да, знаю.

– Вам также известно, что у мальчика отсутствует память?

Ветлугин помолчал. Что бы это могло значить? Придается апостольский парламентар, что не слыхал о возвращении памяти к мальчику, или действительно ничего не знает?

«Хотя... откуда ему знать, если агентов крестовиков на острове не осталось, а сам он удрал оттуда часа три назад?...» – размышлял Ветлугин, внимательно разглядывая Мерса.

– Известно, – сказал он наконец и вдруг понял:

«Да ведь он у меня выпытывает! Мальчик его опознал, это он помнит, а что было дальше – не знает. Однако дешёвый прием...»

Свенсон презрительно усмехнулся. Долговязому гидрографу очень хотелось сказать: «Шпионаж в „епархии святого духа“ когда-то был лучше поставлен, чем сейчас. Красивая немка Лилиан явно постарела». Но Свенсон воздержался от замечаний и внимательно продолжал слушать разговор Ветлугина с бледнолицым крестовиком.

– Теперь слушайте меня внимательно, – почти тоном приказания сказал Мерс. – У этого мальчика есть отец. Он

хочет, чтобы сын его вернулся домой. Он предлагает вам, чтобы вы были посредником между ним и администрацией острова Седова. Поясняю: вы должны уговорить кого следует, чтобы мальчик был отвезен на то же самое место, где он был найден. Там его подберет отец...

– Почему отец мальчика не переговорит с островом Седова лично? – перебил его Ветлугин.

– Я вам уже сказал, что не имею права отвечать на подобные вопросы.

– Почему этот таинственный отец мальчика избрал меня своим посредником?

– Потому что взамен того мальчика вы получите другого мальчика.

– Какого?.. – чуть задохнувшись, спросил Ветлугин.

– Вашего сына, – твердо сказал Мерс.

Наступила пауза. Все трое молчали. Свенсон настороженно глянул на своего друга. Мерс, казалось, внимательно разглядывал фонограф на кабинетном столе.

– Значит, Юра... Значит, мой сын... – сказал Ветлугин.

– Жив, – спокойно dokonчил Мерс.

Ветлугин недоверчиво поглядел на крестовика.

– Вы что, морочите меня?

– Нет. Я явился сюда с серьезным деловым поручением. И потому не будем терять времени. Как, почему – это вы узнаете потом.

Ветлугин еще раз внимательно и испытующе поглядел на Мерса.

– Так, – сказал он наконец. – Значит, вы предлагаете...

– Обмен, – подсказал Мерс и склонил голову набок.

– От имени отца ожившего мальчика?

– Да.

– Сына за сына?

– Сына за сына.

– Та-ак... – еще раз сказал Ветлугин. – А почему вы руку в кармане держите?

– Привычка, – невозмутимо сказал Мерс.

– Меня раздражает ваша привычка, – повышая голос, сказал Ветлугин. – А ну-ка, выньте руку из кармана. Живо!

Мерс отступил к двери, но Свенсон уже крепко держал его сзади за обе руки.

Ветлугин встал и, как огромный полярный зверь, двинулся на коротконового крестовика, парализованного, словно током, могучими руками Свенсона.

– Выпусти револьвер! – сказал Ветлугин, подходя вплотную к Мерсу.

Крестовик презрительно скривил губы:

– Отпустите руку и возьмите его сами.

Свенсон тотчас же вытащил у него из кармана новенькую электронную «пращу Давида», точно такую же, какую когда-то нашел на льду Юра.

– Так оно будет лучше, – сказал Ветлугин и спокойно уселся в свое кресло. – А теперь выслушайте мое предложение.

Мерс молчал, независимо поглядывая сквозь свои светофильтры на широкоплечего начальника станции.

– Вы тоже являетесь чьим-то сыном. Не так ли?

– Допустим...

– Допускать нечего, – резко сказал Ветлугин. – И дальше разыгрывать эту комедию тоже нечего. Мы все знаем. Вы сын бывшего венгерского дезертира и политического авантюриста Петера Шайно, основателя контрреволюционной Лиги крестовиков и организатора бандитского налета на Советский Союз.

Презрительная усмешка медленно сползла с губ Мерса. Он смотрел на Ветлугина испуганно.

– Так вот, – продолжал Ветлугин, наклонив вперед голову и глядя прямо в бледную скопческую физиономию крестовика, – меняться сыновьями мы будем с Петером Шайно, а не с тем несчастным индейцем, который ушел от вас шесть лет назад и, наверное, погиб во льдах Арктики. Понятно вам, Золтан Шайно?

– Понятно, – спокойно сказал парламентар апостольского штаба. Он уже овладел собой, голова его вновь склонилась набок. – Но из этого ничего не выйдет.

– Посмотрим! – сказал Ветлугин и отвернулся от него.

Мерс, который внезапно превратился в Золтана Шайно, поднял глаза на розовые огоньки часов.

– Если я через пять минут не спущусь на лед, ваша станция будет разгромлена снарядами моей субмарины, а остров Седова взлетит на воздух, – он минирован.

Ветлугин быстро обернулся и несколько секунд внимательно смотрел на бледную физиономию крестовика с желто-зелеными очками. В его голосе и во всей фигуре было что-то такое, что заставляло верить в серьезность его угрозы.

«Ася... Британов... Люди...» – вспомнил Ветлугин.

– Джеф! – окликнул он. – Ты слышал?

– Все, – отозвался невидимый Джеф.

– Скажи, Джеф, ты сможешь поднять в воздух всех людей с острова за четыре минуты? – снова спросил Ветлугин своего собеседника-невидимку.

– Смогу. Я уже отдал распоряжение о посадке, – спокойно сказал Джеф.

– В добрый час! – Ветлугин взглянул на Свенсона. – Эрик, свяжись сейчас же с Хьюзом, прикажи от моего имени снять станцию с якорей, набрать высоту и идти с максимальной скоростью к материку...

– Что вы хотите делать? – спросил Золтан Шайно.

– Это вас не касается, – небрежно ответил Ветлугин и направился к приемнику.

Крестовик ринулся к двери, но костлявый кулак Свенсона опустился на его меховой малахай раньше, нежели он успел выпрыгнуть. Удар, очевидно, был так силен, что даже мех не защитил Золтана Шайно. Он взмахнул руками и повалился на диван.

– Звони Хьюзу! – крикнул Ветлугин. – Я его свяжу сам.

Через девяносто секунд огромная, полукилометровая площадка станции «Арктания» чуть качнулась и, медленно набирая высоту, стала уходить к югу. В тот же момент над нею, завывая, пронесся снаряд. Он пролетел над станцией и разорвался на льду километрах в трех, подняв целый фейерверк ярко освещенных солнцем ледяных обломков.

В кабинете Ветлугина, держа палец на спусковой кнопке «пращи Давида», сидел Гынко и, не мигая, смотрел припухшими раскосыми глазами на связанного сына Петра Шайно. Сам Золтан Шайно полулежал на диване и, не глядя на деревянное лицо Гынко, прислушивался к завыванию снарядов и к далеким их разрывам.

Где-то во льдах, почти невидимая, стояла субмарина и обстреливала уходящую станцию. Выстрелов не было слышно, но взрывы снарядов отдавались оглушительным грохотом над молчаливыми льдами. Два снаряда прошли мимо станции, и лишь один разорвал борт и повредил два ракетных якоря. Затем субмарина притихла.

Ветлугин и Свенсон стояли на аэрологической вышке и в биноклы наблюдали за врагом. Они видели, как тонкая пушка спряталась в башенке субмарины. Затем крышка люка задвинулась, и субмарина стала погружаться.

– Уходят, – сказал Свенсон.

– Боюсь, что нет, – ответил Ветлугин. – Они вынырнут впереди под нами и пустят нам снаряд в упор. Эрик, крикни в усилитель, чтобы все немедленно надели кислородные приборы и стратосферные костюмы... Хелло, Хьюз! – крикнул Ветлугин, наклонившись над рупором.

– Все! Все! Все! – заорал Свенсон прямо в микрофон, стоявший перед его губами.

– Хьюз, выключай бортовые! Давай максимальную скорость донных! – приказал Ветлугин в рупор.

– Надеть кислородные маски и стратосферные костюмы! – страшным, во сто крат усиленным рыком разнесся по станции голос Свенсона.

– Сколько, Хьюз? – спросил в рупор Ветлугин. – Восемь тысяч?.. Давай, давай выше – и ни метра в сторону, Хьюз! Пойдем на юг на высоте тридцати тысяч метров.

18. «Драгоценная песчинка»

В 17 часов 23 минуты станция «Арктания» прибыла с одним «пассажиром», Золтаном Шайно, в город Североград. Станция была повреждена снарядами апостольской субмарины в трех местах, но повреждения эти казались незначительными.

В Северограде Владимир Ветлугин узнал, что сто двадцать самолетов и пять дирижаблей восьмой авиабазы забрали все население острова Седова и через минуту небольшой благоустроенный поселок острова был поднят на воздух нитроманнитовыми минами и стал осыпаться в море обломками бетона и гранита. Епархия взрывчатых и отравляющих веществ химика-крестовика Кармона давала миру знать, что она еще существует.

В 18 часов 30 минут супруги Ветлугины и все работники станции были свидетелями замечательного явления: над Североградом появилась гигантская фигура заместителя председателя Всемирного Верховного Совета социалистических и коммунистических государств. В тот миг она появилась не над одним только Североградом. Ги-

гантское изображение возникло в воздухе над тысячами городов всего мира.

Это был Бронзовый Джо. Под этим именем заместителя председателя Всемирного Верховного Совета знал весь мир, хотя у него была и фамилия: Стюарт. Бронзовый Джо был любимым героем молодежи и уважаемым человеком среди всего взрослого населения земного шара. Он происходил из потомственной пролетарской семьи негров-строителей Америки. Отец его был коммунистом, и от него Джо унаследовал чудесный дар агитатора и пропагандиста. Каучуковые плантации в Венесуэле, золотые прииски в Гондурасе, плавучая тюрьма на Багамских островах, китобойный промысел у Шпицбергена и, наконец, блестящая эпопея первой партизанской интернациональной эскадры, во главе которой стоял коммунист-адмирал, негр Джо Стюарт – таков жизненный путь этого замечательного человека.

Старый апостольский пират Курода, архиепископ военно-морской епархии Шайно, не смел сунуть носа в те воды, где замечено было присутствие супердредноутов, авианосцев и субмарин Бронзового Джо. Искуснейший агитатор-коммунист оказался талантливым командором революционной интернациональной армады. Джо собирал свою партизанскую эскадру из восставших боевых единиц капиталистических флотов и наконец собрал такой бронированный военно-морской кулак, что даже владычица морей Британия не решалась затевать с ним драку.

Партизанские авианосцы и субмарины Джо лишь продолжали дело, начатое много лет назад славной интернациональной дивизией под Мадридом. Это ее легендарный

опыт породил идею партизанской интернациональной воздушно-морской эскадры. И негр-коммунист осуществил эту идею.

Эскадра Бронзового Джо не имела своего официального отечества, — ее родиной становилась любая страна, которой нужна была революционная боевая помощь против интервентов и национальных поработителей. Черный молот на красном поле был эмблемой революционной международной партизанской эскадры. И истребители с черными молотами на пурпурных дисках появлялись всюду, где апостольские воздушные и морские дредноуты «неизвестной национальности» сеяли смерть и разрушение.

Негр-адмирал ни на минуту не оставлял в покое флот крестовиков. Он пускал ко дну лучшие боевые суда барона Куроды. Джо имел немало орденов разных стран, но высшую награду, орден Ленина, Джо получил от правительства Союза советских государств. Он получил его за то, что всей могучей массой своих кораблей и гидросамолетов обрушился на апостольскую эскадру у берегов Аляски, когда дредноуты и авианосцы под серыми знаменами архиепископа Куроды двинулись на помощь своей Северной армаде через Берингов пролив. Совместно с советским флотом до самых Маршалских островов гнал тогда Бронзовый Джо остатки флота крестовиков и здесь пустил их все ко дну.

Его любили люди всех рас и национальностей, называли ласковыми именами «наш Джо», «славный парень Джо». Это был Чапаев эпохи окончательного разгрома капитализма. Когда три года назад происходили очередные

выборы во Всемирный Верховный Совет, Джо был избран на пост заместителя председателя подавляющим большинством голосов депутатов.

В 18 часов 30 минут исполинская фигура легендарного командора интернациональных партизан появилась над Североградом. Это могло показаться людям прошлого сверхъестественным, но люди новой эпохи знали, что над тысячами городов «гениозоры» – чудесные агрегаты, отражающие в воздухе свечение потока электронов, – передают лишь объемное изображение человека с темным, бронзовым лицом, знакомым по портретам.

Передачи гениозора стали практиковаться лишь три года назад, и Владимиру Ветлугину, да и многим другим работникам станции «Арктания», постоянно работающим вдали от населенных мест, впервые довелось видеть это чудо современного объемного телевидения. Сперва огромный столб воздуха над Североградом стал темнеть, потом он начал принимать очертания человека, и наконец исполинская фигура Бронзового Джо ясно определилась в воздухе. Фигура имела в высоту не менее трех километров. Темнокожий великан казался стоящим в воздухе над городом, причем стоял он не над самым городом, а где-то на его окраине. Будто фантазия Свифта стала действительностью и некий реальный Гулливер явился перед взволнованным народом лилипутов.

Голосом, подобным раскатам грома, он заговорил на родном языке Ленина. Говорил он с небольшим акцентом, медленно, подбирая каждое слово и выдерживая паузы между фразами. Видно было, что русским языком Бронзовый Джо владеет не свободно.

– Товарищи! Заседание Всемирного Верховного Совета социалистических и коммунистических государств окончилось. Совет обсуждал случай в Арктике. Несколько дней назад исчез мальчик Юра Ветлугин... Сегодня мы узнали, что мальчика захватила подводная организация крестовиков. Они обстреляли полюсную станцию и взорвали поселок Седова. Верховный Совет постановил принять все меры и освободить мальчика из рук шайки контрреволюционеров, а организацию врагов мирного человечества предать народному суду. Выполнить свое решение Совет приказывает Чрезвычайной арктической комиссии, созданной сегодня...

Что случилось на земле, товарищи?.. На земле пропал мальчик... исчезла маленькая песчинка человечества... Но мы живем уже в такое время... когда каждая человеческая песчинка есть большая драгоценность... Поэтому мы спасем мальчика во что бы то ни стало...

Темнокожий великан умолк и глянул вдаль. Казалось, Джо видит миллионы людей, с которыми так просто сейчас говорит.

– От имени Верховного Совета посылаю вам привет, товарищи!.. – сказал он и потряс над головой обеими руками.

Несколько секунд негр-великан стоял неподвижно, затем он стал прозрачным и исчез, словно растаял в воздухе.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

19. Разговор на холме Тоуэр

Полуостров лежал внизу, как огромный океанский электроход, – кормой к Европе, носом к Африке. Ливен повернулся на каблуках и окинул его взглядом. На минуту Ливену показалось, что он стоит на капитанском мостике, вознесенном на четыреста метров над морем.

– Знаете, Силера, – обратился Ливен к стоявшему рядом с ним молодому человеку, – мне иногда не верится, что я через несколько дней приступлю к осуществлению мечты моего отца.

– Но это так очевидно, дорогой мэтр, – почтительно и серьезно сказал молодой человек.

Ливен и Силера стояли подле большого камня, похожего на огромную заплесневелую краюху хлеба. Они находились на вершине одного из «Геркулесовых столпов», на гibraltarском холме Тоуэр. У подножия холма рабочие сооружали гигантский шлюз. Под ними лежал крохотный полуостров, который называли в старое время «английским замком на дверях Средиземного моря». Вдали в голубом сиянии пролива висел берег Африки. Джебель-Муса – марокканская «Гора обезьян», второй «Геркулесов столп», – стояла на том берегу нерушимо, как вековой пограничник на рубеже двух материков.

Ливен смотрел на Джебель-Муса. Там, у подножья горы, расположилась вторая партия возглавляемой им экспедиции. Он торжественно указал рукой вдаль.

– Если бы это видел мой отец!.. Вы замечаете, Силера:

профессор геофизики и инженер французского комиссариата энергетической промышленности сентиментальничает.

– Пусть это вас не смущает, дорогой мэтр;– сказал Силера.

– Спасибо! Я хочу вам рассказать историю двух поколений инженеров Ливен. Слушайте, Силера. Я немного экзальтирован сейчас, и мне, старику, хочется болтать без умолку, даже имея слушателем такого уравновешенного испанца, как вы...

Это было давно, Силера, еще до зловещей «Лиги апостола Петра» и его крестовиков. Французский инженер Оноре-Жак Ливен предложил министерству энергетики свой проект электрификации средиземноморских стран и обводнения Сахары. Все гениальные идеи по сути своей просты. Не так ли, Силера? Проста была и идея Оноре-Жака Ливена. Течение в Гибралтарском проливе преграждается плотиной. Высота плотины – пятьсот метров над уровнем моря. На африканском берегу сооружается гидроэлектростанция, и даровую энергию в сто шестьдесят миллионов лошадиных сил человечество ежедневно бросает на ирригацию²² Сахары. Средиземное море, лишенное бесконтрольного притока атлантической воды, оскудевает, и мелководная андриатическая лужа превращается в цветущую страну, равную по величине двум Италиям. Дарданелльские воды, воды Роны, По, Тибра и Нила, сопровождаемые судоходными шлюзами, не вливаются в обмелевшее море, а низвергаются вниз, как водопады. И к ска-

²² Ирригация – искусственное орошение полей.

зочной энергии марокканской станции присоединяется энергия станций египетской, турецкой, итальянской, французской. Эта энергия обогащает народы трех материков. Мой отец, инженер Оноре-Жак Ливен, автор проекта гibraltarской плотины, был утопистом, – он хотел осчастливить миллионы людей без единого выстрела. И самое трагическое для него заключалось в том, что его проект был вполне реален. Вы знаете, Силера, как печально кончил этот чудак?

– Я что-то читал об этом, – сказал молодой человек.

– Он всем надоел, он нажил себе врагов в штабе крестовиков и в военных министерствах трех последних капиталистических держав. Его привезли в сумасшедший дом вполне нормальным человеком. Но когда я, его сын, после разгрома крестовиков приехал за ним, чтобы взять его домой, он сидел на полу и пускал слюни, складывая из детских кубиков игрушечную плотину. Вам это кажется нездоровой фантазией, Силера, не так ли?

– Да, – сказал молодой человек.

– Увы, мой друг, такие истории были возможны в эпоху неврастении и Лиги крестовиков... Тогда я взял похороненную идею моего отца и на своих плечах понес ее дальше... Простите, Силера, я люблю фигуральные выражения... Я нес ее через много стран, я шел вместе с нею вслед за танковыми полками красных армий, когда истреблялись на земле последние двуногие волки капитализма. Я, как знамя, нес в сердце своем идею отца, я пронес ее через геофизические кабинеты и тысячные аудитории студентов и красноармейцев. И вот я принес ее, эту идею моего отца, к древним «Геркулесовым столпам».

– Да, – сказал молодой человек, – я знаю эту историю, но с удовольствием прослушал ее из ваших уст, дорогой мэтр. Вы только забыли упомянуть о своих работах над проектом отца.

– Это лишь небольшое обновление, – ответил Ливен. – Я геофизик, кроме всего прочего, мой мальчик.

– Вы правы, профессор. Но ваше предложение поднять при помощи радия затонувшую горную гряду, вместо того чтобы воздвигать плотину на тысячеметровой глубине пролива, имеет самостоятельное научное значение. Ваш снаряд «тератом», который вот отсюда, с поверхности этого полуострова, унесет к недрам земли мощные запасы радия, – это гениальное изобретение, профессор. Я инженер, но я увлечен вашей идеей, как школьник.

– Да, конечно, – медленно сказал Ливен. На его глазах Силера преобразался, искра волнения зажглась в уравновешенном испанском юноше. – Геофизика далеко шагнула в последнее время. И разве сэр Джоли, который только лишь допускал участие радиоактивных элементов в геологических процессах, поверил бы, что мы сейчас с помощью радия сможем поднять поверхность земли и дно моря? Кстати, вы знаете, Силера, что Гибралтарский полуостров увеличится в своих размерах, Алжесирасская бухта исчезнет, а часть дна в Атлантическом океане у берегов Мадейры опустится?

– Да, я знаю, – невозмутимо сказал Силера. Ливен оглянулся вокруг.

– Ну, что ж, пойдемте вниз.

Ливен и Силера стали спускаться по тропинке к лагерю геофизической экспедиции, раскинувшему свои изящные

передвижные домики у холма Мидл-Гилл. Навстречу им вышел практикант Бельгоро, щуплый юноша в красном берете. Не доходя нескольких шагов до Ливена, он подбросил вверх свой берет и крикнул:

– Салют, камарада Ливен! – И затем уже деловито сказал по-французски: – Говорили с Африкой, слушали Североград, видели гениопередачу.

– Ну, и что же? – спросил Силера, останавливаясь против общительного практиканта.

– Африка просит профессора Ливена к себе. В Арктике объявились крестовики. Гениозор Центрального правительства показывал Бронзового Джо.

Ливен удивленно взглянул на Бельгоро.

– Что в Арктике?

– Настоящие чудеса, профессор. Только что сообщили, что вынырнувшие со дна моря крестовики обстреляли газопонтонную северную станцию и взорвали поселок на острове Седова.

Ливен и Силера переглянулись.

– Это невероятно! – сказал профессор.

– К сожалению, я ничего не выдумал.

И Бельгоро рассказал Ливену и Силера все, что он узнал по радио и из речи Джо Стюарта.

– Что вы думаете об этом, профессор? – спросил Силера.

– Мальчика нужно спасти во что бы то ни стало, – строго сказал Ливен. – А морских чудовищ уничтожить.

– Да, но как это сделать? Если все обстоит так, как рассказывает Бельгоро, их, очевидно, будет очень трудно взять, не подвергая опасности жизнь мальчика.

– Вы очень рассудительный юноша, Силера, – улыбаясь, сказал Ливен, – а я увлекающийся старый профессор. И я, кажется, увлекся уже одной идеей, которая пришла мне в голову минуту назад.

– Интересно! – закричал Бельгоро.

– Но я пока о ней ничего не скажу, кроме того, что она имеет прямое отношение к этой арктической истории, – добавил профессор.

– Пойдемте ко мне, дорогой мэтр, и я изложу вам сущность вашей идеи, – невозмутимо сказал Силера.

Профессор Ливен с минуту смотрел испытующе на своего молодого помощника.

– Пойдемте, – сказал он наконец. – Если угадаете, признаю ваше соавторство.

– Хорошо.

– А мне можно будет узнать, в чем дело? – спросил Бельгоро.

– Только после того, как идея будет отвергнута или осуществлена, – ответил Ливен.

– Я не предложу идеи, которая будет отвергнута, – сказал Силера.

Профессор рассмеялся.

– Я начинаю вас любить и бояться, Силера. Вы часто меня поправляете и всегда оказываетесь правы.

20. «Мертвецы ведут себя, словно живые»

Субмарина архиепископа – пирата Куроды – согнала с Северного полюса газопонтонную станцию; нитроманнитовые мины крестовиков превратили в пустырь маленький

благоустроенный островок в архипелаге Вейпрехта – Пайера; белоголовый мальчик, снedaемый жаждой полярных подвигов, опущен на дно океана, в загадочное логово последних контрреволюционеров. Таков краткий список событий в Арктике за двадцать четыре дня – с 21 мая по 15 июня – этого памятного для многих года. Но Земля не изменила из-за этих событий своего пути в мировом пространстве, и люди не перестали трудиться, смеяться и видеть солнце. Конференция по выработке единого алфавита собралась в Париже. Профессор Британов готовился к докладу о своем историческом опыте на внеочередном всемирном съезде биологов. Обе партии экспедиции Ливена стояли на берегах Гибралтарского пролива, готовые в любую минуту, по первому слову своего начальника послать в глубь земли солидные заряды радия. Короче говоря, жизнь струилась на этой интересной планете все так же логично и вдохновенно.

Тем не менее инцидент в Арктике продолжал занимать умы миллионов людей. Арктические корреспонденты не забывали ни на минуту о последнем выступлении заместителя председателя Верховного Совета, и радиогазеты среди прочих немаловажных сообщений по нескольку раз в день возвращались к этой теме. 15 июня газеты передавали, что через два дня после выступления по гениозору Бронзового Джо известный французский ученый, профессор Оноре-Жан Ливен, сын автора проекта гибралтарской плотины Оноре-Жака Ливена, и молодой испанский инженер Силера посетили на острове в городе Северограде председателя Чрезвычайной арктической комиссии и долго беседовали с ним. Но сенсацией стало сообщение о том,

что политический авантюрист Шайно, называющий себя апостолом Петром, вступил в переговоры с Чрезвычайной комиссией и комиссия согласилась выслушать его представителя на экстренном своем заседании.

Это заседание состоялось в Северограде в тот же день, 15 июня, в 20 часов 30 минут. В просторном кабинете начальника воздушных путей Арктики собрались члены Чрезвычайной комиссии. Пришли специально приглашенные на заседание Владимир и Ирина Ветлугины, профессор Ливен с инженером Силера. Последними явились старик Андрейчик и Рума.

Представитель крестовиков, барон Курода, должен был появиться на экране стереовизора ровно в 20 часов 30 минут. Курода собирался разговаривать с комиссией из своей субмарины, предварительно пообещав, что если большевики во время переговоров попытаются захватить субмарину, в ту же минуту сын безбожника Ветлугина, арестованный на льду воинами сына господня при попытке напасть на них с ножом в руках, будет пригвожден к кресту.

Барон Курода появился на экране в 20 часов 30 минут, секунда в секунду. Это был маленький старичок с зеленоватым лицом, косоглазый и скуластый. Архиепископ военно-морской епархии был чистокровным самураем²³. Одежда на старичке была незамысловатая: военная серая гимнастерка крестовиков с опрокинутым черным крестом, нашитым на спине и груди, рейтузы стального цвета, желтые краги. Отчужденность маньяка и старческая нетерпимость явственно проступали в облике барона. Ко-

²³ Самурай – японский аристократ, происходящий из древнего феодального рода.

гда-то этот человек хладнокровно пускал ко дну пассажирские теплоходы с женщинами и детьми, топил торпедами японские мятежные крейсера с революционными командами, обстреливал портовые города нитроманнитовыми снарядами. Сейчас он был уже не страшен никому. Даже маленький индеец-курунга независимо и недружелюбно поглядывал на изображение своего недавнего властелина. И только Ирина Ветлугина с ужасом смотрела на раскосого старичка: она знала, что этот человек, сидящий сейчас в своей субмарине где-то во льдах, в любую минуту может послать ее ребенка на мучительную, варварскую смерть.

Молчание продолжалось почти полминуты. Наконец председатель Чрезвычайной комиссии, розовый человек с блестящей бритой головой, похожей на большой бильярдный шар, сказал:

– Мы готовы выслушать ваше заявление.

Японец шевельнулся, но глаз не поднял (он, как уселся в кресло, как заслонил дряблыми красноватыми веками свои глаза, так и сидел, не шевелясь, словно буддийский божок). Заговорил он по-английски:

– Я не говорю по-русски. У вас есть переводчик?

Голос у него был резкий, как скрежет ножа о тарелку.

– Я думаю... – председатель обвел глазами всех присутствующих, – я полагаю, здесь все понимают по-английски.

Все закивали головами.

– За исключением одного, – сказал дед Андрейчик. – Но это ничего, я Руме потом все изложу досконально.

– Его святость господин апостол, – вяло сказал Курода,

– изволил приказать мне, чтобы я передал вам следующее. Его святость господин апостол много лет назад изволил покинуть ваш греховный мир и удалился в далекую обитель. Его святость господин апостол изволит все свое время проводить в посте и молитве. Это единственное, в чем его святость господин апостол видит цель всей своей дальнейшей жизни. Устремления его святости господина апостола разделяются всеми господами архиепископами, также покинувшими мир греха и соблазна. В том числе и мною. Нам ничего не нужно от вашего мира, и мы хотели бы, чтобы ваш мир также оставил в покое нас.

Курода замолчал. Минуту подумал и продолжал все так же нехотя:

– Его святость господин апостол приказал передать, что готов отпустить своего пленника с миром, но не ранее как после освобождения вами сына его святости.

Наступило молчание.

– Все? – спросил председатель.

– Все, – безразличным тоном ответил японец.

– Прежде чем мы вам дадим ответ, разрешите задать несколько вопросов, – сказал председатель.

– Разрешаю, – сказал Курода. – Но предупреждаю, что отвечу только на те из них, на которые сочту нужным ответить.

– Хорошо. Скажите, зачем вашему апостолу понадобились орудия, мины и прочее вооружение, если он, как вы говорите, удалился из мира для поста и молитвы?

Японец по-прежнему не поднял глаз, но в голосе его все почувствовали явную иронию.

– Его святость господин апостол, – сказал он, – опасаясь

ется, что посторонние люди помешают его молитве. Оружие его святости нужно для ограждения своего покоя.

– Так, – председатель обвел всех сияющим выразительным взглядом. – Разрешите тогда спросить, разве кто-нибудь из жителей поселка на острове Седова нарушил покой вашего апостола?

– Да, его нарушил беглый индеец.

– Чем?

– Тем, что он ушел от своего господина.

Председатель, казалось, был в восторге: он сиял и улыбался, одаряя присутствующих выразительными взглядами.

– У кого еще есть вопросы? – спросил он. Переговоры начинали походить на общее собрание, когда докладчику задают вопросы.

– Скажите, – спросил Ветлугин, – это вы хотели видеть меня? Я говорю об одном посещении станции неизвестными мне людьми, когда я был в Северограде.

– Нет, – скучным голосом ответил Курода.

– Зачем вы украли моего сына и для чего держите его у себя? – тяжело дыша, спросила Ирина.

– Вопрос задан в оскорбительной форме. Я на него не отвечаю.

Курода, видимо, тяготился допросом, и только какие-то дипломатические соображения заставляли его продолжать переговоры.

– Разрешите мне вопрос, – по-русски сказал дед Андрейчик.

– Пожалуйста, – разрешил председатель.

– Известно ли тебе... – начал дед Андрейчик по-русски

и запнулся. — Известно ли вам, — продолжал он по-английски, — как ушел мальчик-индеец из вашей норы... виноват, я хотел сказать — из вашей обители?

Все насторожились. Председатель посмотрел на деда Андрейчика укоризненно: вопрос был явно нетактичным.

И вдруг японец поднял свои опущенные веки. Поднимал он их медленно и тяжело, как гоголевский Вий. Поднял, прищурился и отыскал в углу деда Андрейчика. Глаза их встретились; голубые, лукавые у старого радиста и черные, настороженные у Куроды.

— Известно, — нетвердо сказал японец.

Дед Андрейчик захохотал.

— Врешь, шельма! — крикнул он и вскочил с места.

Раздался шорох выключенного радиофона, и экран опустел.

— Шель! Ма!.. — повторил Рума. Он тоже вскочил и, гневно поводя глазами, приготовился защищать деда Андрейчика.

Маленький курунга успел привязаться к старику за эти несколько дней. Во все время беседы с Куродой здесь в кабинете он лишь несколько раз глянул враждебно на изображение японца и безразлично — на председателя. С деда Андрейчика же Рума не сводил преданных, обожающих глаз. Он, наверное, искренне полагал, что во всей этой церемонии главная роль принадлежит его учителю и другу. И когда дед Андрейчик возбужденно выкрикнул какое-то слово, Рума повторил его, ибо привык уже во всем подражать старику.

— Это вы напрасно, товарищ Андрейчик, — сказал председатель. — Во-первых, грубить на деловом совещании

вообще не полагается, а во-вторых, вы его спугнули раньше времени.

– Извините, товарищи, трудно удержаться, когда видишь перед собой живого палача и бандита.

– Мало ли что, – сказал один из членов комиссии. – Нам тоже трудно было смотреть на него. А раз надо – значит, смотри и вежливо разговаривай.

– Ну, вы все-таки помоложе, вы совсем другой народ, – посмеиваясь, сказал старик.

– Знаете, Силера, – волнуясь, сказал профессор Ливен, – когда он появился и заговорил, мне захотелось проснуться. Я не выношу снов, в которых мертвецы получают равноправие и ведут себя, словно живые.

– Хуже всего то, что это не сон, дорогой мэтр, – невозмутимо ответил Силера.

Рума ткнул пальцем в экран, потом со всего размаху хлопнул себя по щеке.

– Он... мне... вот!... – сказал он деду Андрейчику ломаным русским языком. – Факт!

Председатель Чрезвычайной комиссии обвел глазами всех присутствующих.

– Конечно, это наглость, – сказал он, показывая всем свое круглое сияющее лицо. – Конечно, нам смешно выслушивать их наглые требования. Мы не оставим их в покое. За свои преступления они должны предстать перед судом. Кроме того, они опасны, их нужно обезвредить. Но Верховный Совет поручил нам прежде всего спасти сына товарища Ветлугина. Поэтому мы пригласили на заседание родственников мальчика... Что мы можем сделать? Мы можем предложить крестовикам обмен – сына Шайно за

сына товарища Ветлугина. Мы можем удержать арестованного крестовика и спасти мальчика прямой атакой. Вот два пути спасения пленника. Первой прошу высказаться мать мальчика.

Все обернулись к Ирине.

Обращение председателя застало Ирину врасплох. Она растерянно оглянулась, провела рукой по лбу, сказала неуверенно:

— Я думаю... мне кажется... — и внезапно умолкла в раздумье. Так она сидела молча несколько долгих секунд.

Мужчины, затаив дыхание, ждали. Перед ними была мать. Это обстоятельство создавало мучительную серьезность положения. Так или иначе, но в эту минуту решалась судьба ее сына, и самое веское слово принадлежало ей. Вначале она заговорила тихо:

— Мне очень хочется спасти нашего мальчика... — Потом сказала громче: — Но я подумала: неужели мы так беспомощны? Неужели только договор с врагами коммунизма может спасти моего сына?

— Браво, дочка! — загремел дед Андрейчик. — Она говорит сущую правду! Факт!

Он вскочил, и вместе с ним вскочил Рума. Ветлугин пожал жене руку, чувствительный Ливен украдкой смахнул слезу, и все заговорили сразу об одном: комиссия не допустит никаких сделок и сговоров с политическими авантюристами, комиссия будет действовать осторожно, чтобы не подвергнуть опасности жизнь мальчика, но вместе с тем и очень решительно.

— Итак, разрешите зачитать ответ, — сказал председатель.

Секретарь включил фонограф.

— Северный Ледовитый океан, гражданину Куроде... — начал председатель. — Чрезвычайная комиссия, созданная Всемирным Верховным Советом, обсудила ваше заявление и нашла его неприемлемым. Чрезвычайная комиссия предлагает вам и другим лицам, проживающим вместе с вами, немедленно явиться на остров в город Североград и поселиться там, где вам укажут. Чрезвычайная арктическая комиссия предупреждает: вам и проживающим с вами лицам, замешанным в контрреволюционной деятельности в прошлом и виновным в диверсионных актах против воздушной станции и населенных мест в Арктике, придется предстать перед народным судом. Но если вы тотчас же по получении нашего ответа освободите своего пленника и явитесь в суд добровольно, вы облегчите вашу участь в дальнейшем, тем более что нам сейчас уже не страшны никакие враги.

Все закивали головами, зашевелились, раздались восклицания:

— Очень хорошо!

— Факт!

— Силера, мой мальчик, запомните этот момент навсегда!

— Товарищ секретарь, отправьте радиogramму на субмарину, — сказал председатель. — А теперь, товарищи, поговорим о предложении профессора Ливена и инженера Силера... Конечно, Шайно и его банда, получив наш ответ, не примчатся в Североград с повинной. Но и нападать на нас они вряд ли станут без нужды. Думаю, что они еще не совсем спятили с ума и учитывают соотношение сил.

Скорее всего, старый разбойник зароется в свою нору и покажет зубы, только когда мы попытаемся его оттуда вытащить. Вот на этот случай у нас и припасен замечательный проект товарищей Ливена и Силера. Этот проект очень поможет нам освободить мальчика.

Председатель, продолжая говорить, поднял руку и показал на карту: огромная рельефная панорама Арктики, выполненная знаменитым художником – эскимосом Каукеми, висела на стене.

– Мы уже точно установили, где находится скромная обитель апостола Шайно. Вот...

Толстяк чуть шевельнул на столе световой регулятор, и тонкий красный луч с другого конца комнаты окрасил пурпуром два небольших островка, самых крайних на севере архипелага Вейпрехта – Пайера.

– Между островом Рудольфа, ныне Седова, и островом Гогенлоэ, ныне Брусилова²⁴. Как раз вот в этом проливчике между ними, на дне. Глубина пролива – четыреста метров, ширина – четыре километра.

– В пять раз уже Гибралтарского пролива у Джебель-Муса и в два с половиной раза мельче, – сказал Силера.

– Совершенно верно, – подтвердил председатель. – Итак, что же предлагают нам товарищи Ливен и Силера?

Все слушали, затаив дыхание. Дед Андрейчик также с величайшим вниманием вслушивался в слова председателя Чрезвычайной комиссии. Время от времени он записывал что-то в свой старенький потрепанный блокнот (старик

²⁴ Брусилов – лейтенант и штурман русского флота, в 1914 году во время полярной экспедиции погиб.

никак не мог привыкнуть к фонографу), и сидевший рядом с ним Рума благоговейно следил за движением нехитрого, допотопного «вечного пера» деда Андрейчика.

Наконец старик кончил записывать. Воспользовавшись тем, что вся комиссия и Ветлугины вместе с гибралтарскими инженерами собрались подле директорского стола и стали разглядывать модель какого-то прибора, дед Андрейчик мигнул Руме, и они на цыпочках вышли вместе из кабинета.

21. «Костюм крепкий, и парень крепкий»

Покинув заседание Чрезвычайной комиссии, дед Андрейчик вышел на улицу и зашагал по широкому тротуару. Мощная серая лента синтетического каучука, сверкающая, как новая калоша, под неугасаемым летним солнцем Арктики, неторопливо ползла вдоль улицы, – тротуар был движущимся. Рядом с дедом Андрейчиком с независимым видом шагал Рума.

Небольшой поселок на острове Диксон возник в первые годы строительства социализма. Огромный же социалистический город Североград, с населением в пятьсот тысяч человек, насчитывал всего десять лет своего существования. Это была своеобразная столица Арктики. Вполне благоустроенный, мало чем отличающийся от лучших городов Азии, Европы и Америки, Североград, однако, имел свое собственное лицо. Это был город-полярник. Здесь сосредоточены были учреждения, ведавшие хозяйством Арктики, научно-исследовательской работой в полярных областях, промыслами, морскими и воздушными путями,

службой погоды. Аэросаням жители Северограда явно отдавали предпочтение перед другими средствами передвижения. Город-полярник жил деловой жизнью, чуждой резким жестам и шумам. Нередко он погружался в необозримые, как море, туманы и внезапно замирал летом среди бела дня, именуемого здесь «ночью».

Дед Андрейчик часто бывал в Северограде и любил этот город. Рума всего несколько дней назад увидел это чудо во льдах и привыкал к нему, как существо, внезапно свалившееся на землю из неведомых звездных миров. Кроме того, он обучался русскому языку и все время находился в состоянии азарта.

Дед Андрейчик шел рядом с Румой и время от времени тыкал пальцем вниз, в сторону, вверх.

– Резина... сосна... сани... – говорил он.

Мальчик внимательно вглядывался в каждый указанный ему предмет и с трудом повторял:

– Ре-зина... со-сна... са-ни...

В одном месте тротуар запрудила большая семья закутанных в меха медлительных и любопытных чукчей. Белые лайки шныряли между ног у этих полярных провинциалов, оглушительно лаяли на вереницу аэросаней и, случайно забегая на соседнюю ленту движущегося тротуара, уезжали вместе с нею назад под громкий хохот своих хозяев.

– Чукчи, – сказал дед Андрейчик.

– Чук... – повторил Рума и запнулся.

– Не выговоришь? – спросил старик, плутовато улыбаясь. – Слово трудное. Факт.

– Ффакт! – сердито сказал Рума.

– Ну, ладно. На сегодня хватит.

Дед Андрейчик остановился на углу площади Северного Сияния и показал рукой на десятиэтажный дом, почти совершенно лишенный по прихоти архитектора двух первых этажей. Три огромные надписи, сделанные светящимися красками на фасаде дома на русском, английском и норвежском языках, говорили о том, что в доме помещается Арктический институт океанографии.

— Я туда... — сказал дед Андрейчик. Потом показал пальцем куда-то влево вдоль улицы. — Ты... домой.

Мальчик кивнул головой в подтверждение того, что понял.

— Ты... до... мой...

И все с тем же независимым видом зашагал вдоль улицы по каучуковой ленте тротуара.

Дед Андрейчик с минуту глядел ему вслед, затем двинулся к институту. Механический робот-привратник открыл ему дверь легким мановением руки и сказал ржавым голосом:

— Эскалатор направо. Лифт налево-ево-ево-ево-ево-ево.

Старик удивленно взглянул на робота. «Черти! — сердито подумал он. — Выставили испорченного болвана».

* * *

Рума тем временем добрался до дому. Жил он вместе с дедом Андрейчиком в гостинице «Скандинавия», куда перекочевал почти весь временно бездействующий штат станции «Арктания». Дома его ждала гостья из соседнего номера, Ася. Рума подарил Асе электронный отмыкатель от комнаты, в которой он жил с дедом Андрейчиком, и

девочка часто приходила к ним в номер, когда их не было дома. Здесь она бесконтрольно пользовалась радиофоном и стереовизором. Ася вызывала всех знакомых девочек и мальчиков с Новой Земли и с острова Врангеля и вела с ними оживленные беседы. Особенным успехом у ее сверстников пользовался рассказ о том, как «крестовик в желтых очках хотел выстрелить в Руму и как она, Ася, не дала ему выстрелить». Здесь, в чужом номере, болтать можно было вволю, тем более что поблизости не было отца, который мог бы сказать: «Ася, не засоряй эфир пустяками».

Но еще чаще Ася приходила, когда Рума был дома. С ним она тоже вела бесконечные беседы на самые разнообразные темы, нисколько не заботясь о том, что ее новый друг плохо разбирается в ее рассказах. Маленькому курунга эти непонятные словоизлияния Аси, видимо, доставляли удовольствие. Он с восторгом следил за ее губами, прислушивался к ее звонкому голосу и шевелил губами сам, повторяя схваченное на лету слово. Иногда только, когда на экране появлялся бразильский языковед Мартин дель-Грасиас, Рума сам начинал говорить, и Грасиас, внимательно и благоговейно выслушав фразу, произнесенную на подлинном языке курунга, переводил Асе.

— Мальчик говорит, что ему нравится наше солнце. Он раньше такого солнца никогда не видел. Там, где он жил, на дне океана, Рума видел много длинных солнц; люди племени Апо-Стол называют эти солнца на своем языке «аргон». Они хуже нашего солнца.

В этот раз Рума застал Асю по обыкновению перед экраном. Востроглазая черноволосая девочка, в синей

школьной форме с белым передником, прыгала на экране через красную веревочку. Ася внимательно следила за ней и отсчитывала:

– Раз! Два! Три! Четыре!..

В руках у нее была такая же веревочка. По-видимому, Ася ждала своей очереди прыгать.

– Вот Рума! – закричала она. – Рума, хочешь с нами играть?

Девочка на экране при виде Румы сбилась и зацепилась за веревочку.

– Вот она зацепилась – крикнула Ася. – Теперь прыгай ты.

Рума стоял перед экраном, хлопал похожими на опахала ресницами и никак не мог понять, чего от него хотят. Тогда Ася показала ему, как нужно прыгать. Конфузясь и смущенно поглядывая на изображение чужой девочки, Рума неуклюже прыгнул, зацепился и запутался в веревке. Обе девочки расхохотались. Рума еще раз растерянно хлопнул глазами и сам стал смеяться. Насмеявшись вдоволь, все трое стали изобретать новое развлечение. На этот раз инициатива перешла к маленькому курунга. Он поднял руку, сделал серьезное лицо и сказал:

– Папа... Маро... но-ги... хо-дила... Вот!

При этом Рума стремительно повернулся вокруг несколько раз и издал какой-то гортанный возглас.

Ася с минуту смотрела удивленно и вдруг поняла:

– Отец Румы Маро научил его танцевать. Рума предлагает танцевать. Танцевать! Танцевать! Рума начинает первым! – закричала она.

– Танцевать! – пискнула востроглазая девочка на экране.

Рума медленно двинулся на середину комнаты; здесь он остановился и стоял несколько секунд с поднятой головой, положив обе руки на живот, потом вдруг стремительно завертелся и издал громкий возглас, почти вопль. Так он вскрикивал и вертелся несколько раз. Потом Рума, к ужасу обеих девочек, ринулся вдоль комнаты и, рыча и приседая, стал ловить воздух обеими руками.

Асе стало жутко, она уже хотела крикнуть Руме, чтоб он перестал ее пугать, но в этот момент открылась дверь, и на пороге остановилось какое-то чудовище с огромной металлической головой, с толстыми круглыми трубами-ногами. Вместо рук у чудовища были такие же трубы, со стальными клещами на конце.

Дети оцепенели. Востроглазая девочка на экране быстро заморгала и... исчезла, с перепугу выключив свой стереовизор.

– То чхо разро? – глухо спросил металлический великан.

– А-а-а! – яростно крикнул Рума и отпрыгнул к кабинетному столу. – Друмо!

Он рванул ящик из стола. В руках у мальчика тускло сверкнула вороненая сталь электронного револьвера «праща Давида».

– На тум га тархо! – сердито сказал великан и тяжело ступая, двинулся на мальчика.

Ася подбежала к стене и заколотила кулаками

– Мама-а-а!

И вдруг оглушительный звон потряс комнату. Рума, присев за кресло, разрядил обойму «пращи» прямо в стальное брюхо чудовища.

Когда в номер сбежались люди, их глазам представилось странное зрелище: из брони водохода, кряхтя, вылезал дед Андрейчик, а Рума и Ася, глупо хлопая глазами, стояли поодаль и наблюдали за ним.

– В чем дело?! – каркающим голосом крикнул Свенсон.
– Кто шумел?

– Ничего особенного, Эрик, – спокойно ответил дед Андрейчик. – Это я пробовал свой новый костюм, а заодно и вот этого мальчика. Все в порядке. Костюм крепкий, и парень тоже крепкий. Факт...

22. Жилец «аварийной гостиницы»

Золтан Шайно жил при здании народного суда, в особой пристроечке, называемой жителями Северограда иронически «аварийной гостиницей». В первые годы строительства социализма, когда возник поселок на острове Диксоне, его жители обходились без специальных тюремных сооружений; в большом же социалистическом городе Северограде тюрьму строить было незачем: преступления не часто совершались в Арктике, а совершаемые не заслуживали того, чтобы ради них строить особый дом лишения свободы. Вот почему редкие клиенты подследственных органов народного суда в Северограде помещались в пристроечке подле здания суда, именуемой «аварийной гостиницей». Особым комфортом эта «гостиница» не отличалась: это был обыкновенный дом с коридорной системой и комнатами, меблированными просто и строго всем необходимым. Отпечаток неволи ложился не на самый этот дом, а на сознание жильца, когда надзиратель, поселяя его одной из комнат, угрюмо бормотал:

– Дом оборудован самой усовершенствованной сигнальной аппаратурой. Здесь нет замков, вместо них есть невидимые инфракрасные лучи и фотоэлемент. Убежать невозможно. Правила внутреннего распорядка висят на стене. Радиофоном и стереовизором можно пользоваться с разрешения следователя. Питание в обыкновенное время. Библиотека напротив.

Золтан Шайно, оседлав нос своими желто-зелеными очками, валялся на диване в седьмом номере «аварийной гостиницы» и читал единственную книгу, которую он счел достойной своего внимания: роман Гюисманса²⁵ «Наоборот». Герой романа дез-Эссент уже успел полностью отгородиться от внешнего мира и зажить «наоборот», то есть жизнью, достойной подлинного аристократа и убежденного роялиста²⁶, когда вдруг дверь открылась, и на пороге седьмого номера появился молодой белокурый человек, высокий и румяный.

Молодой человек попросил у Золтана Шайно разрешения войти, поздоровался и понес к столу изящный аппаратик-фонограф.

Золтан Шайно снял ноги с дивана и настороженно поглядывал на своего гостя.

– В прошлый раз мы с вами только познакомились, – сказал белокурый молодой человек, устанавливая на столе свой аппаратик, как большой мальчик игрушку, которой он собирался играть с товарищем. – Теперь, я надеюсь, мы сможем поговорить поподробнее.

Молодого человека звали Алексеем Ивановичем По-

²⁵ Гюисманс (1848–1907) – реакционный французский романист.

²⁶ Роялисты – монархисты, сторонники королевской власти.

меранцевым, и служил он следователем при народном суде в Северограде.

– Вы знаете, я долго думал над вашей фразой о званых и избранных, – сказал он. – По-вашему, выходит, что так называемый бог призвал к жизни миллиарды людей, а избрал среди них немногих. Вначале я решил, что вы имеете в виду какую-то особую систему выборов, но затем вспомнил, что в старые времена подобные теории были в большом ходу у клерикалов²⁷, и назывались они притчами.

Золтан Шайно иронически поджал губы.

– Вашим мыслям, очевидно, несвойственна торопливость, господин следователь...

– Что вы! – с ноткой искреннего протеста воскликнул Померанцев. – Наоборот! Я свое мышление уподобил бы ракете стратоплана. Надеюсь, вы знакомы с устройством ракетных двигателей?

– Нет. Не знаком.

– Но вы говорили, что в вашей подводной колонии есть ракетный самолет.

– Я этого не говорил. Включите фонограф, проверьте запись.

– Да?..

Померанцев испытующе глянул на бледнолицего крестовика.

– Простите, почему вы никогда не снимаете очков?

– Не выношу солнечного света.

– Ах, да, у вас там аргон. Оттого у вас такое бледное лицо. Вы мне напоминаете какое-то опытное растение, лишенное хлорофильных зерен.

²⁷ Клерикалы – духовенство.

Золтан Шайно засопел и отложил книгу.

– Какое совпадение! Вы мне тоже напоминаете одно растение.

– Какое?

– Крапиву.

– А где вы видели крапиву? – быстро спросил Померанцев.

– Видел в детстве, когда жил еще в Венгрии.

– Вы в каком возрасте переселились в подводный штаб?

– Пятнадцати лет. Но откуда вы взяли, что это штаб?

– Его так называет мальчик курунга.

– Мальчик врет. Отец называет свое жилье обителью. У нас даже комнаты именуются кельями.

– Да? Вы знаете, я никак не пойму, как же все-таки ушел из штаба мальчик?

– Я тоже этого не знаю, – угрюмо сказал Золтан Шайно.

– Вам лучше всего спросить об этом у него самого.

– Он говорит, что ушел общим выходом.

– Ха-ха! Ушел через шлюзовую систему, минуя несколько камер с личным конвоем отца? Он фантазер.

– Разве система шлюзов так уж сложна? – осторожно спросил Померанцев.

Молодой Шайно прикусил нижнюю губу и за молчал. Потом сказал:

– Очень. И прекрасно охраняется. Передайте это всем, кто захочет проникнуть в колонию носителей креста. А те кто выпустил мальчишку-индейца и его отца, уже сожжены кармонзитом. Это можете сообщить своему краснокожему выродку.

Померанцев внимательно глянул на своего подследственного, проверил, работает ли фонограф, и спросил:

– Да, хорошо, что напомнили. Откуда вы знаете язык курунга?

– Выучился.

– Как?

– От работавших на кессонных работах индейцев.

– И затем уже выучили этому языку других в колонии?

– Да.

– Значит, вы присутствовали при постройке штаба?

– Да.

– Шлюзовую систему выхода также строил Варенс?

– Да...

– Талантливый инженер! Как он погиб? Расскажите.

– Не помню. Это было давно.

– Кажется, он не поладил с начальницей вашей разведки Лилиан, – глядя безмятежными глазами прямо в желтые окуляры крестовика, спросил Померанцев.

– Он хотел уйти из колонии, – глухо ответил Золтан Шайно.

– Кто его судил?

– Не помню... Кажется, заочно.

– Как мальчик Юра Ветлугин попал в ваше убежище?

– Барон Курода подобрал его на льду. Мальчишку засыпало битым льдом и снегом, почти рядом с автожиром. Ваши летчики сразу же наткнулись на того краснорожего и обрадовались. Так что, если рассуждать правильно, вашего постреленка спасли мы, а не вы.

– А почему вы его стали искать?

– Странно... – Золтан Шайно презрительно скривил губы. – Неужели вы сами не догадываетесь?

– Нет, я обо всем отлично догадываюсь, – иронически

поглядывая на крестовика, сказал Померанцев. – Пожалуйста, я вам могу сказать, почему вы стали искать Юру Ветлугина. От вас когда-то сбежал мальчик-индеец, который мог раскрыть местопребывание Петера Шайно. Вы его искали, но не нашли, так как он тотчас же погиб, как только выкарабкался на лед, и лед отнес его труп в открытый океан. Но вот однажды ваши радисты приняли радиокорреспонденцию о том, что другой мальчик погиб на восемьдесят восьмой параллели, что труп его, обледеневший в какой-то странный скафандр, подобран противоштормовой экспедицией. Вы тотчас догадались, что летчики ошиблись и приняли за Юру маленького курунга, удравшего от вас. Тут вмешался профессор Британов, и вам угрожало разоблачение. Был смысл поэтому порыться во льду и, живым или мертвым, подобрать Юру. Его вы собирались выменять на Руму. Затея наивная и под стать только таким политически отсталым элементам, какими являетесь вы и ваш родитель. В ее несостоятельности вы убедились.

– Зачем вы мне все это говорите? – с раздражением спросил Золтан Шайно.

– Затем, чтоб вы, наконец, поняли, что имеете дело не с подводными провинциалами, а с людьми вполне современными и вполне развитыми, – сказал Померанцев и добавил: – Так что вы свои шутки насчет спасения бароном Куродой мальчика Юры оставьте раз и навсегда. Тем более что ваш выживший из ума барон оказался откровеннее вас и уже успел выболтать, что «мальчик арестован на льду воинами сына господня при попытке напасть на них с ножом в руках». Нам теперь ясна вся цепь злоключений Юры

Ветлугина. Мальчик был засыпан снегом в обморочном состоянии, электродоха не дала ему замерзнуть, очнулся он и выбрался из своей временной ледяной могилы лишь после того, как дивизион подобрал Руму. Очевидно, Юра побрел по льду пешком, тут-то на него и накинулся ваш японец. Обращался он с мальчиком, видимо, грубо, и Юра прибегнул к ножу как к орудию самозащиты.

Следователь шагал по комнате и говорил, почти не обращая внимания на своего подследственного. Он словно рассуждал вслух. Золтан Шайно, не сгоняя со своего лица презрительного выражения, провожал его глазами из угла в угол.

Вдруг Померанцев остановился.

– Я совсем забыл спросить вас: сколько человек было в штабе крестовиков к моменту нападения на Советский Союз?

– Не помню, – буркнул Шайно. – Мне тогда было пятнадцать лет.

Померанцев внимательно оглядел коротконового человека с фарфоровой физиономией.

– С какого возраста у вас плохо работает память?

– С пятнадцати лет, – сказал Шайно и усмехнулся. – С того момента, как я попал в подводную колонию. Это тоже от аргона. Прошу учесть смягчающее обстоятельство.

– И вы не помните даже, сколько людей живет сейчас под водой?

– Точно знает один отец. Но я полагаю: человек четыреста, не меньше.

– Рума перечислил всех, получалось тридцать два человека.

Шайно презрительно хмыкнул и пошел к окну.

– Вы у него обо всем и расспросили бы. Почему вы ко мне пристаёте с расспросами? Вы что думаете, я не понимаю? – резко сказал он. – Против моего отца готовится карательная экспедиция, и вы хотите обо всем выведать у меня. Так знайте, что у отца и его людей хватит продуктов, чтобы продержаться еще десять лет, пока какой-нибудь новый Гитлер или новый Шайно наконец свернет шею большевикам!

Золтан Шайно свирепо оттопырил губы и пошел по комнате, хватаясь за свои очки.

– Разве ваша подводная химическая лаборатория и сейчас вырабатывает кармонзит? – быстро спросил Померанцев, делая вид, что не заметил оскорблений. – Я слышал, что знаменитый химик убит начальницей вашей разведки Лилиан одновременно с Варенсом.

– Чепуха! – крикнул Шайно. – Не утешайте себя. Кармон еще жив!

– Он также проводит все свое время в посте и молитве?

Шайно остановился и недоуменно поглядел на следователя:

– Что такое? Откуда вы это взяли?

– Это я цитирую барона Куроду, – невозмутимо сказал Померанцев. – Барон вчера вел переговоры с Чрезвычайной арктической комиссией о вашем освобождении. При этом он утверждал, что ваш отец и весь его штаб проводят время в постоянном посте и молитве.

Золтан Шайно ухмыльнулся.

– Раз барон это утверждает, значит это так и есть...

23. Впереди район, отравленный кармонзитом

За пятьдесят лет до Октябрьской революции Русское географическое общество собиралось отправлять в Арктику экспедицию. Ученый секретарь этого общества, впоследствии известный революционер-анархист Петр Алексеевич Кропоткин, готовил правительству доклад о цели экспедиции.

«К северу от Новой Земли, – писал Кропоткин, – должна существовать земля, лежащая под более высокой широтой, чем Шпицберген. На это указывают: неподвижное состояние льдов на северо-запад от Новой Земли, камни и грязь, находимые на плавающих здесь льдах, и некоторые другие мелкие признаки».

Русское царское правительство не разрешило отправить экспедицию. Но спустя шесть лет другая экспедиция, австрийская, во главе с Вейпрехтом и Пайером, открыла большой архипелаг севернее Новой Земли. Это и была та земля, открытие которой предсказал Кропоткин.

Земля Вейпрехта – Пайера долго носила имя одного из бездарнейших австрийских императоров – Франца-Иосифа. И только последний всемирный географический съезд, на котором уже не было ни одного капиталистического ученого, постановил снять имя австрийского царька с географической карты. Архипелагу везло на двойные имена: он стал называться «Архипелагом Вейпрехта – Пайера». Один из самых крупных его островов, называвшийся прежде Землей Георга, получил имя человека, открывшего этот архипелаг одной лишь силой своего ума и логических заключений, – имя Кропоткина.

Исчезли с карты архипелага имена королей, принцев и сановников: Александры, Карлы, Виктории, Гогенлоз; острова стали называться именами Мальмгрена²⁸, Брусилова, и героев красного воздушного флота, погибших у этих островов в бою с Северной армадой крестовиков в дни памятного разгрома апостольских орд.

Тот же всемирный географический съезд, по ходатайству правительства Норвегии, переименовал группу островов Шпицбергена в архипелаг Амундсена. Ученые-географы только отдали дань историческим фактам: знаменитый норвежский полярник неоднократно отправлялся в свои ледяные полеты со Шпицбергена и погиб неподалеку от его берегов.

Остров Рудольфа в архипелаге Вейпрехта – Пайера, долго носивший имя какого-то безвестного австрийского лоботряса-кронпринца, был переименован в остров Георгия Седова. На этом острове был похоронен когда-то знаменитый русский полярный исследователь Георгий Седов, погибший во время своего санного похода к полюсу. Это был исторический остров: в 20-м году, по революционному летосчислению, с этого острова вылетели советские самолеты и впервые в истории полярных путешествий совершили посадку на полюсе, высадив первых зимовщиков полюса – папанинцев. Этот остров некоторое время служил промежуточной аэростанцией, когда большевики организовали первую постоянную трансарктическую воздушную линию Москва – Сан-Франциско.

²⁸ Мальмгрэн – шведский ученый, участник нескольких полярных экспедиций; погиб в 1928 году во время воздушной катастрофы в Арктике.

И вот у этого острова, подле самой северной границы Советского Союза, тайком обосновался со своим секретным подводным штабом Петер Шайно. Изобретательности «апостольской» разведки нужно отдать должное, — место для штаба было выбрано с умом: никому и в голову не приходило искать штаб крестовиков в северных территориальных водах Советского Союза, и вместе с тем именно здесь должен был он находиться, ибо решалась судьба Лиги крестовиков надо льдами Арктики.

Много лет подряд на острове Георгия Седова, носившем тогда имя Рудольфа, работала одинокая в архипелаге советская радиостанция. Долгое время эта крохотная советская колония из двадцати человек была самой северной станцией на земле. Безлюдные, задавленные тяжелой пятой материкового льда годами лежали перед советскими полярными Робинзонами восемьдесят островов архипелага, восемьдесят верхушек затонувшего миллионы лет назад горного кряжа. Пришло время, и на островах угрюмого архипелага появились новые жители: строители, летчики, метеорологи, океанографы, врачи, актеры, повара и педагоги. Люди селились на скудных островах — плешинках песчаника, не покрытых льдом. Так возникли благоустроенные поселки на островах Седова, Мальмгрена. Кропоткина. Люди изучили здесь причуды земного магнетизма, таинственную жизнь дна океана, повадку льдов, непостоянный нрав погоды. И не только изучили, но нередко и вмешивались в дикий распорядок арктических стихий, — так было при ликвидации шторма дивизионом противостормовых воздушных крейсеров в ночь на 21 мая, когда пурга застигла на льду сына начальника полюсной станции

Юру Ветлугина. И все же архипелаг Вейпрехта – Пайера продолжал оставаться землей суровой, и многие его острова были по-прежнему безлюдны и первобытны.

23 июня на одном таком пустынном островке, Ева-Лив, появились люди, двое мужчин. Усталые и измученные, едва ковыляя среди фантастической мешанины торосов, увязая по пояс в сугробах снега, они пришли с острова Мальмгрена, преодолев 50 километров по льду. Это были Эрик Свенсон и Владимир Ветлугин. Собачья упряжка в пять лаек тащила за ними эскимосские нарты с продовольствием, одеждой и необходимыми в пути предметами.

Они остановились на льду около берега Ева-Лива, вернее – у подножья высокого ледяного барьера, каким выглядел этот дикий и неприступный островок. Свенсон тотчас же утоптал две небольшие снежные площадки, мет-

ров по десять, и принялся сооружать «иглу» – эскимосские снежные хижины. Из рыхлого спрессованного снега длинным деревянным ножом долговязый норвежец быстро и ловко вырезал метровые квадратные плиты и устанавливал их ребром одна на другую. Ветлугин тем временем вытащил плитки пеммикана²⁹, покормил злых молчаливых собак, затем установил походную рацию и стал выстукивать радиограмму.

Свенсон успешно заканчивал свою работу, и вскоре около ледяного барьера Ева-Лив выросли два белых домика, не очень высоких и просторных, но вполне способных вместить пять собак, нарты и двух мужчин, закутанных в медвежьи шкуры: одного могучего, широкоплечего, и другого, худого, высокого и сутулого. Во всей экспедиции преобладал белый цвет: электродоха Свенсона, электродоха Ветлугина, их унты, рукавицы, чистая масть собак, чехол, плотно прикрывающий нарты, – все было белым, не говоря уже о хижинах, выстроенных Свенсоном.

Путешественники мало разговаривали между собой. Загнав в одну хижину собак, они забрались в другую; уселись на оленьи шкуры, поджав под себя ноги, вынули из огромного термосного чемодана горячие котлеты и сосредоточенно стали жевать. Кроме котлет, в чемодане оказался алюминиевый баллон с горячим шоколадом. Апельсины Свенсон извлек из кожаного рюкзака. Затем оба забрались в меховые мешки и вскоре захрапели разом, будто сговорились.

Странное зрелище представлял этот маленький лагерь у

²⁹ Пеммикан – сухое мясо, растертое в порошок и смешанное с жиром.

подножья острова Ева-Лив. Будто вышел из прошлого Фритьоф Нансен и, оставив свой дрейфующий где-то во льдах корабль «Фрам», во второй раз двинулся по старому пути, к полюсу, пешком.

Свенсон и Ветлугин шли в поход особого назначения. Они направлялись к островам Седова и Брусилова, между которыми на дне моря стоял насторожившийся штаб крестовиков. Два разведчика приближались к серьезному врагу. Враг этот мог подкарауливать их во льдах на каждом шагу. Здесь негодились ни ясно видимый в небе автожир, ни ледовый танк-амфибия, ни подводная лодка. Бесшумные, эти машины все же возмущали вибрацией воздух, воду и льды. Световые и звуковые уловители крестовиков дали бы знать об их приближении в штаб, и тогда... Свенсон, Ветлугин и те, кто их сюда послал, знали, на что способны Петер Шайно, его архиепископы и инженер-химик Кармон, ушедший вместе с крестовиками под воду. Безголосые собаки, легкие нарты, молчание, защитный белый цвет и хороший густой туман были лучшими спутниками и помощниками в подобной разведке. Так возник у острова Ева-Лив бивуак, напоминавший старинную ночевку Нансена.

От Ева-Лива до острова Брусилова расстояние равнялось приблизительно пятидесяти километрам. В первый день Свенсон и Ветлугин благополучно прошли в густом тумане около половины всего пути, если, конечно, под рубрику благополучия можно подвести и то, что в дороге один раз в трещину угодил Ветлугин и два раза нарты вместе с собаками. Только невероятными усилиями Свенсона и собак удалось вытащить привязанного веревкой

Ветлугина и благодаря находчивости и хладнокровию обоих друзей не погибли собаки и нарты. Но то, что случилось на другой день, предвещало явную гибель разведчикам. Мгновенная смерть была уготована Свенсону и Ветлугину крестовиками, и лишь случайно два друга избежали ее.

Произошло все так: к вечеру друзья прикорнули подле тороса, завернувшись на ночь в спальные мешки, и спокойно уснули под покровом белой палатки. Утром, проснувшись, Свенсон, как и накануне, к своему огорчению увидел, что солнце старательно расцвечивает миллиардами сверкающих кристаллов лед и снег вокруг палатки. Температура спустилась до десяти градусов. Для летнего времени это был чувствительный мороз, даже в этих широтах. Туман исчез. Свенсон осторожно оглянулся по сторонам: палатка их стояла около огромного тороса; к палатке жались собаки. Над ледяной равниной рыхлого льда стояла чуткая арктическая тишина. Казалось, достаточно было негромко крикнуть, и возглас отзовется раскатами тысячеустого громового эха над всей этой замерзшей пустыней моря.

– Хороший денек!..

Свенсон оглянулся. Позади него стоял Ветлугин и скептически смотрел на прекрасный дикий пейзаж.

– Тебе он нравится? – угрюмо спросил Свенсон.

– Не больше, чем тебе.

– Идти или ждать?

– Лучше подождать. Не могла же станция наврать.

– Ты вчера жалел, что наша метеорология разучилась врать. Сегодня наоборот. Тебе трудно угодить, Эрик, –

смеясь, сказал Ветлугин и кинулся к собакам, устроившим очередную потасовку.

Белый клубок немых псов извивался на снегу, – вся свора потрошила одного взлохмаченного, яростно отбивавшегося от своих врагов пса, белого с черными кончиками ушей: клочья шерсти и комья снега летели во все стороны.

Ветлугин запустил палкой в забияк. Но черноухий уже отбил от своры и понесся прочь, яростно прыгая через рытвины во льду. Свора врассыпную шла за ним с высоко поднятыми хвостами.

– Загонят пса, – сказал Ветлугин, наблюдая за погоней.

– Ничего. Помирятся, – спокойно ответил Свенсон. – Вместе друзьями вернутся. Мне эти собачьи бега по другой причине не нравятся.

– Ты думаешь?..

Ветлугин оглянулся.

– Вообще мы здесь должны быть тише воды и ниже травы. Так, кажется, говорят у вас, у русских? – сказал Свенсон.

– Так.

Ветлугин вынул из футляра бинокс и стал следить за гонкой собак. Три лайки уже отстали и беззаботно, как ни в чем не бывало, возвращались к палатке. Один пес продолжал еще гнать черноухого. Невооруженными глазами обе собаки были едва видны среди ледяных глыб и сугробов снега. В бинокс же ясно было видно, как мчался вперед истерзанный черноухий, как болтались у обеих собак языки, как летели из-под лап у них комья снега. Собаки ушли уже почти на целый километр.

– Придут, – безразлично сказал Свенсон. Он хотел идти в палатку, но вдруг Ветлугин схватил его за руку.

– Смотри! – крикнул он и сунул Свенсону биноксop. – Вот там, у тороса, похожего на гриб... Видишь?

Свенсон вгляделся, оторвался от биноксopa, удивленно глянул на Ветлугина, потом снова прижал к глазам телескопический бинокль.

– Они издыхают! – крикнул Ветлугин. Свенсон медленно опустил биноксop. Ветлугин взял его у Свенсона и снова навел на двух собак. Обе лежали неподвижно, одна в двух шагах от другой; у обеих лапы были вытянуты, как кульяпки у туго налитых вином бурдюков; кровавая пена пузырилась из оскаленных пастей, и белая шерсть их стала бурой.

Это случилось внезапно. Собаки мчались по гладкой льдине. И вдруг, одновременно, обе споткнулись, точно с размаху ударились о какую-то невидимую стену, и покатились в разные стороны, извиваясь и судорожно царапая лапами лед. Затем собаки замерли; лишь легкие конвульсии сводили их окоченевшие тела.

Свенсон и Ветлугин переглянулись, обвели горизонт настороженными глазами.

– Да-а... – наконец сказал Ветлугин. – Это любопытно.

– Там начинается отравленная зона, – спокойно резюмировал Свенсон.

Ветлугин вновь поднес к глазам биноксop.

– Они совсем почернели, как уголь!

– Это кармонзит. Сильнейший яд. Крестовики называли его «святой водой». – Свенсон иронически взглянул на своего друга. – Мы с тобой сейчас мало отличались бы от

тех двух псов, если бы вчера продвинулись вперед хоть на один километр.

– Значит, «апостолу Петру» суждено раньше помереть, чем нам с тобой. Не так ли, Эрик? – весело ответил Ветлугин, но тотчас же стал серьезным. – Что ты предлагаешь?

– Нам другого ничего не остается: надо дать знать Ливену и вернуться на Ева-Лив.

– Будем ждать тумана?

– Подождем. Так будет вернее. Станция могла ошибиться на час-полтора, не больше.

* * *

В тот же день профессор Ливен получил шифрованную радиограмму от Ветлугина. Радиограмма очень напоминала сводку о погоде: она изобиловала цифрами и специальными метеорологическими эпитетами. После расшифровки она выглядела так:

«25 километров к западу от Ева-Лива прошли днем при густом тумане. Ледяной припой стоит на месте. Эрик полагает, что он зашевелится не раньше 15 июля. Дорога очень трудна: торосистый лед, заусенцы, надувы, трещины, разводья в некоторых местах. Во время разведки ни звукоуловители, ни вибриометры не дали подозрительных показателей. После ночевки случайно обнаружили в километре от себя зону, отравленную „святой водой“. Погибли две собаки. Возвращаемся на Ева-Лив. Ждем ваших сообщений».

Радиограмма эта была зачитана профессором Ливеном вслух в большой комнате гостиницы Мальмгрена. Слушали ее: Силера, Ирина Ветлугина, механик Хьюз, практикант Бельгоро и четыре других сотрудника Ливена из его гибралтарской экспедиции.

Ливен заметил, как вытянулись физиономии у его слушателей.

– Товарищи, – сказал Ливен, – мы прибыли на архипелаг Вейпрехта – Пайера не для того, чтобы отсиживаться в гостинице. Поэтому мы завтра же выступаем в путь на Ева-Лив, где нас ждут товарищи Ветлугин и Свенсон. «Святая вода» – это пустяки; талантливый Кармон отстал в своем развитии, – времена Северной армады и крестовиков прошли. Пять лет назад открыто дегазирующее средство, которое полностью нейтрализует кармонзит.

Ливен смеющимися глазами обвел своих слушателей.

– И мы с вами скоро будем тревожить юрские песчаники острова Брусилова, – продолжал он.

Хьюз подмигнул остальным.

– Если на этот остров апостол крестовиков не пошлет манну небесную, как он сделал это на острове Седова.

Хьюз имел в виду «манну» – съедобный мох-лишайник, произрастающий в Палестине, продуктом которого является нитроманнит, одно из сильнейших взрывчатых веществ, известных на земле.

– Может быть, и пошлет, – сказал Ливен. – Но он все же опоздает. Мы проберемся на заколдованный остров Брусилова и зароемся в землю раньше, чем Петер Шайно услышит над собой наши шаги.

– Проберемся, профессор! – крикнул Хьюз. – С вами я

не пробрался бы, но со Свенсоном? Ого! По-моему, у Эрика кто-то из предков был ластоногим.

– Хьюз, вы говорите глупости, – с легким укором сказала Ирина.

– Честное слово, Ирина Степановна! Мне Свенсон в этом сам признался.

– Точка, – сказал Ливен. – Завтра мы выступаем к Ева-Ливу. Займитесь собаками, товарищи. Силера, оставайтесь со мной. Мы сейчас будем говорить с Североградом. Надо сообщить комиссии о кармонзите и узнать у баренцбургских инженеров, в каком состоянии оставлены шахты законсервированных рудников на острове Брусилова...

24. «Степан Никитич Андрейчик и мальчик Рума уехали далеко, но, полагают, ненадолго»

С тех пор, как из гостиницы «Скандинавия» уехали Ливен, Силера, Эрик Свенсон, Хьюз и Ирина Ветлугина с мужем, прошло десять дней. Асю мать отослала к себе на родину, в Чернигов. И только дед Андрейчик и Рума продолжали жить все в той же гостинице и в том же номере.

Старик часто отлучался из дому. Он каждый день бегал по каким-то своим таинственным делам и приводил в номер молодых техников, вместе с которыми часами копошился над левыми рукавами двух водоходов, разложенных по всей комнате в разобранном виде. Молодые техники отнимали у левых рук водоходов набор инструментов и приспособляли их для каких-то иных функций.

Наведывался дед Андрейчик и к председателю Чрезвычайной комиссии и к следователю Померанцеву.

– Как вы думаете, за что крестовики убили строителя подводного штаба Варенса? – спросил он однажды Померанцева, когда тот познакомил его с показаниями Золтана Шайно.

– Не знаю, – ответил следователь. – У меня такое впечатление, что мой подследственный вряд ли и сам знает, что у них там произошло.

– А я знаю...

Померанцев недоверчиво поглядел на старика.

– Интересно! Скажите.

– Извольте. Рума ушел от крестовиков через тайный шлюзовый ход, в котором, по словам его отца Маро, обитала какая-то таинственная женщина. Маро знал ее имя, но ни он, ни Рума в секретной комнате никогда эту женщину не видели, хотя и умели проникать в шлюз, чего не умели прочие крестовики.

– Да, я это знаю со слов Румы, – сказал Померанцев.

– Имя женщины?

– Лилиан. Мальчик слышал это имя от отца. Вы правы, Степан Никитич.

– Так, – дед Андрейчик прищурил один глаз и продолжал с видом фокусника, разъясняющего секрет своего искусства: – Теперь слушайте дальше. Варенс, когда строил штаб, сделал один тайный выход, специально для атаманши апостольских шпионов, на тот случай, если дела у апостола совсем испортятся, – чтобы она могла, бросив апостола и всех своих сообщников, вовремя удрать из штаба. Индейцы и техники, которые строили штаб, были

убиты. Вы это знаете. Те индейцы, которых оставили в живых, ничего не знали о тайной лазейке. После смерти Варенса оставался, следовательно, один-единственный человек, который знал об этом секретном ходе, – красивая немка Лилиан. Но как ни хитра Лилиан, все же она обманилась, оставив в живых одного индейца, отлично знакомого с устройством тайного хода и притом самого смышленного из всего племени. Факт. Я в этом уверен.

– Вы имеете в виду отца Румы, Маро? – спросил Померанцев.

– Да, его.

– Я спрашивал мальчика через Грасиаса, но он ничего не говорил мне о взаимоотношениях Варенса и Лилиан.

Дед Андрейчик расхохотался.

– Ну, еще бы! Откуда ему знать обо всех фортелях апостольской разведки? Относительно Варенса это так... плоды моих собственных размышлений. Тот, кто хорошо помнит мастера высшего класса провокации, красивую немку Лилиан, тот знает, как умеет маскироваться и на что способна эта обольстительная дама.

– Возможно, что вы и правы. Но... не во всем, – сказал Померанцев. – Да, кстати. Я собрался завтра еще раз побеседовать с вашим приемышем. Можно к вам зайти часов в пятнадцать?

– Нет.

Померанцев удивленно глянул на старика.

– Почему?

– Завтра мы с Румой будем далеко отсюда.

– Как?!

– Так.

– Значит, вы все-таки получили разрешение Чрезвычайной комиссии на эту свою экспедицию?

– Получил. А вы откуда о ней знаете, товарищ Померанцев?

– Да вы же при мне с председателем беседовали.

– А-а!

Дед Андрейчик пошевелил усами, помолчал и стал собираться.

– И сколько людей идет с вами? – спросил следователь.

– Нас будут провожать человек пятьдесят проводников-добровольцев. Но до конца пойдет со мной один Рума.

– Почему один Рума?

– Это очень рискованное дело. Мы с Румой его придумали, и мы вдвоем только и имеем право рисковать собой. А кроме того... там, где пройдут два человека, там не пройдут четыре. Понятно?

– Понятно.

Следователь уже с явным уважением смотрел на старика.

– Ну, что ж, желаю вам успеха...

– Благодарю.

– Передайте привет красивой немке Лилиан.

– Незамедлительно.

– При первом же знакомстве с нею вас, Степан Никитич, ждет большой сюрприз.

– Факт. И не один. Я в этом не сомневаюсь.

– Но об этом сюрпризе вы все-таки не догадываетесь.

– И не берусь догадываться.

– Вы меня перещеголяли в своей догадке насчет смерти Варенса, а я вас перегнал по части личности самой красивой немки, – загадочно улыбаясь, сказал Померанцев.

Старик внимательно взглянул на белокурого следователя.

– Если эти данные могут способствовать моей экспедиции...

– Очень мало, – сказал Померанцев. – Но я вам все же скажу. Вы знаете, кто такая красивая немка Лилиан?..

– Знаю. Квалифицированная шпионка, стоявшая во главе апостольской разведки.

Померанцев расхохотался. Отсмеявшись, он поманил к себе пальцем деда Андрейчика:

– Красивая немка Лилиан...

Следователь наклонился к уху старика и, шурясь от удовольствия, прошептал несколько слов. Дед Андрейчик вытаращил глаза от изумления и с минуту смотрел на следователя недоверчиво:

– Шутите, молодой человек?

– Честное коммунистическое...

– От кого вы это узнали?

– А это, видите ли, – Померанцев улыбнулся, – это тоже... плоды собственных размышлений.

– Так вы думаете, что красивая немка Лилиан... Аха-ха-ха!.. Вот это здорово!

Дед Андрейчик хохотал, похлопывал себя по бедрам, приседая и всхлипывая от восторга. Наконец успокоился и сказал серьезно:

– Я это проверю. Если окажется, что вы правы, я буду считать вас очень сообразительным юношей. Хотите?

– Очень хочу, – с жаром сказал Померанцев. Они пожали друг другу руки и разошлись.

Целую ночь после этой беседы дед Андрейчик обучал вместе с молодыми техниками Руму, как управлять скафандром-водоходом. Утром старик и мальчик исчезли из гостиницы. Местному корреспонденту радиогазеты «Юманитэ», который явился утром раньше всех своих коллег, чтобы разузнать у деда Андрейчика, не слышно ли чего нового о Юре, портье сказал:

– Степан Никитич Андрейчик с мальчиком Румой просили отвечать всем, кто их будет спрашивать, что они уехали далеко, но, полагают, ненадолго...

25. Манометр показывает давление в тридцать атмосфер

Занесенный снегом и вечным льдом маленький остров Брусилова сиротливо стоял в сырой каше берегового припоя. Пасмурный безветренный день и тишина делали крохотный островок еще более сиротливым и хмурым. Тихо было в воздухе над островом, тихо и сумрачно было в воде у его берегов. Вода подле острова Брусилова, покрытая тяжелой корой битого и рыхлого льда, казалась непроницаемой, как огромная лужа выплеснутого и застывшего чугуна.

На дне Ледовитого океана, в четырех километрах от острова Седова, у берегов маленького, соседнего с ним островка Брусилова было абсолютно темно. Дневной свет терялся где-то вверху, на глубине ста метров, а здесь, на самом дне, на многие десятки метров вглубь и вширь сто-

яла непроницаемая тьма. И тем не менее в этот день по дну моря на глубине в триста метров мимо подводных скал острова Брусилова пробирались люди. Они не видели друг друга, они только знали, что их пятьдесят человек, что идут они вперед сквозь холодную коричневую мглу, все время вперед.

Малейший звук в воде отдается десятикратным грохотом, но высокие металлические подошвы скафандров были защищены толстыми каучуковыми пластинками, и шаги могучих водоходов глохли тут же, в песчаном грунте. Люди осторожно обходили последнюю подводную скалу, стоявшую на их пути у острова Брусилова.

Во главе отряда шли трое. Огромные скафандры этих троих были связаны прочным тросом-кабелем, который был для них телефонным проводом и тем, чем является веревка для привязанных друг к другу альпинистов.

Внезапно кабель-трос обмяк и упал на дно: три передовых подводных путешественника стали сходиться. На миг из трубчатой руки одного скафандра брызнул сиреневый луч, осветил вместе с серой мутью какую-то обалдевшую от света, полуслепую рыбешку и остановился на огромном металлическом шлеме. В иллюминаторе шлема неверно обрисовалось темное лицо Румы, усталое и сонное. В сиреновом свете аргона оно казалось лицом мертвеца. Затем луч погас, и Рума услышал чуть приглушенный телефоном голос деда Андрейчика:

– Ну как, парень? Идешь?

Рума шевельнул плечами в своей броне, обвел глазами тьму, обступившую его со всех сторон, и сказал по своему обыкновению в два слога:

– И... дешь...

Затем луч скользнул в сторону и осветил лицо женщины в другом иллюминаторе водохода. У женщины были строго сдвинуты брови, она смотрела перед собой не моргая, словно силилась услышать далекий шум. Это была океанограф Татьяна Свенсон. Вместе с дедом Андрейчиком и Румой она шла впереди подводного отряда.

– Через десять минут я отцеплю твой кабель, Таня, и мы с Румой дальше пойдем одни, – говорил дед Андрейчик. – Ты меня слышишь, Таня?

– Слышу, – сказала Татьяна, глядя широко открытыми глазами в сиреневый пучок света.

Затем между женщиной и стариком произошел следующий разговор:

– Сигнал я тебе подам только в случае серьезной опасности. Понятно?

– Да.

– До того – никаких сигналов: ни вы мне, ни я вам. Понятно, Таня?

– Да.

– Эта часть дна тебе знакома?

– Да.

– Своим радиокompасом я приведу тебя и твоих людей к себе, если понадобится.

– Хорошо.

– Нитроманнитом пользуйтесь только в крайнем случае. Лучше обойтись без взрывов.

– Хорошо.

– Пошли!

Луч погас. Кабель вновь натянулся, и подводные пу-

тешественники двинулись вперед. И тотчас же, как только шевельнулись автоматические ноги водохода, в шлеме над головой у Румы кукушкой закуковал радиокompас:

– Ку-ку!... Ку-ку!... Ку-ку!...

Компас куковал размеренно, однотонно, но Рума с удовольствием прислушивался к нему. Стоило только ему направить водоход на несколько метров в сторону, влево или вправо, и кукование подводного радиокompаса замирало. Это означало, что он уклоняется от правильного пути.

О Руме нельзя было сказать, что он устал от ходьбы, ибо шел не он, а тот непроницаемый автомат, в котором он был заключен. И тем не менее Рума устал от ходьбы. Уже около пяти часов мальчик шел вместе со своим водоходом. Ничто не стесняло его в этом металлическом человеке, защищающем тело от тысячетонного давления. Электролизующий воду аппарат исправно обогащал воздух внутри скафандра кислородом, но постоянная ритмическая встряска утомляла и усыпляла Руму. Все чаще стал затихать голос радиокукушки, и Рума не замечал этого. Просыпался он от тонкого телефонного окрика:

– Кабель порвешь! Рума! Никак, заснул?!

Рума не понимал всех слов деда Андрейчика, но сразу соображал, в чем дело, и ступнями ног энергично выворачивал ходовые рули водохода. Радиокукушка начинала вновь куковать.

Наконец Рума услышал шепот у себя над ухом:

– Стоп! Тш-ш-ш...

Радиокompас умолк.

Несколько секунд весь отряд стоял неподвижно, окутанный серой мутиью, слабо различая друг друга.

По-видимому, море над ним очистилось от льда, а небо – от облаков, потому что муть вокруг из коричневой превратилась в белесую.

– Здесь мы вас оставим, Таня, – сказал дед Андрейчик, и тотчас кабель, соединяющий его скафандр с водоходом женщины, упал на дно.

– Рума! Близко... хижина... апостола... – услышал Рума голос деда Андрейчика.

Эти слова сразу прогнали всю сонливость маленького курунга.

– Хи-жина... Апо-стол... – шепотом повторил он, вглядываясь в темную громаду базальтовой скалы, смутно видневшуюся впереди.

– Ход... – тихо произнес дед Андрейчик у Румы над ухом. – Где ход?.. Где аранга?..

– Аранга... – так же тихо повторил Рума. С минуту мальчик напряженно вглядывался сквозь иллюминатор в темную стену, смутно маячившую перед ним. Затем его водоход решительно двинулся вперед.

Он шел, чуть дотрагиваясь металлической клешней до бородавчатой, скользкой от серых мхов стены. Мальчику очень хотелось пустить впереди себя сильный луч аргонового рефлектора, но он вовремя вспомнил, что ему категорически запрещено зажигать свет здесь, у самой подводной крепости крестовиков.

Несколько раз дотронувшись клешней до какого-то большого бугристого камня и обойдя его вокруг раза три, Рума уже уверенней повел водоход вперед. Дед Андрейчик двигался вслед за ним. Так они шагали несколько минут. Наконец старик заметил, как окружавшая его серая муть

потемнела, – расплывчатая громада скалы нависла над головой: они входили в подводный грот. Дед Андрейчик пошел в темноте наугад, время от времени окликая Руму по телефону. Оба водохода шли с самой минимальной скоростью.

В просторном шлеме водохода перед глазами у деда Андрейчика прикреплены были часы и компас, но старик не хотел зажигать свет, чтобы узнать, сколько времени они шли внутри скалы. Грот, по-видимому, превратился уже в подводный тоннель. Внезапно он услышал голос Румы:

– Ходи... верх... нога... верх...

«Лестница... ступеньки», сразу сообразил старик и осторожно пошарил внизу стальной ногой водохода, – нога стукнулась о камень. Водоход медленно поднимался по невидимой лестнице, как подводная статуя Каменного гостя. Тьма окружала его со всех сторон, и человеку, заключенному в скафандр, опасным и чудовищно коварным казался тот таинственный Дон-Жуан, к которому в гости он вел свою стальную статую.

– Ходи... ла?.. – услышал дед Андрейчик осторожный вопрос Румы.

– Ходила, ходила, – весело ответил старик и в тот же миг заметил вдали и вверху небольшое светлое сиреневое пятно, будто где-то там, в конце лестницы, брезжил хилый пучок света. Дед Андрейчик вгляделся в пятно.

– Там... – сказал Рума.

Да, там, впереди, был свет. Теперь старик ясно видел грандиозные очертания поднимающегося впереди по ступенькам водохода Румы. Свет все больше усиливался. Дед Андрейчик уже различал грубо отесанные ступени под

ногами и корявые базальтовые своды тоннеля, покрытые коричневым мхом и полипами. Но откуда исходил свет, понять он не мог.

Едва передвигая трубоподобные ноги, то укорачивая, то выдвигая их, осторожно всходили по лестнице два стальных гиганта, окруженные плотной массой зеленоватой воды. Так они дошли до бокового хода, из которого пробивался яркий сиреневый сноп света. Передний водоход остановился и поднял свою руку, похожую на дуло гаубицы. Из руки выдвинулась короткая трубка с мушкой на конце. Второй водоход тоже грозно выставил свою левую руку, внезапно превратившуюся в пулемет. Так они стояли в трех шагах от бокового входа минуты две и вдруг разом рванулись вперед, прямо в сиреневый омут аргона...

Несомненно, это была комната, комната-бассейн, доверху наполненная светом и до половины – водой. Несколько гранитных ступенек вели наверх, к узкой стальной площадке, сооруженной перед входной дверью этой комнаты на уровне воды. Дверь над площадкой ломалась и искажалась водой. Но даже со дна бассейна было видно, что она необычайно массивна и сделана, по-видимому, из толстых листов стали, так же как и стены этой странной комнаты. Рума, как только ввел свои водоход в бассейн, тотчас же направил указующим жестом свою руку-пулемет прямо в дверь над площадкой. Дед Андрейчик с минуту подождал, огляделся вокруг и только тогда повел свой водоход по ступенькам к площадке. За ним двинулся Рума.

– Стой!.. – сказал старик, когда они вышли из воды и ступили на площадку. Он кивнул в своем иллюминаторе на дверь: – Смотри...

– Смо-три... – повторил Рума и зверски вытаращил глаза на дверь.

– Кто войдет... стреляй.

– Вой-дет... Стре-ляй... – тяжелодохнув, сказал мальчик.

Дед Андрейчик направил свой водород к манометру, висевшему на стальной стене.

– Ого! – тихо сказал он, глядя на круглый бесстрастный лик прибора. – Давление в тридцать атмосфер! Факт любопытный. Значит, мы на глубине в триста метров. Отлично, отлично!

– Рума! – окликнул старик мальчика по телефону. – Можешь опустить пулемет. В эту спрессованную атмосферу вряд ли кто сунется. Руку!.. – сказал он, видя, что Рума его не понимает. Мальчик отвел дуло с мушкой от двери.

Водород деда Андрейчика сделал поворот: старик, вертя головой в своем скафандре, озирался, как человек, всю жизнь проработавший в машинном отделении старинного парохода и вдруг внезапно попавший в моторное отделение новенького электрохода. Значит, вот эта стальная комната и есть секретный шлюз? Какие-то рычаги, манометр, стальные стены, стальной потолок и площадка. И все? Маловато! Оставалось предположить, что все движущие механизмы этого секретного шлюза находились по ту сторону стен, здесь же было только самое необходимое: манометр, рычаги, толстые осветительные трубки в потолке да вот эта, несомненно подвижная, площадка. Но как же все-таки пробраться, пользуясь этой секретной лазейкой, в штаб-храм Шайно? Вряд ли эта толстенная дверь

откроется, если по ту сторону шлюза давление нормальное. Да и выйти из скафандра нельзя, пока давление не будет понижено. Высокое давление удерживает воду на уровне площадки и не дает ей залить весь этот шлюз до потолка. Но смерть от удушения ждет того, кто хоть на несколько секунд подвергнется такому давлению без скафандра.

Рума внимательно наблюдал сквозь свой иллюминатор за дедом Андрейчиком. Он видел беспокойные взгляды старика и наконец понял, чего хочет его спутник. Рума тотчас же вспомнил, что нужно сделать для того, чтобы эта комната впустила человека в другую, и что для того, чтобы выпустила. Об этом долго, очень долго говорил ему отец Маро перед тем, как уйти от людей племени Апо-Стол. Он сам, Рума, ушел через эту комнату, когда отец Маро не вернулся. Тогда он долго подглядывал за сыном Апо-Стол Золтаном и наконец утащил у него «тяжелую одежду». Отец сказал, что без «тяжелой одежды» в эту комнату нельзя входить: можно умереть. Это была другая одежда, не такая, как сейчас на нем, та одежда сама не ходила. Рума ушел через эту самую комнату, и он знает все, что здесь надо делать...

Мальчик повел свой водород к стене, из которой торчали растопыренные пальцы пяти рычагов, захватил левой клешней крайний рычаг и откинул его вверх. Площадка, на которой стояли оба водорода, поехала вместе с ними, выдвигаясь из стены и накрывая собой поверхность воды в бассейне. Через несколько секунд вместо бассейна, из которого они вышли, появился сплошной стальной пол.

– Факт замечательный! – сказал дед Андрейчик.

Он был в восторге: просто и остроумно. Теперь в эту

комнату не ворвется вода, если даже и понизить в ней давление. Конечно, это была кажущаяся простота: где-то там, за стеной, очевидно, скрывались замаскированные сложные механизмы, но принцип сам по себе превосходен. Покойник Варенс был не только прекрасным подводным строителем, но и талантливым механиком.

Размышления деда Андрейчика прервал Рума.

– Одина, – сказал мальчик и, захватив клешней другой рычаг, чуть перевел его вверх. – Два... одина...

Стальной потолок отполз вверх и замер на месте. Старик взглянул на манометр и только свистнул: стрелка показывала давление в двадцать атмосфер.

Дед Андрейчик никогда не поверил бы, если бы ему раньше сказали, что он попадет в комнату, в которой потолок будет сжимать и разрезать воздух, словно поршень в обыкновенном цилиндре. Но это было так. Приходилось верить. Старик с интересом посмотрел на Руму: понимает ли он, какие чудеса творит в эту минуту?.. Лицо у маленького индейца, отчетливо видимое сквозь иллюминатор, было потным и озабоченным. Он старательно переводил рычаг с одного деления на другое, соблюдая, очевидно, до малейших подробностей указания своего отца.

– Быть тебе, последнему из племени «Золотая улитка», советским инженером, – тихо и серьезно сказал дед Андрейчик. В эту минуту ему очень захотелось потрепать смуглого мальчика по кудрявой черной голове.

Но Рума ничего не понял; он мотнул головой и отпустил рычаг, поднимающий потолок.

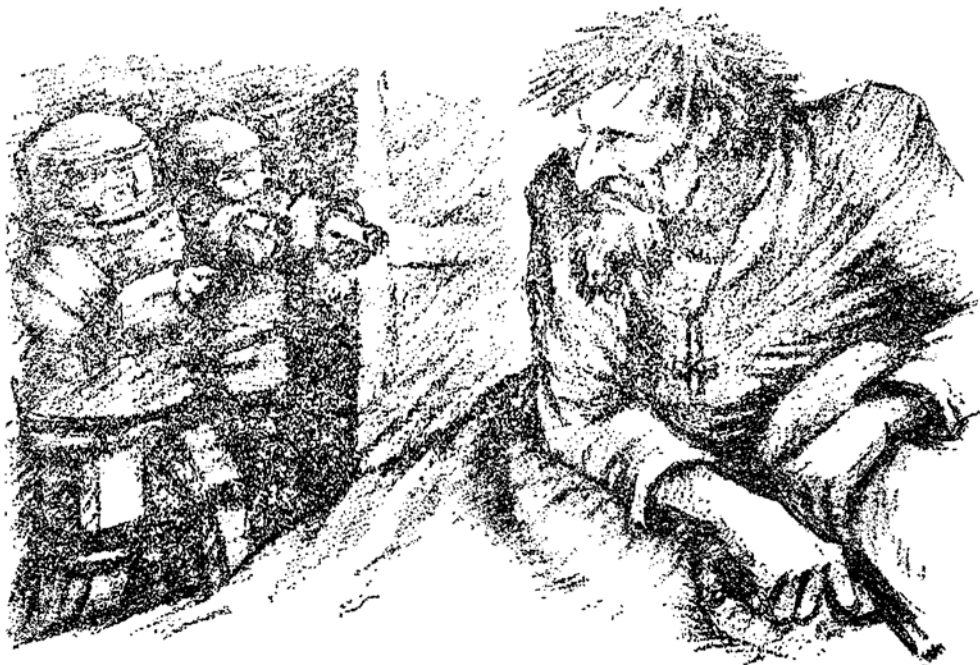
Манометр показывал нормальное давление. Дед Андрейчик быстрым движением открыл у себя над головой в

шлеме теменной клапан. Случайно он взглянул на дверь и застыл.

Массивная, тяжелая плита двери медленным, угрожающим движением уползала в стальную стену, приоткрывая вход в смежную комнату...

26. Бой у стальной камеры

В комнате было почти темно. Лишь тонкая колбочка с горящим синеватым газом освещала угловатую мебель. На постели, прикрытой простыней, спал человек. Простыня казалась синей от цветного освещения. Космы седых волос, крючковатый нос, вызывающе выброшенный вперед пук бороды и черный провал рта делали лицо спящего похожим

на отвратительные и наивные изображения князя тьмы на картинах Дюрера³⁰.

Резкий, как вопль младенца, звонок и яркий сиреневый свет ворвались в комнату одновременно: косматый старик вскочил и взмахнул рукой, как фокусник. В его руке появился револьвер. В ярко освещенной двери стальной шлюзовой камеры, оказавшейся частью стены этой комнаты, стояли два металлических чудовища. Левые руки их были указующим жестом направлены на косматого старика.

– Спокойно – сипловатым, чуть приглушенным голосом деда Андрейчика сказал по-немецки один из стальных великанов. – Положи револьвер! Он бесполезен. Не вздумай бежать.

Косматый старик недоверчиво взглянул на левые руки водоходов, направленные на него: пулеметные дула смотрели из стальных рукавов недвусмысленно и грозно. Все было ясно...

Косматый старик, не сведя глаз с неожиданных гостей, медленно отложил револьвер.

– Кто вы такие? – тихо спросил он.

– Это несущественно, – сказал дед Андрейчик. – Кто бы я ни был, я ликвидирую тебя на месте, если ты вздумаешь бежать, позвать на помощь и вообще...

– Что вам нужно? – спросил старик.

– Что нам нужно? Это другой разговор. Кому поручена охрана мальчика? – строго спросил дед Андрейчик.

– Ворсу.

³⁰ Дюрер – крупнейший немецкий художник конца XV и начала XVI века.

– Включи микрофон и прикажи Ворсу немедленно привести мальчика сюда.

Старик пошарил ногами, надел туфли и сказал небрежно:

– Разрешите надеть пенсне.

– Нет! – резко сказал дед Андрейчик.

– Но я ничего не вижу.

– Найдешь ощупью.

Косматый крестовик пожал плечами и пошел к микрофону, стоявшему на кабинетном столе.

– Стоп! – приказал дед Андрейчик. – Запомни. Приказать нужно: немедленно привести мальчика. И больше ничего. Ворсу запрети входить сюда. Пусть доведет мальчика только до двери. Понятно?

– Понятно.

– Помни, – угрожающе сказал дед Андрейчик, – возьмут нас твои друзья или нет, но тебя в живых не будет, если хоть одно лишнее слово или какую-нибудь кнопку...

Старик презрительно скривил губы.

– Я не так глуп, как вы воображаете.

– Я в этом уверен. Говори только по-русски, английски, немецки.

Старик включил настольный радиотелефон, затем набрал на диске какую-то цифру. Спустя несколько секунд в репродукторе кто-то завыл, зевая, засопел и опять зевнул.

– Ворс!

Старый крестовик оглянулся на своих бронированных караульных и спросил по-немецки:

– Ты меня слышишь?

– Так точно, ваша святость, – прохрипел невидимый Ворс.

– Что делает мальчик?

– Я полагаю, он спит, ваша святость.

– Приведи его ко мне, Ворс... мне нужно его кое о чем расспросить.

– Слушаюсь, ваша святость.

– Постой, Ворс...

Крестовик еще раз оглянулся.

– Ты, Ворс, это... когда приведешь мальчика... останься за дверью.

– Слушаю, ваша святость...

– Пусть мальчик войдет один.

– Микрофон... – зашипел дед Андрейчик.

Косматый старик выключил микрофон. Дед Андрейчик отбросил иллюминатор и внимательно взгляделся в мертво-серое лицо старого крестовика. Так вот оно какая, «красивая немка Лилиан», обольстительная архиепископесса апостольской разведки! Следовательно Померанцев не ошибся. Каким нужно быть ловким авантюристом, чтобы морочить весь мир, создавая вокруг своей разведки ореол тайны и поддерживая легенду о «красивой немке»! В бородатой «Лилиан» дед Андрейчик по старым портретам признал самого вождя крестовиков, бывшего унтера и бывшего «апостола», Петера Шайно.

«Красавица неважная, – думал дед Андрейчик, разглядывая заспанного лохматого старикашку. – Но мерзавец высшего сорта. Факт».

Шайно не любил, видимо, когда его разглядывали в упор; он двинул плечом и сказал деланно-беспечным тоном:

– Ну вот, как будто все в порядке...

Ответа не последовало. Молчание тяготило старого авантюриста. Он подтянул кальсоны, переступил с ноги на ногу и осторожно спросил:

– Вас интересует только мальчик?

– Пока да... – не сводя с него глаз, ответил дед Андрейчик.

Рума тоже отбросил свой иллюминатор и не отрывал сумасшедших от ненависти глаз от щуплой фигурки своего кровного врага.

Шайно молчал; видимо, он над чем-то размышлял. Наконец заговорил, пощипывая бороденку:

– Я не знаю, кто вы. Но это неважно. Раз вы сюда проникли, я должен пойти на компромисс. Я предлагаю: давайте разойдемся по-деловому. Я даю вам третий скафандр для мальчика. Вы оставляете меня в покое и уходите так же, как и пришли. Через двадцать четыре часа вы можете этим же ходом привести своих людей, но не раньше. Я должен уйти отсюда. Даю слово, что я уйду один. Судьба остальных меня не интересует.

Дед Андрейчик с интересом разглядывал старого предателя.

– Узнаю архиепископа «епархии святого духа» и апостола Лиги военизированного христианства, – криво усмехаясь, сказал он. – Факт.

Шайно с беспокойством упер в него подслеповатые глаза.

– Вы меня знаете?

Дед Андрейчик засопел и сказал сухим, потрескивающим голосом:

– Да, я знаю тебя. Я помню тебя. Ты дурной сон человечества. Теперь я тебя вижу наяву.

Крестовик нетерпеливо повел плечом.

– Оставим это. Сейчас здесь будет мальчик. Я даю третий водоход, вы мне двадцать четыре часа на эвакуацию.

– Нам хватит двух скафандров. А с тобой я поступлю так, как поступил бы на моем месте всякий коммунист и старый радист Мурманского порта, – резко сказал дед Андрейчик.

– Например? – тревожно спросил крестовик.

– Унтер Шайно! Оставить разговоры! Стоять смирно! – крикнул дед Андрейчик. За дверью слышались шаги. Дед Андрейчик кивнул Руме:

– В сторону, Рума... стань к стене...

– К-х стене, – угрюмо сказал Рума и отвел свой водоход в сторону.

Шаги затихли. Кто-то негромко стукнул в дверь.

– Говори!.. – шепотом приказал крестовику дед Андрейчик.

– Это ты, Ворс? – неестественно громко спросил Шайно.

Дед Андрейчик шевельнул рукой-пулеметом.

– Так точно, ваша святость. Вы изволили приказать... – раздалось за дверью.

– Пусть мальчик войдет! – крикнул Шайно.

Дверь чуть вползла в стену, и в комнату вошел худой, бледный мальчик. В нем трудно было узнать краснощекого вихрастого неусидчивого пилота «Полярного жука». Усталым, недружелюбным взглядом он обвел комнату и остановил глаза на двух стальных гигантах. Оба стояли неподвижно и указывали толстыми круглыми ручищами, с

короткими дулами на конце, на заспанного «апостола» крестовиков, стоявшего в одном белье у кабинетного стола. Юра широко открыл глаза...

– Ворс! – сказал Шайно.

Дед Андрейчик прищурился и навел дуло своего пулемета прямо в рот авантюристу.

– Ты... можешь идти, Ворс, – внезапно осипшим голосом сказал Шайно.

– Дверь... – зашипел дед Андрейчик. Шайно протянул руку к стене, и дверь поползла из стены.

– Рума! – позвал дед Андрейчик.

Юра вздрогнул и испуганно глянул на стального великана. Только теперь он заметил, что из иллюминатора выглядывает человек.

– Смотри... – сказал дед Андрейчик.

– Смо-три... – мрачно повторил Рума и, сделав неуклюжий шаг вперед, навел свой пулемет в грудь лохматому крестовику.

– Дедушка! – крикнул Юра и бросился к водоходу.

Из иллюминатора смотрели на него подернутые слезой знакомые голубые глаза. Дед Андрейчик шевелил усами и громко кряхтел, чтобы окончательно не расплакаться.

– Ну, ну... ты это... тово... – бормотал он. – Сейчас надо уходить...

– Дедушка! – Юра привстал на носки, заглядывая в иллюминатор. – Он жив?

Дед Андрейчик настороженно глянул на внука.

– Кто?

– Амундсен. Я нашел его. Рука во льду... черная... Разве его не подобрали? – быстро заговорил Юра, хватаясь за иллюминатор.

Старик улыбнулся.

– Того, кого ты нашел, мы подобрали. Оживили. Все в порядке.

– Где он теперь? – свистящим шепотом произнес Юра.

– Вот он...

Дед Андрейчик кивнул на своего стального спутника. Юра обернулся и сделал шаг к водоходу Румы.

Маленький курунга не сводил глаз с крестовика. Уже несколько раз Руме казалось, что пора стрелять, что явно подозрительны движения этого ненавистного косматого старика, которым когда-то бил по лицу его и отца Маро и кричал на всех противным, визгливым голосом. Но вдруг перед иллюминатором Румы появилось бледное лицо. Чуть приоткрыв рот и широко раскрыв изумленные глаза, Юра разглядывал суровое лицо незнакомого смуглого мальчика.

Дед Андрейчик, прикрыв смеющиеся лукавые глаза густыми бровями, с интересом наблюдал за обоими мальчиками. О косматом крестовике на минуту забыли все трое. Юра стоял спиной к нему, загораживая Шайно от Румы. Вдруг Юра почувствовал, как кто-то сильно схватил его за плечи и поволок назад. Шайно, пригнувшись и прикрываясь Юрой, волок мальчика к двери.

– Ни с места! – заревел дед Андрейчик. Но крестовик уже был подле двери. Не успел дед Андрейчик навести на него свою левую руку, как Юра вдруг отлетел в сторону, дверь раздвинулась, и Шайно метнулся в коридор.

– Стой! – крикнул дед Андрейчик и бросился к двери.

Раздался глухой удар: дверь стукнула по бронированной руке скафандра и отпрыгнула назад. Стальной гигант вывалился в полутемный коридор, похожий на тоннель

метро, и остановился. Где-то за поворотом справа замирал топот убегающего.

Дед Андрейчик направил скафандр вдоль коридора вслед за беглецом, но, сделав несколько шагов, остановился: погоня была бесполезна, вряд ли он догнал бы Шайно, но заблудился бы в этом подводном лабиринте наверняка.

– Назад! – крикнул он Руме, который тоже вывел свой водород в тоннель. – В люк! Аранга! Юра, беги за ним!..

Через несколько секунд все трое уже были в стальной шлюзовой камере.

– Рума! Голову! – скомандовал дед Андрейчик. – Голову!

– Голову!.. – крикнул Рума, и шлем его со звоном откинулся назад, словно крышка огромной чернильницы. Теперь Рума выглядывал из скафандра, как водопроводчик из водомерного люка.

– Юра, полезай внутрь! Становись позади него! – приказал старик. – Живо!

Юра мгновенно вскарабкался на плечи стальному гиганту и влез в его объемистое нутро: для двух мальчиков места в просторном скафандре вполне хватило.

– Закрывай! – крикнул дед Андрейчик и прислушался: за стеной, в тоннеле, неистово выла сирена, выла пронзительно, не умолкая, приглушая топот многих ног в далеких переходах тоннеля-коридора. Умолкла сирена внезапно, и тотчас же снаружи загрохотал удесятенный усилителем голос:

– Противник в четвертом повороте! В первом секторе, келья двадцать четвертая! Личный конвой его святости,

наверх! Мортирщики, к третьему и пятому повороту!... – кричал кто-то по-немецки.

Дед Андрейчик шагнул к рычагам в стене и только тут обратил внимание, что рычаги все опущены вниз. Уходя, они с Румой оставили их поднятыми кверху. Теперь, для того чтобы закрыть шлюзовую камеру, повысить давление и открыть пол, нужно было опустить рычаги, но они, оказывается, уже опущены. Все еще не доверяя себе, старик захватил правой клешней крайний рычаг и поднял его: рычаг свободно пошел вверх, но тотчас же упал, как только дед Андрейчик его оставил. То же произошло и с другими рычагами.

Рума испуганно наблюдал за порывистыми движениями водохода деда Андрейчика. Удивленное лицо Юры выглядывало из-за его плеча.

– Гадина! Выключил ток...

Дед Андрейчик растерянно смотрел на повисшие рычаги.

Простой и четкий план набега на подводный штаб был нарушен. Уверенный в том, что даже после побега Румы и после его оживления профессором Британовым Шайно не открыл тайны своего стального шлюза остальным крестовикам, дед Андрейчик решил: после того как они с Румой проберутся в секретную комнату «апостола», отбить у крестовиков Юру и уйти тем же ходом, забросав своих врагов гранатами со снотворным газом чанзитом. Газ этот только недавно стал применяться при хирургических операциях, и дед Андрейчик был уверен, что противогазов от чанзита в штабе Шайно нет. Остальное должна была довершить экспедиция Ливена, которая уже проникла в за-

брошенные штольни острова Брусилова. Главное было вырвать Юру из рук крестовиков, не дать им выместить свою злобу на беззащитном мальчике в момент штурма подводного штаба сверху и отрядом Татьяны Свенсон через тайный ход Шайно.

Первая часть набега на штаб удалась блестяще. Дед Андрейчик даже не ожидал, что он в соседней со шлюзом комнате столкнется с Шайно и что ему удастся так легко, без боя, освободить внука. Но теперь путь к секретному тоннелю был отрезан: надо пробиваться к главному ходу. Десяти тысяч микроскопических патронов с разрывными нитроманнитовыми пулями, которыми были набиты магазины обоих левых рук водоходов, и пяти гранат со снотворным газом, прикрепленных к внутренней стенке груди скафандра деда Андрейчика, хватило бы на три таких штаба крестовиков, но... кто знает, какие сюрпризы готовят крестовики врагу, ворвавшемуся в их крепость?

Молниеносный полет мыслей старика прервал страшный грохот; столб пыли ворвался в шлюзовую камеру из «кельи» Шайно-Лилиан, и щебень брызнул по стальному полу.

Дед Андрейчик сделал шаг к двери и выглянул: большой пролом зиял в наружной стене комнаты «апостола», и сквозь него, занавешенный кисеей пыли, виден был ярко освещенный коридор-тоннель. Крестовики, видимо, стреляли откуда-то справа, под небольшим углом, потому что снаряд разворотил не только наружную сторону, но и левую внутреннюю, обнажив смежную «келью». Стреляли легкими снарядами (очевидно, тоннельные артиллери-

сты учитывали, что как полигон³¹ их подводное жилье мало пригодно). Стальная камера во всяком случае подобные орудийные щелчки должна была выдержать. Эти наблюдения успокоили деда Андрейчика.

– Стойте на месте! – крикнул он, и голос его донесся до Юры будто издалека.

Юра потрогал за плечо стоявшего впереди него смуглого мальчика и сказал ему на ухо:

– Стой! На месте...

В это время новый удар потряс комнату Шайно. Громили ее из коридора уже с двух сторон, – второй снаряд разворотил внутреннюю стену слева. Затем резко захлопали щелчки пуль из «пращей Давида». Дед Андрейчик захватил клешней массивную стальную дверь и попытался задвинуть ее, но дверь не поддавалась.

Грохнул еще один удар снаряда, и все смолкло.

«Та-ак. – дед Андрейчик прислушался. – Значит, артиллерийская подготовка кончилась. Теперь начнется атака. Факт».

На минуту старик подумал об отряде Татьяны Свенсон. Но он тотчас же вспомнил, что стальной пол плотно прикрыл вход в штаб. Отряд Татьяны мог бы только взорвать нитроманнитом пол, затопить водой весь штаб и лишь таким образом прийти на помощь ему, Руме и Юре. Но это была крайность, к которой дед Андрейчик пока еще не хотел прибегать. Он нащупал первую газовую гранату на груди водохода, снял ее, отправил в правый рукав и крикнул:

³¹ Полигон – учебное поле для артиллерийской стрельбы.

– Юра! Там у вас над плечами есть две маски. Сними их, дай Руме одну! Надевать, когда скажу!

В тоннеле послышался далекий шум. Он приближался, нарастал, и наконец все трое услышали тяжелые шаги и легкое дребезжанье, будто шел по коридору какой-то гигант с огромными чугунными ступнями и волок за собой жестяной детский возок.

Дед Андрейчик направил левую руку водохода на пролом в наружной стене «кельи» Шайно, в правой он приготовил гранату. Каково же было его удивление, когда сквозь брешь в стене он увидел своего двойника: водоход точно такой же, в каком был заключен он сам, шагнул к бреши и, беспокойно вертя головой, стал разглядывать через свой иллюминатор разрушенную комнату. Стрелять в него было бесполезно: его броня, очевидно, также была непроницаема для пуль; бросать гранату – рано, можно усыпить одного и предупредить других: возможно, в тоннелях существует несколько отсеков с плотно изолирующими воротами-щитами. Захлопнут всех троих тут, в этой норе, а сами через главный ход удерут. Но то, что дед Андрейчик увидел в следующую минуту, превзошло все его ожидания: вражеский водоход попятился назад и стал устанавливать прямо против бреши в стене кургузую пушечку – распылитель «святой воды», страшной жидкости кармонзит, испепеляющей все живое.

Дед Андрейчик и сам не помнил, как включил он свой водоход на максимальную быстроту, как ворвался в коридор, опрокинул кармонзитовую пушечку и стал пулеметным ливнем хлестать в иллюминатор врага. Пули не брали стекло вражеского скафандра. Водоход с двумя мальчи-

ками делал крутые внезапные повороты и держал под обстрелом весь тоннель-коридор, и, очевидно, небезуспешно, ибо крестовики удрали и слева и справа в глубь тоннеля, побросав свои мортиры.

Дед Андрейчик совсем прижал к стене водород крестовика. Но вдруг крестовик занес руку своего водород, взмахнул, и старик увидел, как жирная желтая жидкость заструилась по стеклу его иллюминатора, затем стекло стало оранжевым – пламя бушевало на всем скафандре. Водород деда Андрейчика, облитый жидким термитом и подожженный крестовиком, на минуту застыл на месте, потом он отступил два шага назад и вдруг ринулся на врага. Тот не выдержал бокового удара, опрокинулся, горящий термит со скафандра деда Андрейчика переполз на него. Задыхаясь и чувствуя, что раскаленная сталь жжет все ею

тело, старик отбросил шлем, выпрыгнул из водохода и бросился в разрушенную комнату.

– Рума, назад! – заревел он.

Но Рума не спешил, он подождал, когда полуобгоревший остроносый человечек выбрался из своего поверженного наземь, объятый пламенем водохода, и расстрелял его из пулемета в упор. Затем, птясь и грозно поводя своей огнестрельной левой рукой, водоход с двумя мальчиками стал задом отступать к разрушенной комнате.

– В камеру! – крикнул дед Андрейчик. Два мальчика в одном скафандре едва успели ввалиться в бронированную камеру, как раздался оглушительный взрыв: это в горящем водоходе деда Андрейчика взорвались сразу все пять газовых гранат. Сильный аромат не то шалфея, не то ромашки ворвался в ноздри деду Андрейчику. Его рука лихорадочно забегала по одежде: маски не было, она осталась там, в горящем водоходе.

– Маски надеть! – крикнул он и в ту же минуту почувствовал, как внезапная слабость отяжелила его руки, ноги, все тело. Старик опустился на колени, потом стал на четвереньки, постоял так секунду и повалился на бок.

Юра рванулся за спиной у Румы, чуть было не сорвал свою маску и по спине и плечам Румы выбрался из водохода, подбежал к деду, наклонился: старик спал, оглушительно храпя.

«Теперь конец, теперь убьют», – мелькнуло в голове у Юры, и в этот момент вся шлюзовая камера чуть наклонилась вперед, как каюта корабля от легкой волны. Сильный подземный гул наполнил всю стальную комнату...

27. «Я увидел здесь необычайные вещи»

Старик, с седой, давно не бритой щетиной на тонком бледном лице, сидел перед большим ящиком, заменявшим ему стол. Старик писал. Неуютные пещерные стены окружали его. Колбочка с мерцающим газом тускло освещала это странное помещение без окон и дверей. Несомненно, здесь кончалась штольня, и хижина, отгороженная ящиками от ее ствола, была тупиком этой штольни. Между ящиками и стеной возникла темная фигура.

– Это вы, Силера? – спросил небритый старик, не отрываясь от своего «стола».

– Я, – ответил вошедший.

– Кто это шумел сейчас там, в штольне?

– Хьюз. Он говорит, что привык петь во время работы.

– Вы его предупредили, что нужно соблюдать тишину?

– Да, профессор.

– Что он вам ответил?

– Он просит разрешения свистеть, профессор.

– Свистеть?

Профессор Ливен удивленно взглянул на Силера. В небритом старике, наряженном в серую спецовку горняка, трудно было узнать всегда тщательно выбритого, старомодно, но со вкусом одетого начальника испано-марокканской экспедиции.

– Если ему так хочется, пусть свистит, но не громко. Скажите Хьюзу, что через четверть часа он сможет петь, танцевать и делать все, что ему заблагорассудится. Но не раньше.

– Хорошо. Я ему скажу.

Профессор встал и стал разминать руки и плечи.

— Предупредите всех участников экспедиции, что тратом будет пущен в глубь земли через десять минут. Раздайте всем маски.

— Свенсон раздает маски.

— Очень хорошо. Вы проверили систему охлаждения в снаряде, Силера?

— Да. Я только что проверил. Охлаждение оболочки идет нормально.

— Отлично. Прикажите всем собраться у выхода из штольни. Кто с нами остается у снаряда?

— Хьюз.

— Великолепно! Идите к снаряду. Я сейчас туда приду.

* * *

Ливен сидел над своими чертежами еще около пяти минут. Затем быстро встал и стал застегивать пуговицы своей серой горняцкой куртки.

— Хьюз хочет петь... — Ливен оглянулся. Безмолвные каменные стены окружали его. Улыбка всколыхнула худое, бледное лицо профессора. — Я это понимаю... Но ведь можно свистеть...

Ливен быстро собрал бумаги, в последний раз оглянул свой кабинет-штольню и, насвистывая бравурный марш из «Вильгельма Телля», двинулся в глубь шахты. Через несколько минут он уже был подле своего снаряда.

Если бы вместе с Ливеном сюда пришел любопытный наблюдатель, ему так и не удалось бы увидеть знаменитый снаряд профессора Ливена, о котором во всем мире рас-

сказывали легенды. Терафом находился внутри небольшого металлического сооружения, высотой около полутора метров, формой своей напоминавшего старинный водолазный колокол, плотно поставленный краями на земляной пол высокой просторной комнаты пещерного вида. Очевидно, какая-то сложная аппаратура внутри «водолазного колокола» должна была швырнуть в землю снаряд Ливена.

Непреклонная человеческая логика родила идею этого снаряда. В свое время ученые-геофизики доказали, что горообразование, поднятие и опускание почвы происходили в прошлом и происходят сейчас благодаря присутствию в глубинах земного шара радия. Ливен сделал отсюда вполне логический вывод: если привнести на ту или иную глубину земных недр радиоактивные элементы, то можно будет вызвать искусственный геологический процесс: поднятие и опускание поверхности земли или дна моря, вулканическое извержение и так далее.

Придя к такому выводу, профессор Ливен стал работать над своим снарядом, который, как некая подземная торпеда, должен был унести в глубь земли радий и совершить задуманный человеком геологический процесс. Прежде всего Ливен собирался применить такой снаряд для осуществления замечательной идеи своего отца при сооружении гибралтарской плотины.

Десять лет Ливен работал над созданием своего терафома и все же создал это чудо геофизической техники. Терафом был уже испытан: он выровнял знаменитую долину за хребтом Варада у Новороссийска, в которой веками рождался смертоносный ледяной ветер «бора». Следующим на очереди был затонувший в доисторические времена

горный хребет на дне Гибралтарского пролива. Но события в Арктике поставили на очередь вместо гибралтарского хребта подводную скалу крестовиков. И вот он, этот сказочный снаряд, стоит здесь, в штольне на острове Брусилова, заключенный в металлическое сооружение, похожее на малый водолазный колокол...

Подле металлического футляра стояли Силера и Хьюз. Когда появился Ливен, испанский инженер, наклонившись, заглядывал в глазок, сделанный в верхней части сооружения, и, легко передвигая в боковой стенке рычажок, диктовал Хьюзу:

— Тридцать восемь... тридцать восемь и один... тридцать восемь и восемнадцать сотых...

Хьюз записывал цифры в блокнот.

— Ну как? — спросил Ливен.

— Очень хорошее испарение. Я полагаю, что снаряд придет в текучую зону с температурой оболочки минус пятьдесят, — сказал Силера, отрываясь от глазка.

— Скажите, профессор, а потом, когда ваш пломбир там, в земле, начнет кипеть, он разнесет вдребезги остров имени лейтенанта Брусилова? — сказал Хьюз.

— А вы что, боитесь взлететь на воздух? — спросил Ливен.

— Наоборот! — с ноткой деланного протеста воскликнул Хьюз. — Мне так надоело сидеть в этой норе, что я готов взлететь хоть сейчас.

— Никто не взлетит, Хьюз. Перестаньте балагурить, — сказал Силера. — Итак, профессор...

Ливен выпрямил свой указательный палец с перстнем-хронометром, взглянул на него, затем поднял голову:

– Включайте!

Силера нажал на рычаг в стенке металлического сооружения. Раздалось сердитое жужжание, потом глухой удар потряс земляной пол, жужжание усилилось, переходя в гул...

– Вперед! К выходу! – крикнул Ливен.

Сильный подземный гул дал знать всей экспедиции, собравшейся у выхода из штольни, что подземная торпеда профессора Ливена отправилась в далекий путь к недрам земли. Постепенно гул перешел в отдаленный стон: будто какое-то огромное раненое пещерное животное зарывалось глубоко в землю, и по мере того, как оно уходило все глубже, стон его становился глуше и глуше. Наконец стон замер совсем, и тотчас же штольня качнулась из стороны в сторону, как трюм парохода от легкой волны...

Вдоль штольни, с магниевыми факелами в руках, спотыкаясь, бежали Ливен, Силера и Хьюз. У выхода с тревогой и нетерпением их ждали остальные участники экспедиции.

Все тотчас же бросились вон из тоннеля и врассыпную побежали к берегу. Первым на берег прибежал Хьюз, последним Ветлугин. (Начальник «Арктании» бежал с портативной походной рацией в руках.)

Пролив между островами Брусилова и Седова уже несколько дней как очистился ото льда; лишь редкий ледяной припай кое-где болтался по обоим берегам. Вдали виднелись серые утесы острова Седова, покрытые корой льда.

– Я ничего не вижу, профессор! – крикнул Хьюз.

– Спокойно, Хьюз. Через двадцать секунд начнется поднятие нашего острова и подводной скалы, – сказал Ливен.

– Море! – вдруг крикнула Ирина. – Смотрите!

Действительно, на поверхности пролива происходили странные вещи: вода внезапно почернела, стала клокотать, как кипяток в огромной кастрюле, и покрылась пеной. Высокая волна ударила в берег и отошла далеко назад, обнажая дно.

– Сигнал! – крикнул Ливен.

– Володя, сигнал! – задыхаясь, закричала Ирина.

Ветлугин припал к микрофону:

– Остров Мальмгрена? Алло! Говорит остров Брусилова. Давайте машины! Да! Да! Дно поднимается! Через пять?.. Стратопланы в воздухе, – крикнул он, – будут через пять минут!

– А я жалел, что поздно родился, – сказал Хьюз, не отрывая взгляда от клокотавшего пролива. – Оказывается, еще можно увидеть гражданскую войну.

– Это не война, а экспедиция по спасению мальчика, – вразумляющим тоном сказал Силера.

– Да, но для этого нашей милиции пришлось обобщить несколько военных исторических музеев, – ответил Хьюз и тотчас же закричал: – Позвольте! Но ведь мы поднимаемся! Наш остров!.. Профессор!

Море медленно уходило прочь от берега, яростно рыча и оставляя обнаженное дно, покрытое водорослями, грязной пеной и копошащейся морской мелкотой. Вдали, в бурлящих потоках обмелевшего пролива, росла перед изумленными взорами людей черная точка, превращаясь в утес, в новый остров. Берег, на котором стояли участники экспедиции, медленно уходил от воды, торжественно, без малейших толчков, вознося их на все возрастающую вы-

соту. Величественное явление: рождение новой горы здесь и суши – там, внизу, где еще несколько минут назад kloкотал холодный кипяток пролива. И люди, заворуженно глядя перед собой, забыли, что это они послали в глубь земли чудесный снаряд тератом, заряженный мощными запасами радия, этого извечного творца материков, морей и горных хребтов.

Оглушительный свист заставил всех поднять головы кверху: огромные самолеты почти под прямым углом шли на снижение. Их было несколько десятков. Небо, внезапно покрытое геометрическими силуэтами машин, на несколько секунд потемнело. Машины сразу же взяли направление на новый скалистый островок, появившийся вдали, и скоро окружили его, как стая гагар. Вдруг один за другим раздались два сильных взрыва...

– Товарищи! Наденьте маски! Милиция взорвала вход в убежище контрреволюционеров! Сейчас туда будет пущен снотворный газ чанзит! – крикнул кто-то позади группы.

Все обернулись. В нескольких шагах от них стояла пассажирская машина. Пилот, махнув приветственно рукой, стал напяливать маску, похожую на намордник, с миниатюрным пятаком репродуктора на месте рта. Увлеченные необычайным зрелищем, развернувшимся перед их глазами, все участники экспедиции Ливена даже не заметили, как за их спиной на крохотную песчаную площадку, бесшумно опустившись на роторе, присел автожир.

– Прошу садиться! – крикнул пилот через свой миниатюрный репродуктор, встроенный вместе с маленьким индивидуальным передатчиком в маску.

Все бросились к самолету, извлекая из карманов и

напяливая свои маски, розданные Свенсоном еще в штольне.

– Это нечестно, профессор! – загудел неугомонный Хьюз из своего пяточка-репродуктора прямо в ухо Ливену, усаживаясь в машине. – Мы подняли со дна новый материк, а другие люди уже поселились на нем и придумывают для него название.

– Не скулите, Хьюз: мы летим туда же, – сказал Свенсон.

– Предлагаю назвать новый остров именем Хьюза! – крикнул практикант Бельгоро.

Ответить Хьюз не успел: нужно было вылезать, машина уже стояла у самого подножия огромной серой скалы, острой, как готический собор. Прямо против машины, у черной пещеры, поросшей ракушками и поникшими водорослями, сновали вооруженные милиционеры и санитары с носилками. Резко и неприятно заголосила сирена. Милиционеры и санитары застыли.

– Подрывной взвод! В третий проход налево! – загрохотал громкоговоритель с командорской машины, когда умолкла сирена. – Первая рота, за ним, остальные немедленно в воздух!

Команда подрывников и рота милиционеров едва успели добежать до входа в пещеру, как подле самой скалы один за другим раздалось два сильных взрыва. К счастью, никто не пострадал. Через две минуты остальные люди, в том числе и все участники экспедиции Ливена, были уже в машинах, а машины – в воздухе. Взрывы продолжали раздаваться внизу; казалось, взрывались сами подводные камни и песок вокруг скалы.

Ветлугин сидел рядом со Свенсоном в той самой машине, которая только что перенесла их с острова Брусилова на этот поднятый со дна океана скалистый островок и теперь снова унесла в воздух.

— Как ты думаешь, Эрик, что это значит? — спросил начальник полюсной станции, глядя вниз на мелкий щебень, разлетающийся от взрыва вокруг скалы.

— Простая штука, — безразличным тоном сказал Свенсон. — Мины с замедленным действием. Быстро работают гренландские налетчики! Успели эту гадость расшвырять.

— А зачем подрывной взвод? Неужели чанзит не уложил спать весь этот подводный сброд?

— Не уложил, так уложит. В какой-нибудь келье закрылись наглухо. Не иначе.

Взрывы раздавались не только вокруг скалы, но и внутри штаба крестовиков. Глухие толчки отчетливо слышны были на далеком расстоянии.

Пилот кругами стал набирать высоту, и перед глазами участников экспедиции Ливена предстала необычайная картина: отряды самолетов кружились над мокрой сумрачной скалой, словно потревоженная стая птиц; миниатюрные, как игрушки, танки-вездеходы, увязая в иле, подбирались к пещерному входу в штаб крестовиков; полсотни стальных головастых человечков выходили из воды и, неуклюже передвигая свои трубчатые ноги, шли на штурм последней твердыни контрреволюционеров. Это был подводный отряд Татьяны Свенсон, сопровождавший под водой деда Андрейчика и Руму. Не рискнув взорвать стальной пол в тайной шлюзовой камере Шайно, Татьяна Свенсон вела своих бронированных подводников в обход, к главному шлюзу штаба.

Взрывы и удары внутри скалы прекратились почти одновременно. Свенсон не ошибся, – уже потом выяснилось, что Шайно, Курода, папа-полковник Ансельмо Граппи, химик Кармон и прочие главари крестовиков успели опустить в одном из отсеков тоннеля непроницаемый металлический щит, который плотно закупорил их в нескольких кельях, но подрывной взвод двумя минами вдребезги разнес металлический щит и, как сусликов, обдал «апостола» и его «архиепископов» успокоительной волной чанзита. Петер Шайно и его сподвижники проснулись лишь через три часа в «аварийной гостинице» в Северограде, по соседству с Золтаном Шайно.

Разрешение опуститься вновь подле штаба крестовиков машина с участниками экспедиции Ливена получила только спустя полчаса, когда уже вся скала давно была окружена милиционерами и санитарами.

Пилот опустил машину возле самого входа в пещеру. Первой из машины выпрыгнула Ирина Ветлугина. Она увидела, как из черного зева пещеры то и дело санитары выносили на носилках спящих крестовиков и укладывали их в самолеты-грузовики по шесть человек. Против входа в штаб-храм стояли веером штурмовые милицейские самолеты, грозно выставив, вперед свои орудия и пулеметы. В воздухе над островком парили на роторах и кружились разведчики. Батальон милиционеров и отряд Татьяны Свенсон оцепили мокрую скалу со всех сторон... Последний акт уничтожения Лиги крестовиков подходил к концу.

Ирина Ветлугина, придерживая свою маску рукой, побежала к входу в пещеру. За нею, прыгая с камня на камень и скользя в водорослях, промчались муж и Эрик Свенсон.

Ирина добежала до входа и остановилась. Санитары тащили мимо нее спящего седого старика в одном нижнем белье.

– Юра! – крикнула Ирина. – Где Юра?

Ей никто не ответил. Она оглянулась на мужа, на Свенсона и побежала прямо в черный провал пещеры. Вряд ли Ирина сознавала в этот момент, куда она бежит и где она в этом мрачном подземелье будет искать своего сына. Мужчины не отставали от Ирины. Они бежали по темным переходам, шли по освещенным магниевыми факелами коридорам, останавливали встречные носилки и, взглянув на бледную физиономию какого-нибудь крестовика, бежали дальше. Вдруг за одним поворотом блеснул яркий свет: луч милицейского прожектора освещал разгромленную, исковерканную стену. Возле нее валялся окровавленный труп какого-то крестовика в серой куртке с черным крестом на груди; рядом с ним лежали опрокинутые два огромных стальных скафандра. Несколько милиционеров, укрывшись за блиндажами опрокинутых мортир, сидели подле прожектора и тихо переговаривались между собой.

– Шш-ш-ш! Тихо! – зашипели на Ирину и ее спутников милиционеры, когда те подбежали к ним. – Тут стреляют. Вы бы отошли. Вы кто такие?

– Я мать мальчика Юры, – сказала Ирина.

– А-а-а! Так это вы самая?

– Как же! Слыхали. А это ваш муж?

– Да, я Ветлугин, – сказал Владимир. – Что тут происходит?

– Да вот засели какие-то из их банды и отстреливаются, – сказал кто-то из-за блиндажа. – Одну засаду мы уже

взорвали. Пришлось повозиться. Но те быстро заснули, а вот с этими канитель. У них, видно, есть маски от чанзита.

Милиционеры заговорили вполголоса:

– Откуда у них маски? Говорили, что у крестовиков масок нет.

– Держу пари, что они туда, в эту разрушенную дыру, и мальчика с собой уволокли!

Свенсон тронул Ветлугина за рукав, отвел в сторону и зашептал ему что-то на ухо.

– Ты думаешь, Эрик, это он? – спросил Ветлугин.

– Уверен, что это дед Андрейчик. Ты разве своего старика не знаешь?

– Стоп! – сказал Ветлугин и направился к милиционерам.

– Товарищи, разрешите мне поговорить с ними.

– Напрасный труд, – сказал один из милиционеров. – Мы им уже предлагали сдаться, а они из пулемета в ответ палят. Сейчас подойдет бронированный отряд океанографа Татьяны Свенсон. Он с этими разбойниками поговорит иначе.

– Я не о сдаче буду говорить, – сказал Ветлугин. Не дожидаясь разрешения, он сделал из ладоней рупор вокруг своего пяточка-репродуктора и крикнул: – Степан Никитич!

Ирина изумленно глянула на мужа, потом на Свенсона и вдруг все поняла.

– Папа! – крикнула она и бросилась вперед. Но вместо деда Андрейчика из пролома в стене нерешительно выглянул худенький мальчик в маске. Еще через секунду мальчик уже висел па шее у Ирины. Сорвав маски, мать и

сын плакали, смеялись, целовали и сквозь слезы разглядывали друг друга. Ветлугин стоял тут же; он гладил сына по вихрастой белой голове и только побряхтывал, чтобы не расплакаться самому.

Свенсон поднял брошенные маски и укоризненно покачал головой.

– Ох, как я устала! – сказала Ирина и, не отнимая от своей груди сына, опустилась вместе с ним на пол.

Ветлугин отступил на шаг и с грустной улыбкой посмотрел на жену: она спала, лежа на боку, прямо на полу тоннеля, прижимая во сне спящего рядом с нею Юру.

Ветлугин наклонился, подвел под них свои могучие руки, поднял и бережно понес к выходу среди расступившихся милиционеров.

На три часа мать и сын усыплены были чанзитом. Они крепко спали на руках у Владимира Ветлугина. Так он донес их до пассажирского самолета и уложил в кабине на несколько медвежьих шкур, предупредительно постланных пилотами.

– Вы не жалеете, Силера, что мы на несколько дней оторвались от своей работы у Гибралтара? – спросил профессор Ливен, влажными глазами провожая Ветлугина, пронесшего мимо него на руках сына и жену.

– Что вы, профессор! Я рад, что мы смогли быть полезными. Я увидел здесь необычайные вещи.

– Хелло, профессор! – крикнул Хьюз. – Взгляните вон туда. Я, кажется, тоже вижу необычайные вещи.

Все обернулись к пещерному входу штаба-храма крестовиков. Там на черном фоне входа отчетливо выделялась огромная фигура стального гиганта, с головой, похожей на

котел, и с трубами-ногами. Обе руки его были вытянуты вперед, и на них, разбросав врозь руки и ноги, лежал дед Андрейчик. Стальной гигант стоял так всего несколько секунд. Потом шагнул вперед и, провожаемый удивленными взглядами милиционеров, пилотов и санитаров, понес громоподобно храпящего старика к самолету.

Когда он, тяжело ступая, шествовал со своей ношей мимо профессора Ливена, тот успел разглядеть в иллюминаторе строгое и торжественное лицо Румы.

ПРОПАВШЕЕ СОКРОВИЩЕ

КНЯЗЬ ДЖЕЙК БЕЛЬСКИЙ

Кортец!.. Вряд ли это была его настоящая фамилия, хотя он и уверял всех своих знакомых, что предком его был сам «великий испанский конкистадор» Фернандо Кортец, свирепый истребитель индейцев и завоеватель Мексики. Но темно-бурая кожа, косматые черные брови, горбатый нос и мясистые губы наводили на мысль, что родину «чистокровного испанского гidalго» Педро Хорхе Кортеца следует искать где-то в Малой Азии... Впрочем, вопросы национальной принадлежности мало тревожили его. Педро Кортец официально числился подданным какой-то латиноамериканской республики и мирно проживал в Париже, успешно обделывая здесь все свои крупные и мелкие дела.

Сегодня Кортец проснулся на полчаса раньше обычного и потому, был не в духе. Сидя перед трюмо в своем кабинете, он хмуро слушал конфиденциальное журчание порхающего вокруг него парикмахера.

Тщательно выскобленные щеки Кортеца стали голубыми, а раздраженное сопение его стало затихать, когда в дверь тихо постучали.

– Да!.. – сердито крикнул Кортец.

Дверь приоткрылась, послышались легкие шаги, и Педро Хорхе Кортец увидел в зеркале малиновые губы горничной Мадлен.

– Месье, – шевельнув длинейшими ресничными протезами, но не шевельнув губами, сказала Мадлен, – вас хочет видеть какой-то молодой американец.

Кортец вопросительно воззрится на кукольное лицо Мадлен в зеркале. Мадлен чирикала:

– Одет прилично. По-французски говорит не совсем чисто. Фамилии не назвал.

Кортец спросил:

– Сколько он вам дал?...

Мадлен скорчила гримаску:

– О!.. Совсем немного, месье. Доллар...

– Пусть подождет, – изрек Кортец. – Завтрак подадите сюда, Мадлен.

Он встал, отвел руки назад, и парикмахер облек его грузную фигуру в халат, по оранжевому шелку которого летели колибри и семенили молоденькие китайнки, вышитые золотом и серебром.

Получив свой гонорар, парикмахер исчез. Сейчас же вновь появилась Мадлен. Она ловко поставила поднос на круглый столик и подкатила к креслу Кортеца.

Вино, маринованный лучок, сардины и розовые креветки в масле. Это, конечно, был еще не завтрак, а лишь прелюдия к завтраку. Месье Кортец любил, чтобы еда на круглом столике появлялась, как сцены в опере, где все известно и все-таки неожиданно. Он наполнил бокал, понюхал вино и, опустив коричневые веки, отпил глоток...

Но Мадлен не уходила за следующим подносом. Ее держал доллар, полученный от посетителя.

– Ну? – спросил Кортец.

– Он ждет, месье...

– А-а... Зовите...

Через две минуты в кабинет бесшумно, словно призрак, проскользнул светловолосый, весьма бледнолицый моло-

дой человек в недорогом костюме лазоревого цвета, с узким галстуком, похожим на шкурку, сброшенную ящерицей.

– Здравствуйте, сэр, – сказал он по-русски, предварительно изобразив на своем бледном лице приятную улыбку. – Если я не ошибаюсь, вы, кажется, хорошо говорите по-русски.

Кортец недружелюбно мельком оглядел гостя.

– Нет, – ответил он сквозь зубы. – Вы не ошибаетесь...

– Меня зовут Джейк Бельский, – вкрадчиво произнес гость и заморгал веками, подкрашенными зеленкой, словно просигналил что-то по азбуке Морзе.

Кортец удивленно уставился на него:

– Джейк? Да еще и Бельский?...

– Так точно, сэр. Я родился во Франции, но вырос в Америке. Там меня все называли Джейком. Я вчера только приехал в Париж из Штатов...

Молодой посетитель просигналил веками то, что не договорил, и почтительно протянул Кортецу конверт.

– Вот здесь вам обо мне пишет мистер Сэмюель Грегг. Он сказал, что вы хорошо знаете его...

Кортец взял письмо и указал Джейку на кресла.

Вошла Мадлен с новым подносом, на котором дымилось жаркое.

– Жиго! – произнес Кортец вдохновенно. И добавил: – Экстра!

Но тут же он вспомнил о письме и проворчал, распечатывая его:

– Сэмюель Грегг! Что ему от меня нужно?...

Письмо было короткое и без единого знака препинания:

Старик Хорхе перестань обижаться на нас и попробуй еще раз съездить в Россию как наш представитель там можно сделать один крупнейший бизнес тебе все расскажет этот юнец он русский князь но это ничего не значит он знает секрет дела на котором можно хорошо заработать Я финансирую новую русскую операцию 15 % от чистой прибыли тебя наверное устроят

СГ

Кортец еще раз окинул гостя недовольным взглядом. Он был суеверен: русский князь с утра – это плохая примета... Да и неожиданное обращение Сэмюеля Грегга озадачило его. Крупный воротила международного антикварного треста, Грегг в свое время переправил с помощью Кортеца на Запад из СССР немало ценных произведений искусства и редких рукописей. Но антикварный трест бесцеремонно отрекся от Кортеца, когда тот проиграл авантюрное дело с покупкой в СССР одной инкунабулы³².

Лишь аромат жиги сглаживал дурное впечатление от письма Грегга. Кортец вооружился вилкой и глухо сказал:
– Я вас слушаю...

«Русский князь» выпрямился в своем кресле и, начав со своей азбуки Морзе, тотчас же перешел на нормальную, хотя и несколько витиеватую речь:

– Я слышал, сэр, что вы занимались очень полезным делом, способствуя обмену культурными ценностями между западными музеями и музеями Советского Союза, вернее России, которая была родиной моих отцов...

³² Инкунабулы – первопечатные книги, изготовленные до возникновения типографского дела.

Кортец покатал во рту кусочек мяса и промычал неопределенно:

– Угу...

– Это обстоятельство и привело меня к вам, сэр, – продолжал гость. – Мистер Грегг посоветовал мне обратиться с моим предложением именно к вам...

Не отрываясь от жаркого и отдавая дань терпкому, ароматному вину, Кортец насмешливо поглядел на гостя.

– Вы можете не продолжать, мистер Бельский, – произнес он презрительно. – От эмигрантов, бежавших когда-то из России, я наслушался немало предложений...

Джейк Бельский встал с кресла. Он был встревожен:

– О нет, сэр!

Но Кортец бесцеремонно перебил его:

– Не «нет», а «да», сэр... Где-то в России ваш отец или дед оставили замурованными в стене или в обивке одного из двенадцати гарнитурных стульев бриллианты либо еще какие-то ценности. У вас есть точный адрес, пользуясь которым мы с вами, попав в Россию, легко отыскиваем ваши ценности. Затем мы возвращаемся домой, и трест мистера Сэмюэля Грегга обеспечивает нам роскошную жизнь и зажиточную старость. Правильно?...

– Да... В основе моего предложения лежит ценный клад и фамильное предание о нем, – сказал гость и послал своими зелеными веками нечто среднее между сигналом бедствия и просьбой о внимании.

Кортец засмеялся скрипучим смехом и отхлебнул из бокала.

– Прежде всего, – произнес он, – должен сообщить вам, молодой человек, а через вас и мистеру Греггу, что по со-

ветским законам все оставленное эмигрантами в России много лет назад объявлено государственным достоянием. У меня с русскими уже произошло однажды недоразумение. С меня хватит...

Педро Хорхе Кортец говорил по-русски отлично, с небольшим восточным акцентом. Сказанное им было почти отказом, но молодой гость хорошо помнил ту аттестацию, которую дал «потомку великого конкистадора» мистер Сэмюэль Грегг и потому стойко ждал возможности высказаться до конца. Такая возможность сразу представилась, когда хозяин обратил внимание на ароматнейшую подливку к жиго. Джейк Бельский сказал вкрадчиво:

– Мистер Сэмюэль Грегг отлично знаком с советскими законами. Я также познакомился с ними, но все дело в том, сэр, что ни мне, ни вам и ни тресту, который мы будем представлять, не придется нарушать никаких законов.

– Ах, вот как? Интересно...

– Ценности, о которых идет речь, – продолжал гость, – были вывезены в Россию четыре века назад одной коронованной особой нерусского происхождения и никогда России не принадлежали. Это легко смогут доказать наши юристы.

– О ла-ла! – с ироническим пафосом воскликнул Кортец, отрываясь от своей тарелки. – Я не собираюсь сражаться за попранные права коронованных особ нерусского происхождения.

– Вы будете сражаться за свой гонорар, сэр... – твердо произнес молодой гость.

– И вы тоже? – осведомился Кортец.

– И я тоже.

– Сколько вам дает этот старый чикагский гангстер?

– Десять процентов, сэр.

– Ого! – КORTEЦ усмехнулся и проговорил, глядя в сторону: – Я чувствую, что вы хотите рассказать мне какую-то средневековую легенду.

– Вы правы, сэр. Но деньги эта средневековая легенда сулит вполне современные и не маленькие.

Последнее слово гость проскандировал.

– Ну что ж, выкладывайте вашу легенду, – проворчал КORTEЦ. – Я выслушал их не менее тысячи. Послушаю еще и тысяча первую.

Джейк Бельский вновь опустился в кресло, сузил свои кошачьи глаза и спросил тоном следователя:

– Вы слыхали что-нибудь о библиотеке московского царя Ивана Грозного, начало которой в пятнадцатом веке положила византийская царевна Зоя, или иначе – Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора, а впоследствии – жена московского великого князя Иоганна Третьего?...

Косматые брови КORTEЦа медленно поползли вверх.

– О! Это действительно средневековая легенда!

– Так вот. Древняя библиотека, которую многие считали и считают мифической, действительно существовала и существует... Я – последний из рода князей Бельских, а один из моих предков, боярин Иван Дмитриевич Бельский, был большим другом внука Зои – Софьи Палеолог, царя Ивана Грозного...

КORTEЦ уже покончил с жиго, вооружился зубочисткой и, казалось, с головой ушел в заботы о своих нереально белых и неестественно ровных зубах.

Джейк Бельский продолжал:

– Боярин Бельский видел, как Иван Грозный упрятал драгоценное собрание рукописей в один подземный тайник так основательно, что потом их не мог найти никто. Мой отец сказал мне, что, если бы библиотека Ивана Грозного была найдена, за нее можно было бы получить миллионы долларов...

– Короче! – отрывисто сказал КORTEЦ. – Вы знаете, как найти эту библиотеку?...

– Знаю... – не смутившись (и ни разу не моргнув), ответил Джейк Бельский. – Боярин Иван Бельский в своем архиве оставил чертеж книжного тайника Грозного. Отец передал его мне и дал указания, как найти тайник.

Наступило молчание. Кажется, в конце концов дело стоило того, чтобы к нему присмотреться, но практическое чутье еще предостерегало КORTEЦА. Можно ли доверять этим древним чертежам? Не смахивает ли все это на сказки о пиратских кладах с «золотым жуком»?

– Что у вас еще есть, кроме чертежа и рассказа вашего папы? – после короткого размышления спросил КORTEЦ.

Только теперь он заметил, что белобрысый князь держит в руке какую-то трубочку.

Бельский жестом фокусника развернул трубочку и поднес КORTEЦУ небольшой лист пергамента.

– Это титульный лист очень ценной рукописной антологии византийских поэтов пятого века, – пояснил он. – Единственный в мире экземпляр этой книги существовал в библиотеке царевны Зои, а затем попал в руки моего предка, боярина Ивана Бельского...

– Украден из царской библиотеки? – грубо спросил КORTEЦ.

– Нет. Подарен царем боярину Бельскому, – сухо ответил молодой гость. – На обороте листа об этом есть запись.

Кортец с интересом разглядывал пергамент, в центре которого золотом и киноварью были изображены меч и сердце. Он хорошо разбирался в изобразительном искусстве и сразу определил, что эмблему нарисовал какой-то неизвестный, но талантливый художник древности. Бисерные строчки греческого письма сиянием окружали эмблему, а ниже переходили в крупный шрифт со сложными заглавными буквами.

Кортец повернул пергамент. На обороте он увидел затейливую вязь старинного русского письма.

Под русской надписью красовался небольшой чертеж тушью с крестиком в центре, а еще ниже вновь шла греческая запись...

– Разрешите, я прочту, – сказал Джейк Бельский и, не дожидаясь ответа, торжественно, как тропарь, пропел:

*«Боярину князь Ивану Бельскому сию грецку книгу с виршами мирскими жалуем из книжницы бабки нашей, царевны морейской, мы, Великий Государь всея Руси, дабы он, боярин Бельский, грецку грамоту уразумел ради ко-
рысти государевой.*

Иоанн.

*Лета от сотворения мира семь тысяч шестьдесят
второго мая в четверток двадцать пятого дня».*

Мой предок, боярин Бельский, выполнил царское повеление и овладел греческим языком, – пояснил князь,

указывая пальцем на греческую запись. – Здесь он нарисовал план тайника, где царь захоронил всю библиотеку, доставшуюся ему от бабки, царевны Зои...

– Тайники! Таинственные подземелья! Ваш предок боярин Бельский, наверное, увлекался знаменитым французским детективным романом Дюшато «Замок змеи с перьями», – сказал Кортц. – Но здесь только титульный лист... А сама книга где?

– Книга осталась в России у княгини Евгении Бельской, урожденной баронессы Эжени де Мерод, – с достоинством заявил Джейк Бельский. – Кроме греческой записи на обороте, здесь, на самом титуле, есть еще французская надпись, которая поможет нам отыскать всю библиотеку.

– Французская?... Но Иван Грозный приказал боярину Бельскому овладеть только греческим языком!

– Это запись другого Бельского. Она сделана в двадцатом веке.

Кортц еще раз внимательно осмотрел лист:

– Я не вижу здесь никакой французской надписи.

– Я смыл ее из предосторожности, – тихо сказал Джейк Бельский. – Ее можно восстановить химическим путем, когда понадобится.

Кортц положил пергамент на стол.

– Значит, ваш отец научил вас, как найти византийскую библиотеку? – насмешливо спросил он.

Джейк Бельский с минуту помолчал. Его веки усиленно работали.

– Думаю, что да, сэр, – сказал наконец он.

– А как вывезти ее из России, он не научил вас? – спросил Кортц, иронически глядя на респектабельного

юношу, вежливо и вполне серьезно предлагавшего ему включиться в совершенно необычайную авантюру.

После небольшой паузы Джейк Бельский скромно ответил:

– Я полагал, сэр, что этому научите меня вы... Меня в этом уверил мистер Сэмюель Грегг.

– Мистер Сэмюель Грегг! – сердито воскликнул Кортец. – О да! Он уверен, что в России ничего не изменилось и что библиотеку Грозного сейчас так же легко вывезти, как я когда-то вывез оттуда знаменитое Коптское евангелие...

Молодой гость молчал.

Наступила пауза. Молчание длилось минуты две. Затем Кортец отодвинул от себя пергаментную трубку и сказал решительным тоном:

– Рукописи – это не моя специальность. Сейчас я лишь организатор выставок произведений живописи. Я частное лицо, меня интересует только живопись, и ни с какими трестами я не желаю себя связывать.

Веки Джейка Бельского усиленно замигали, и он сопроводил эту сигнализацию самым убедительным переводом, на какой только был способен:

– Совершенно не обязательно быть специалистом, сэр. Я ведь тоже в этих рукописях ничего не понимаю. Нам надо только найти их и вывезти в Америку. А там уж специалисты треста разберутся в них.

– Вывезти в Америку мы ничего не сможем.

– Ну что ж, вывезем во Францию, – бодро предложил Джейк Бельский.

– Фантастика.

– Почему? – с недоумением спросил князь.

– А потому, что мы не найдем эту мифическую библиотеку. Это во-первых. Но если бы даже мы ее нашли, если бы даже вывезли из России, что очень нелегко, то мы совершили бы кражу. Нас арестуют если не в России, то здесь, во Франции. Этого потребует советское правительство, и французские власти не смогут не выполнить его требования. Мы присвоим себе чужие ценности. Вы это понимаете? А подобными делами занимается уголовная полиция. Ваш мистер Грегг очень хорошо с нею знаком...

Все это немногословный Кортец выпалил почти залпом и с большим азартом. Казалось, он старается напугать не столько Джейка Бельского, сколько самого себя.

– И еще одно, – все тем же сердитым тоном продолжал Кортец. – Я живу в Париже, и я не намерен отсюда уезжать, если новая затея мистера Грегга провалится.

– Вам не нужно будет уезжать из Парижа, сэр. В случае неудачи я все беру на себя, – быстро и деловито объявил гость. – Это также предусмотрено моим контрактом с фирмой мистера Грегга.

С минуту Кортец озадаченно смотрел на Джейка Бельского. Потом он рассмеялся и сказал:

– Узнаю мистера Грегга! Он умеет извлекать прибыль даже из неудачи. Ваш провал вызовет скандал с русскими. А за это кое-кто в Штатах с радостью оплатит вам два-три года тюрьмы.

Очевидно, Кортец угадал. При упоминании о тюрьме Джейк Бельский не побледнел и не покрылся холодным потом. Наоборот, он хитро заулыбался и сказал:

– Думаю, что до тюрьмы дело не дойдет, сэр. В России я

намерен действовать осторожно. Вы же будете стоять в стороне от всего, что мне надо будет там проделать. Что касается французских властей, то и здесь все можно будет предусмотреть и застраховать себя от неприятностей.

– Как?! – свирепо вращая глазами, осведомился Кортец.

– Не волнуйтесь, сэр, это вредно, – тихо и вразумительно произнес князь. – Мой отец сообщил мне, что здесь, во Франции, и в Италии живут потомки Фомы Палеолога, отца царевны Зои. Они являются прямыми наследниками великой княгини московской Софьи Палеолог, ибо в России после смерти детей Ивана Грозного ее потомков не осталось...

– Кто живет во Франции? – быстро спросил Кортец.

– Мадам де Брентан, дочь князя Джованни Ласкариса Палеолога, – помедлив немного, ответил Джейк Бельский.

«Специалист по живописи» ухмыльнулся.

– Я вижу, ваш папа был дьявольски предусмотрительным человеком. Он очень хотел пойти дальше боярина Ивана Бельского и заполучить не одну только антологию византийских поэтов.

– Да, он всю жизнь лелеял эту мечту, – сказал Джейк Бельский. – Но отец меньше всего думал о деньгах. Он лишь хотел отомстить своему брату, князю Платону, отбившему у него жену, красавицу Эжени де Мерод... Эту историю я расскажу вам в другой раз.

Кортец внимательно поглядел на русско-американского князя и подумал уже без всякой неприязни:

«Гм!.. А он, кажется, неглуп, этот желторотый Джейк. Сэмюэль Грегг недаром поставил на него...»

– Ладно! – сказал он. – Я ничего вам и мистеру Греггу

не обещаю. Но, не разглашая ваших замыслов, я наведу кое-какие справки, прощупаю кое-где почву и только после этого смогу дать окончательный ответ. Этот архаизм оставьте у меня. – КORTEЦ кивнул на трубку пергамента. – Если вы, конечно, мне доверяете. Мне надо показать его одному толковому человеку. Он хорошо знает византийскую литературу и многое другое.

– Конечно, сэ́р! – с величайшей готовностью воскликнул Джейк Бельский. – Пожалуйста, оставьте у себя этот пергамент. Отец сказал, что он принесет счастье тому, кто захочет присоединить этот титульный лист к книге, от которой он отделен.

Он встал. КORTEЦ нажал кнопку звонка.

– Приходите завтра.

– С удовольствием, сэ́р.

– Не «сэ́р», а «месье», – снисходительно поправил КORTEЦ. – Обращение «сэ́р» во Франции многие не любят. Да и не только во Франции.

– Понимаю, месье...

Зашуршала шелковая юбка. Вошедшая Мадлен сразу же поняла, что молодой американец не напрасно расстался с долларом, когда настойчиво просил ее доложить о себе КORTEЦу.

– Мадлен! – напыщенно произнес КORTEЦ. – Князь Джейк Бельский завтра будет у меня в десять утра. Проводите его прямо в кабинет.

Мадлен грациозно сделала книксен перед князем Джейком Бельским.

В КАФЕ «ГУИНПЛЕН»

В тот же день Педро Хорхе Кортец посетил кафе «Гуинплен». Он давно здесь не был, но завсегдаи узнали его сразу. Это были маршаны – перекупщики картин, небогатые антиквары, художники молодые и уже много лет «подающие надежды», натурщицы, любители картин и редкостей. В кафе, как всегда, было шумно, но шум усилился, когда в дверях показалась массивная фигура Кортеца. Среди посетителей было немало тех, на ком иногда неплохо зарабатывал месье Кортец, и тех, кто иногда зарабатывал (не слишком много) с его помощью. Послышались возгласы:

– Ого! Дон Педро собственной персоной!

– Великий конкистадор из Стамбула!

– Салют, месье Кортец! Присаживайтесь!

Отвечая на приветствия и помахивая волосатой рукой со сверкающими камнями на коротких пальцах, месье Кортец внимательно оглядывал зал.

– Он кого-то ищет... – сказала маленькая натурщица с большим черепаховым гребнем в золотой копне волос.

– Да уж, наверное, не тебя, – ответил ей молодой, весьма кудлатый художник со старинным жабо вместо воротничка и с большой пиратской серьгой в левом ухе.

– Кто-то сегодня заработает, – меланхолично произнес старый «маршан», провожая Кортеца кислым взглядом. – Это ловкач!..

К Кортецу подошел буфетчик, круглоголовый человек в белом переднике.

– Месье Кортец, вы кого-то ищете?

- Да, месье Птибо. Мне нужен профессор Бибевуа.
- Он уединился. Что-то пишет в бильярдной.
- Мерси...

Кортец хотел пройти в бильярдную, но что-то вспомнил и спросил:

- Он должен вам, месье Птибо?

Буфетчик развел руками:

- Как всегда, месье Кортец.
- Много?

– Неделю уже не платит. Три тысячи франков. При нынешнем курсе это, конечно, не так уж много, но...

– О ла-ла! Узнаю профессора! – Кортец похлопал буфетчика по плечу. – Не унывайте, месье Птибо. Может быть, мне удастся это дело уладить.

Он прошел в соседнее помещение. Здесь стояла относительная тишина, слышно было только, как щелкают белые шары на зеленых лужайках бильярдных столов, стучаясь друг о друга. Время от времени маркер торжественно возглашал:

– Карамболь, месье Роже! Тридцать два!.. Карамболь, месье Капо! Шестнадцать!.. Удар не засчитан!

В углу подле стойки с киями, у подоконника, примостился на вертящемся стуле пожилой человек, облаченный в невероятно потертую визитку. Худобой своей, чахлым лицом, острой бородкой и похожими на пики усами он напоминал Дон-Кихота, а длинными руками и большими оттопыренными ушами – орангутанга. Сзади был хорошо виден его стриженный угловатый череп, посеребренный сединой. Человек быстро писал. Перо его авторучки стремительно порхало по бумаге, исписанные листы он

неуклюже отодвигал в сторону. Это и был Леон Бибевуа, которого все знакомые называли «профессором», хотя вот уже десять лет прошло с тех пор, как он был изгнан из последней гимназии за пристрастие к крепким напиткам.

Кортец очень хорошо знал этого странного человека, обладавшего энциклопедическими познаниями, с феноменальной памятью, неудачника, пьяницу, но в свое время очень неплохого педагога. Бибевуа великолепно знал историю, в том числе и историю всех видов искусства; он, не глядя на подпись, мог безошибочно назвать автора картины (если тот был, конечно, известен). Он знал также все, что касалось мировой литературы, в особенности литературы древней. Кроме того, Бибевуа в совершенстве владел языками, на которых уже давно никто не говорил: латынью, древнегреческим и санскритом.

Кортец часто пользовался консультациями Бибевуа и с уважением относился к нему, не обращая внимания на странные манеры «профессора». Сейчас он видел, что Бибевуа увлечен какой-то работой; обычно высокомерный и бесцеремонный с бедняками, Кортец все же не решался окликнуть его.

– Месье Кортец! – не оборачиваясь, сиплым голосом сказал Бибевуа. – Вы хотите помешать мне работать?

Кортец догадался: Бибевуа увидел его отражение в темном стекле окна.

– О нет, профессор, я подожду...

– Вам придется ждать еще час. Я пишу статью вместо одного идиота, облеченного ученой степенью бакалавра.

– Это интересно. Какая тема?

– Палеографическое исследование эволюции заглавных букв в минускульном письме девятого века...

– О ла-ла! – с уважением воскликнул Кортец. – А что это за письмо? Кто его автор?

– Вы невежда, месье Кортец! – просипел Бибевуа, не переставая строчить свою статью. – Это не чье-либо личное письмо, а тип латинского рукописного письма. Выражаясь современным языком, это шрифт, которым написано большинство рукописей латинских классиков...

– Понимаю, профессор. Я пришел не вовремя, но... видите ли, у меня примерно та же тема, – стараясь говорить возможно мягче, сказал Кортец.

– Тоже статья?

– Нет... Консультация... Со мной древняя рукопись.

Бибевуа перестал писать и повернулся к нему всем телом:

– Покажите.

Кортец передал ему пергамент, оставленный Джейком Бельским. Теперь пергаментный лист был прикреплен углами к ватманской бумаге, и таким образом его обратная сторона была закрыта.

Бибевуа поправил очки и пронзительным взглядом впился в текст. Через минуту он поднял голову и посмотрел на Кортца. Тот молча ждал.

– Подделка?... – тихо спросил Бибевуа.

Кортец развел руками:

– Не знаю. Это вы должны мне сказать.

Бибевуа вскочил, подбежал к настольной лампе и вновь сунул свой острый нос в пергамент. Затем, суетливо зашарив по карманам, он извлек лупу. Кортец с интересом следил за его движениями.

Бибевуа долго разглядывал лист в лупу. Он был явно взволнован.

– Невероятно! – пробормотал он наконец. – Подлинник! Вы знаете, что это?

Кортец неопределенно шевельнул мохнатыми бровями:

– Приблизительно...

– Это первая страница книги, которую считают погибшей. Вместе с другими сокровищами византийской столицы она была вывезена в Рим из Константинополя в середине пятнадцатого века. Дальнейшая судьба ее неизвестна! – Голос Бибевуа звучал патетически. – Этому пергаменту цены нет. Как он к вам попал?...

– Я вам потом расскажу, профессор, – уклончиво ответил Кортец. – А что здесь написано?

– Извольте! Вот точный перевод: «Киклос. Антология византийских поэтов. Эпиграммы элегические, сатирические и любовные, собранные Агафием, юристом и поэтом».

– Интересно... – задумчиво произнес Кортес.

– Какая прелесть! – с восхищением сказал Бибевуа, разглядывая эмблему древнего титульного листа. – Но где же вся книга?

– У меня есть надежда, что с помощью этого титульного листа я найду всю книгу, – многозначительно произнес Кортес.

Он взял пергамент из рук «профессора», когда тот попытался отодрать ватманскую бумагу.

– Вы хорошо заработаете, если найдете ее, За такую книгу богатые коллекционеры дадут много денег, – сказал Бибевуа.

– Примерно?

– Оценщиком меня возьмете? – хитро подмигнув, спросил Бибевуа.

– Возьму.

– Смотрите! Без обмана. Эта книга должна стоить не меньше ста тысяч долларов. Мой гонорар скромный, два процента...

Кортес похлопал Бибевуа по спине:

– Я люблю вас, профессор, и потому часть гонорара я готов предложить вам сейчас.

Бибевуа оживился:

– О! Это было бы неплохо.

Кортес подошел к двери и позвал:

– Месье Птибо!

Буфетчик не заставил себя ждать.

– Профессор должен вам три тысячи франков?

– Совершенно верно, месье.

Кортец вынул бумажник и отсчитал несколько кредиток.

– Вы больше не должны господину Птибо, – весело сказал он, обращаясь к Бибевуа.

– Виват, дон Педро Кортец! – воскликнул Бибевуа. – Надеюсь, вы теперь не сомневаетесь в моей кредитоспособности, месье Птибо?

– Сегодня нет, а завтра опять буду сомневаться, – ответил Птибо, с юмором и жалостью глядя на него.

– В таком случае, приготовьте мне стакан коньяку, – вежливо попросил Бибевуа. – Я подойду к вашей стойке, как только закончу статью.

Кортец вынул из бумажника еще одну кредитку и подал Птибо.

– Я в большом долгу перед профессором и не хочу, чтобы он сегодня был в долгу перед вами, – сказал он и, пожав руку Бибевуа, направился к выходу.

В общем зале Кортец подошел к группе художников, сидевших за маленьким столиком. Здесь шла оживленная беседа, прерываемая смехом, но, как только Кортец приблизился, все за столиком замолчали.

– Садитесь, маэстро! – предложил художник с пиратской серьгой.

– Нет, я только на минуту, – сказал Кортец. – Но я вам помешал, господа. Вы о чем-то говорили...

Он еще издали услышал свое имя и понял, что разговор идет о нем.

– Нет, отчего же. Я все могу повторить, – с независи-

мым видом сказал художник с серьгой. – Я рассказывал им забавный анекдот о том, как вы, месье Кортес, хотели выменять в ленинградском Эрмитаже вандейковского «Лорда Уортона» на поддельного Гогена.

Кортес саркастически улыбнулся:

– В Париже все идет в анекдот! А насчет поддельного Гогена вы присочинили, Прежан.

– Но он так смешно рассказывает! – с восторгом воскликнула маленькая натурщица с большим гребнем.

– А-а! Ну, тогда я его прощаю, – снисходительно произнес Кортес. – Кстати, вы очень нужны мне, Прежан. Вы можете мне уделить сейчас минут десять?

– С удовольствием, маэстро!

Кортес подмигнул маленькой натурщице и, взяв художника под руку, направился с ним к свободному столику в дальний угол кафе.

– Садитесь, Прежан, – сказал он и грузно опустился на стул. – У меня к вам действительно есть дело. Но эти ваши анекдоты...

– Месье! – смеясь, сказал Прежан. – Это лишь безобидная болтовня... никто в нее не верит.

– Болтовня! – сокрушенно качнув головой, произнес Кортес. – На Востоке есть умная пословица: «Будь осторожен, когда лжешь, но еще больше остерегайся, когда говоришь правду»...

– Прекрасная пословица! – воскликнул Прежан. – Завтра же ее будет знать весь Париж.

– А вот то, что я вам скажу сейчас, должны знать только вы, Прежан, и я, – пристально глядя на него, произнес Кортес.

– Самый лучший замок для тайны – это деньги, маэстро,
– насмешливо ответил Прежан, играя сросшимися бровями
и пощелкивая пальцем по своей серпообразной серьге.

– Вы можете хорошо заработать, Прежан, – многозначительно сказал Кортец.

– Как?

– Слушайте...

Кортец наклонился и, оглянувшись, зашептал.

– Ого! Интересно... Опять Гоген? – воскликнул Прежан.

– Нет. Это совсем другое дело... Вы у меня бывали. Помните те два пейзажа, что я привез из Москвы?

– Помню, маэстро. Но... – художник пожал плечами. – Я ничего особенного в них не нахожу.

– Я тоже, Прежан. И все-таки я уверен, что, если мы хорошо поищем, то можем найти не в них, а под ними что-нибудь очень интересное.

– Вот как? А что именно вы хотите под ними найти?

– Боровиковского! Вы видели у меня два портрета его работы, которые я купил у князя Оболенского?

– Видел.

– Два московских пейзажа надо нанести на Боровиковского так, чтобы была видна расчистка. Понимаете?

– Я начинаю понимать, маэстро, – пристально глядя на собеседника, сказал Прежан.

– Я не сомневался, что вы меня поймете...

Кортец придвинулся поближе к молодому художнику и зашептал ему что-то прямо в ухо с пиратской серьгой.

ДОПРОС С ПРИСТРАСТИЕМ

Мать Джейка Бельского, Тереза Бодуэн, стала второй женой русского эмигранта князя Бельского, когда ей было тридцать лет. Она назвала сына Жаком – в честь своего отца. Когда-то Андрей Бельский был богат, но к моменту рождения Жака успел промотать свое состояние и уговорил жену переехать в Соединенные Штаты. Здесь его дальняя родственница, княгиня Александра Толстая, обещала ему «доходное место». В антисоветском кружке Толстой Андрею Бельскому предложили выступать на собраниях реакционных организаций с «информацией» об издевательствах, которым якобы он подвергался со стороны большевиков в 1917 году. Но для подобных выступлений требовалось богатое воображение, а воображения князь Андрей Бельский был лишен совершенно, и поэтому вскоре ему пришлось прекратить свои выступления и устроиться клерком, в контору налогового инспектора. Эта должность со временем перешла по наследству к его сыну, уже возмужавшему и превратившемуся из Жака в Джейка.

Молодой Бельский был не в восторге от своей профессии, тем более что он унаследовал от матери природную смекалку и производил впечатление неглупого молодого человека. Однако житейский опыт научил его понимать, что одним умом в Америке ничего не добьешься. Не поможет и образование. Его отец окончил Петербургский университет, но дальше клерка в Штатах не пошел, ибо был человеком чрезвычайно непрактичным. В этом последнем обстоятельстве Джейк убедился, когда перед смертью отец рассказал ему о тайнике в каком-то монастыре, где в XVI

веке, по его словам, была захоронена библиотека византийской царевны Зои. При этом старик передал сыну титульный лист от старинной книги (с планом тайника), которую царь Иван Грозный подарил своему другу, боярину Бельскому, одному из предков Джейка.

Оказывается, тайна ценнейшей коллекции была известна Андрею Бельскому много лет, но он не сумел воспользоваться ею.

Целых два года раздумывал Джейк Бельский, как заполучить собрание древних рукописей, стоивших немалых денег, и наконец пришел к мысли, что пробраться в Россию, отыскать там книжный клад и вывезти его за границу без посторонней помощи никак не удастся... Но кому можно доверить свою тайну в стране, где господствует закон джунглей, где сам Джейк чувствует себя лишь слабой тростинкой в джунглях? Даже с матерью не мог посоветоваться Джейк, так как отец запретил говорить с нею о русском тайнике:

«Она будет скулить, что ты погибнешь в России, и все испортит».

Тогда Джейк рискнул прощупать почву у кое-кого из русских эмигрантов. Он сказал, что хочет пробраться в Россию – там отец закопал в помещичьем саду фамильные драгоценности.

Один из друзей Керенского, барон Виттельсбах, свел Джейка с Сэмюэлем Греггом. Это был крупный акционер и фактический хозяин Международного антикварного треста.

Располагая широко разветвленной агентурой, этот трест выискивал и скупал во всех странах произведения

живописи, скульптуры, ценные рукописи и книги, личные вещи, принадлежавшие знаменитым людям (историческим лицам, спортсменам и артистам, дипломатам и «великим» преступникам). Покупая и перекупая подлинные ценности и ценности сомнительные, трест широко практиковал также и фабрикацию подделок самого различного рода. Не гнушался он и откровенными авантюрами. Одним из типичных подвигов треста была мошенническая проделка с Коптским евангелием.

Агенты треста пронюхали, что в Ленинграде, в одном книгохранилище, имеется древнее рукописное евангелие, написанное в XI веке на языке египетских христиан (коптов). Первоначально владельцем этой рукописи-книги был знаменитый Афонский монастырь³³, а затем, в первой половине XIX века, монастырь подарил Коптское евангелие русскому царю Николаю I. После революции ценная древняя книга стала достоянием советского народа. В 30-х годах, установив контакт с игуменом Афонского монастыря, антикварный трест предложил своему агенту Кортецу любой ценой приобрести в Ленинграде Коптское евангелие. По оценке опытных антикваров, эта книга стоила 150 тысяч долларов. Кортец предложил книгохранилищу 300 тысяч долларов. Советские организации решили продать книгу, но, едва она попала в руки треста, афонский игумен, с согласия Сэмюеля Грегга, обратился в суд с просьбой вернуть монастырю «древнюю святыню», якобы похищенную коммунистами. Антикварный трест против иска монахов не возражал, но учинил советскому торгпредству иск на сумму в 300 тысяч долларов...

³³ Находится неподалеку от г. Салоники, в Греции.

Авантюра эта провалилась, ибо советские юристы предъявили дарственную запись, сделанную в свое время монастырем на имя царя Николая I. Коптская рукопись, таким образом, оказалась не собственностью Афонского монастыря, а достоянием советского народа... Авантюристы остались в дураках, а козлом отпущения оказался Кортец. Грегг обвинил его в медлительности и неловкости – в том, что «потомок великого конкистадора» не нашел заблаговременно в Ленинграде дороги к людям, которые заранее уничтожили бы дарственную запись Афонского монастыря.

Таков был антикварный трест, с главой которого, Сэмюелем Греггом, и познакомился Джейк Бельский.

Гориллоподобный хрипун Грегг недолго разговаривал с Джейком. Он просмотрел документы Джейка и пергаментный лист, затем молча написал записку Кортецу и чек на тысячу долларов.

– Немедленно отправляйтесь в Париж, – сказал он. – Найдите там Кортеца. Адрес вам дадут. Я финансирую всю эту операцию. Вы получите десять процентов от чистой выручки, Кортец – пятнадцать. От него зависит все... Об остальном договоритесь с нашими юристами. Гуд бай!

Обо всем этом Джейк вспомнил на другой день после визита к Кортецу, шагая по Рю де Орьянт к вилле «потомка великого конкистадора». Вспомнил он и о том, как вчера, уходя от Кортеца, сунул в цепкую руку Мадлен еще одну бумажку, на этот раз уже пятидолларовую, и попросил Мадлен прийти вечером в любое время в кафе «Сурир». Ему пришлось ждать долго, но Мадлен все же пришла и сразу принялась болтать о своих поклонниках и подругах.

Потом она выпила рюмку шартреза и выкурила сигарету. О Кортце Мадлен рассказала, что он пришел домой поздно и в хорошем настроении, а на ее вопрос, принимать ли завтра месье Бельского, ответил: «Непременно!»

— Он добавил: «Не забудьте завтрак приготовить на двоих», — щебетала Мадлен. — Вы должны знать, что месье Кортце угощает только того, кого считает полезным для себя человеком. Джейк, мне кажется, что с его помощью вы заработаете много денег. Я не первый день знакома с месье Кортцем и научилась угадывать...

Джейк пожал плечами:

— Это будет зависеть только от него...

— О, вы, наверное, не забудете тогда скромную маленькую Мадлен, которая так старалась, чтобы месье Кортце вас принял! — воскликнула Мадлен и бросила на Джейка из-под своих фантастических ресниц один из тех взглядов, которые считала «обжигающими».

Джейк сообразил, что неплохо было бы вообще иметь Мадлен союзницей при осуществлении «монастырской операции» (так он мысленно зашифровал свой план). Джейк не сомневался, что в холостяцком доме Кортца Мадлен не ограничивается ролью горничной. Поэтому он быстро извлек из жилетного кармана изящный янтарный мундштучок (подарок отца) и преподнес его Мадлен.

— В том, что я ваш друг до гробовой доски, вы можете не сомневаться, Мадлен, — сказал он с искренностью, с какой до того умел только чихать. — А пока примите этот небольшой сувенир... Сейчас среди чикагских девушек в большой моде именно такие мундштучки.

— Какая прелесть! — запела Мадлен и от полноты чувств

перешла на «ты». – Ты всегда будешь делать мне подарки, Джейк?

– Вечно, Мадлен! – воскликнул Джейк. – А ты будешь мне рассказывать, что думает обо мне КORTEЦ. Это очень важно для нас с тобой.

– О, это не трудно, милый! – ответила Мадлен. – Я умею с ним разговаривать... Но ты действуй смелее. Иначе с ним нельзя. Только, пожалуйста, не моргай так часто глазами. КORTEЦ говорит, что у тебя плохо пришиты веки.

Они расстались большими друзьями.

...Вспоминая о Мадлен, Джейк поравнялся с обвитой густым плющом двухэтажной виллой КORTEЦа, построенной в старинном стиле.

Калитка. Клумбы. Стриженные кустики. Посыпанная гравием дорожка. Крыльцо с гранитными ступеньками... Звонок. Тишина... Быстрые, легкие шаги за дверью, и вновь неопиcуемые ресницы...

– Это ты? – запела Мадлен, открыв дверь. – Входи, месье КORTEЦ ждет тебя... Я узнала еще кое-что. Вчера он был у какой-то важной дамы, с которой говорил о твоём деле. Он называет ее «старой хрычовкой».

«Мадам де Брентан», – сразу догадался Джейк.

– И что же? – спросил он.

– Это все, милый. Но настроение у него то же. Сегодня я угощу тебя чудесным рагу... Иди!.. Стой!.. Я поправлю галстук. Тебе надо его переменить, он похож на гадюку. Вот так...

Она скрылась за дверью кабинета, и Джейк услышал ее тонкий голос:

– Князь Джейк Бельский, месье!..

– Просите! – сырым голосом ответил Кортес.

Войдя в кабинет, Джейк сразу же почувствовал, что Кортес сегодня действительно настроен более благожелательно, нежели вчера. Протянув Джейку свою огромную волосатую длань, он пригласил гостя на диван, сел рядом и сказал:

– Душа моя! Я не умею долго притворяться и потому скажу вам сразу, что ваше предложение меня заинтересовало. Оно необычно. А я люблю заниматься необычными делами. Это моя слабость... Но даже необычное дело должно быть все же делом, а не спортом. Вы меня понимаете?

– Вполне, месье, – тихо произнес Джейк, стараясь не моргать.

– Должен сообщить вам, душа моя, – продолжал Кортес, – что вчера же я показал ваш пергамент одному весьма знающему человеку. Он сказал мне почти то же, что и вы. Я навел справки о византийской библиотеке и узнал то же, что и от вас, с той лишь разницей, что, кроме вас, кажется, никто не знает точного адреса этой библиотеки... Я побывал у мадам де Брентан и узнал от нее то же, что узнали от нее вы.

– Я хотел вчера рассказать вам о своем визите к ней, – поспешно вставил Джейк.

– Это ничего мне не дало бы, душа моя. Мне надо было увидеть ее лично. Успех нашего дела во многом зависит от этой старой хрычовки, – словно думая вслух, произнес Кортес. – Очень хорошо, что вы ей ничего не сказали.

– Она ничего не должна знать! – сухо и резко сказал Джейк. – Все надо сделать с нею, но без нее.

– Вот именно! – воскликнул Кортес. – С нею, но без нее.

Чуть стукнув, вошла Мадлен.

– Прикажете подавать завтрак, месье?

– Давайте, Мадлен!

Кортес встал с дивана и, как Мефистофель плащом, взмахнул полой своего живописного халата. Затем он принялся медленно расхаживать по кабинету, искоса поглядывая на гостя.

– Но одной, самой главной справки по вашему делу я пока еще не получил. Получение этой справки потребует времени.

Джейк тоже поднялся и с готовностью произнес:

– Может быть, я могу вам помочь, месье?...

Кортес поднял руку и растопырил пальцы, униженные перстнями:

– Нет, нет! Такую справку я могу получить от людей, которых хорошо знаю.

– Вы мне не верите?

– Я верю только в то, что после понедельника бывает вторник, мой друг. Вы, конечно, собираетесь поехать со мной в Россию?...

– Без меня вы там ничего не найдете, месье, – вежливо, но твердо сказал Джейк.

– Вот-вот! – воскликнул Кортес. – А я, душа моя, жил в Соединенных Штатах и знаю, что там могут иногда придумать, чтобы заслать в Россию необходимого для Пентагона человека...

– Значит, вы думаете, что я шпион?

Кортес снисходительно улыбнулся:

– О нет, душа моя! Если бы я так думал, я не стал бы с вами разговаривать. Мне моя шкура пока еще не надоела.

Джейк был сбит с толку. Он даже забыл, что у него «плохо пришиты веки», и сигналил вовсю.

– Я вас не понимаю, месье. Так в чем же дело?

Вошла Мадлен с подносом. Заменяв круглый столик другим, более просторным, Мадлен расставляла на нем тарелки. Она не понимала, о чем ее хозяин беседует с Джейком (разговор шел по-русски), но видела тревогу на лице юного князя. А так как кроме накладных ресниц и огненных губ Мадлен обладала еще и простым, добрым сердцем, то, забыв о «будущих подарках», она посылала Джейку самые выразительные ободряющие взгляды.

– Стол накрыт, месье, – сказала она.

Кортец похлопал Джейка по плечу и подвел к столу:

– Не унывайте, душа моя! Я только хотел быть с вами откровенным. У меня принцип – ни в коем случае не связываться ни с какой разведкой. Однако мне кажется, что чутье меня не обманывает: вы не похожи на шпиона.

Он взглянул на стол и обнаружил на нем узкую вазочку с тремя пунцовыми тюльпанами:

– О ла-ла! Вы в этом доме, кажется, понравились не только мне!

Но тут его взор упал на закуски и пузатенькую бутылочку шамбертена, и тюльпаны были тотчас же забыты.

– М-м... Недурно! Это то, что в рекламном деле называется «экстра», душа моя.

Кроме тюльпанов и шамбертена, стол украшала горка паштета из дичи с орехами, нарезанная тончайшими лепестками салями и пахучий салат из сельдерея.

– Прошу, ваше сиятельство! – церемонно сказал Кортес по-французски и широким жестом указал на стул. – Не зная, что вы любите, я решил положиться на свой вкус.

– И мой, месье! – добавила Мадлен, посылая Джейку сияющий взгляд.

– Да, я советовался с Мадлен, – сознался Кортес. – Она была бы неплохой, хозяйкой...

– Благодарю вас, мадемуазель, – сказал Джейк и сел за стол.

Мадлен повернулась, чтобы уйти, но ее остановил Кортес:

– Как там у Барб? Все сделано, как я велел?

– Рагу изумительное, месье! – с напускным восторгом пропела Мадлен.

– А подливка?...

– Сливки, вино, коринфский изюм и корица, месье. Все так, как вы любите.

От предвкушаемого удовольствия Кортес раздул ноздри.

– Люблю поесть, душа моя! Гублю себя! Врачи запретили, но не могу! В жратве я романтик... А относительно Пентагона и прочего вы не думайте. Если даже вы шпион, я не стану доносить на вас русским. Мне на них наплевать. Но выгоню вас обязательно. Если же вы честный жулик – помогу, ибо ваша затея мне нравится. В таких делах я тоже романтик.

– Мистер Грегг сказал: «Педро Кортес умеет увлекаться и не теряет при этом головы», – льстиво произнес Джейк.

– Старый плут! Он меня хорошо знает! – воскликнул Кортес, наливая в рюмки вино.

– Я никогда и ничего не пью, месье. Но с вами выпью с удовольствием.

– За Ивана Грозного и за его библиотеку! – воскликнул Кортес и понюхал вино. – Экстра!

Они выпили и закусили ломтиками салями.

– Возьмите паштету, Джейк, – предложил Кортес, – он сделан по моему сценарию. И вообще, во мне погиб величайший в мире кулинар. Да-да!

Однако блаженное состояние, в которое сейчас погрузились все семь пудов существа месье Кортеса, не лишало его способности мыслить практически.

– Итак, – произнес он, – вы уверены, что найдете легендарную византийскую библиотеку?

– Я в этом не сомневаюсь, месье...

– Я понимаю, что это ваша профессиональная тайна, и не прошу указывать точные координаты древнего тайника, Джейк. Но я пальцем не шевельну, если не буду знать, что это дело верное... Попробуйте салат. Это чисто французское блюдо.

Джейк потянулся к салату.

– Благодарю, месье... Я тоже не пустился бы в столь далекий и рискованный путь, если бы не считал это дело верным.

– Я вам уже сказал, ваше предложение мне нравится. Но я все же вынужден повторить свой вчерашний вопрос, – проямлил Кортес с набитым ртом. – Что у вас есть? Титульный лист старинной книги и план тайника на нем?... Но почему вы решили, что это план именно того тайника, где захоронена книжная коллекция?...

– Я могу заверить вас, месье, что знаю, где находится

книжный тайник Ивана Грозного. Но я получил строгую инструкцию от мистера Сэмюеля Грегга никому не открывать координаты тайника до тех пор, пока не прибуду в Москву...

Кортец засмеялся недобрым смехом:

– Вот это конспирация! Значит, вы хотите, чтобы я отправился в Россию с завязанными глазами?...

– Вы все узнаете, как только мы с вами попадем в Москву, – тихо, но твердо ответил Джейк.

– Ага! Теперь моя очередь задать вам ваш же вопрос, – хмуро сказал Кортец: – Значит, вы мне не верите?...

– Я вам верю, месье, но я связан условиями...

– Мистер Грегг знает, где находится тайник?

– Нет...

– А вы читали когда-нибудь русские материалы, касающиеся библиотеки Грозного?

– Да, – все так же безмятежно и вежливо ответил Джейк.

– Что вы читали?

– Труды русских археологических съездов, книгу профессора Белокурова, статьи профессора Соболевского, Кобеко, Забелина и, наконец, недавно опубликованную в русском журнале «Наука и жизнь» статью профессора Игнатия Стрелецкого, – залпом выпалил Джейк, торжественно и независимо глядя на Кортеца.

Тот присвистнул:

– Солидная эрудиция... И тем не менее не все верят, что библиотека Грозного существовала. Многие считают, что это миф, легенда... Вам об этом известно?

Джейк Бельский насмешливо посмотрел на Кортеца:

– Мне наплевать на всю эту болтовню, месье. У меня в руках документ, которому я верю больше, чем всем ученым сорокам...

Кортец с минуту пристально глядел в кошачьи глаза последнего отпрыска рода Бельских.

– Я восстановил на вашем пергаменте записи, сведенные вами, и прочел их, – сказал наконец он.

Джейк внезапно преобразился. Презрительно оглядев Кортеца, он резко отчеканил:

– Прочли и ни черта в них не поняли. Не так ли, месье Кортец?...

– Да, именно так, мистер Бельский, – ошеломленный его тоном, произнес Кортец.

– И никогда не поймете, пока я не приведу вас на место и не скажу: «Вот здесь!» Вы еще не вступили в дело, а уже хитрите...

– Я не хитрю! Я хотел проверить, не морочит ли меня ваш бандит Грегг, – заревел Кортец. – Вы не знаете, какую штуку он со мной уже сыграл!

– Знаю. Коптское евангелие... Но здесь вы имеете дело со мной, а не с ним! – все еще резким тоном сказал Джейк.

– А почему я должен вам верить больше, чем Греггу?

Джейк пошел к дивану и, усевшись, сказал спокойно:

– Хорошо. Я вам сейчас объясню французскую надпись на пергаментном листе. Но знайте, месье Кортец, если вы захотите устранить меня из этого дела, я провалю вас. И, кроме того, я найду вас даже в Антарктике, даже на втором спутнике Земли...

Он не кончил. Кортец уже хохотал во все горло, взявшись за живот, как пузатый фавн на картине Рубенса.

– Вы молодец, Джейк! Вы мне нравитесь! Ха-ха-ха!..

Он уселся рядом с Джейком и, внезапно оборвав смех, сказал деловым тоном:

– Ну, хватит болтать. Выкладывайте ваши боярские секреты. А насчет устранения... Запомните: из этого дела я кое-кого устраню, но только не вас...

Джейк немного поморгал, полез во внутренний карман и достал какой-то листок.

– Я переписал французскую надпись на титуле пергамента, а потом стер ее. Вот точная копия надписи. – Он протянул листок Кортцу. – Если хотите, сличите с тем, что вы восстановили.

Кортец прочел:

«Эжени! Вы взглянули в глаза древней мудрости. Она здесь, где мы с вами стоим. Она сокрыта рядом с прахом святого Кирилла. 400 лет она хранится в земле. Но я подниму ее из гроба. Записи моего предка помогут мне. Эта мудрость даст Вам вечную молодость. Вы много лет будете такой же прекрасной, как сейчас. Все в вашей власти, Эжени.

Вечно Ваш Платон Бельский».

– Да, кажется, все правильно. Но я не умею разгадывать ребусы, душа моя, – сказал, пожав плечами, Кортец и вернул листок Джейку. – «Древняя мудрость»... «Прах святого Кирилла»... «Вечная молодость»... Что все это значит? И кто это написал?...

Джейк на минуту задумался.

– Видите ли, месье... – проговорил он. – Мой предок

боярин Иван Дмитриевич Бельский чем-то провинился перед царем, и Грозный сослал его в древний монастырь на далеком севере России. Там он умер и там был похоронен... Умирая, он просил положить в его гроб книгу, подаренную ему Грозным. Это была византийская антология Агафия, титульный лист которой я принес вам, месье...

– Тысяча и одна ночь! – пробурчал Кортец.

– Что-то вроде этого, месье, – вежливо согласился Джейк. – Монахи неохотно положили в гроб опального боярина книгу со светскими эпиграммами, тем более, что некоторые из этих эпиграмм были совсем нескромными...

– А, черт! Я с удовольствием почитал бы их! – прервал Кортец.

– Боярин Бельский был погребен в том же монастыре, в склепе, где уже покоились останки других Бельских, сосланных в этот монастырь в разные годы... Там, в гробу боярина, книга Агафия пролежала сотни лет, пока наконец один из Бельских, князь Платон, брат моего отца, однажды не вздумал навестить могилы своих предков...

– Сентиментальность?

– Нет, это был очень странный человек, месье... У нас из рода в род передавалась легенда, что византийская царица Зоя привезла вместе со своими книгами какой-то древний индийский свиток, на котором был начертан рецепт снадобья, возвращающего молодость и продлевающего жизнь на многие десятки лет...

– Я так и знал, что без чертовщины здесь не обойдется! – скептически поджав губы, произнес Кортец.

– В русском народе греческая царица слыла колдуньей...

– Это пикантно. Я слышал, что она к тому же была очень мила, – мечтательно сказал КORTEЦ и провел в воздухе пальцем какую-то округлую линию.

– Мой дед любил князя Платона и посоветовал ему порыться в монастырской гробнице Бельских.

– Интересно! – воскликнул КORTEЦ. – А знаете, душа моя, вы не в ту сторону поехали...

– То есть как это? – не понял Джейк.

– Вам надо было написать увлекательный сценарий для кинофильма в трех сериях и отвезти в Голливуд. Миллионов вы не заработали бы на нем, но сотню тысяч отхватили бы наверняка. Я знаю. Промышлял когда-то... Но к делу. Что же нашел в таинственной гробнице ваш дядя?

– Он нашел там антологию Агафия. Титульный лист ее с планом тайника, где захоронены книги царевны Зои и Ивана Грозного, и с шифрованной греческой надписью вы уже видели.

– С шифрованной! – воскликнул КORTEЦ. – А у вас есть ключ к этому шифру?

– Мой отец расшифровал запись боярина Бельского.

– А князь Платон?

– Он тоже расшифровал...

– Вот как?... Продолжайте... Кстати, как попала книга Агафия к вашему отцу?

Джейк плутовато улыбнулся:

– Чтобы узнать это, вам, месье, придется выслушать любовную историю, которую я вчера обещал вам рассказать.

– «Декамерон»! День четвертый, новелла шестая! – тоном конференсье пророкотал КORTEЦ. – Андреола любит Габриотто...

– Вы угадали, месье... Жена моего отца, прекрасная Эжени, полюбила князя Платона. Он был старше ее на двадцать лет и боготворил ее... Объяснились они, как это потом выяснилось, в том самом монастыре, где нашел византийскую книгу мой дядюшка. Здесь князь Платон подарил своей возлюбленной самое дорогое, что у него было – византийскую книгу, – и сделал на титульном листе надпись по-французски... Вы ее видели, месье.

– Это насчет святого Кирилла и вечной молодости?

– Да. Князь Платон бредил тогда таинственным индийским рецептом.

– Зачем же он отдал книгу, где был план тайника и зашифрованное указание, как найти библиотеку Зои и Грозного? – с недоумением спросил Кортес.

– Я полагаю, что эта парочка не собиралась разлучаться, месье, – объяснил Джейк. – У него ли была книга или у нее, ничего не менялось. Возможно, что искать целебный рецепт они собирались вдвоем...

Кортес с минуту подумал.

– Чем же все-таки окончились поиски вашего дяди в монастыре?

– Ничем, месье, – уверенно ответил Джейк. – Ему помешала революция. А лист из книги Агафия со всеми записями попал в руки мужа очаровательной Эжени и был потом вывезен из России.

– Что случилось с князем Платоном? – анкетным тоном спросил Кортес.

– После революции он пропал без вести где-то в глухой российской провинции... Скорее всего, попал в сумасшедший дом, месье. Отец был уверен, что у его брата в голове каких-то винтиков не хватало.

– А Эжени?

– По имеющимся у меня сведениям, до двадцать пятого года она проживала в Москве. Есть адрес... Все это мы уточним в Москве, месье.

Джейк замолчал и, стараясь не моргать, выжидательно глядел на Кортца. Он был похож сейчас на тихого, благонаправленного школьника, который отлично ответил урок и ждет либо пятерки, либо каких-нибудь каверзных вопросов.

Учитель, то есть Кортц, сказал:

– Главного вы мне все же не сказали... Где находится тайник с библиотекой Грозного?

Джейк усмехнулся (это была усмешка школьника, который чувствует себя умнее учителя).

– Вы плохо читали французскую надпись, месье, – снисходительным тоном сказал он. – Даже не прибегая к греческой шифровке боярина Бельского, по одному имени святого, упомянутого в надписи князя Платона, можно установить местонахождение тайника.

Кортц взял со стола пергаментный лист и углубился в изучение французской надписи.

– «В обители святого Кирилла...» – вслух прочел он. – Где это?...

– В любом справочном киоске Москвы вам дадут точный адрес этой «обители», месье, – уклончиво ответил Джейк.

– Вы не человек, а уж! – хмуро сказал Кортц.

«А вы удав...» – хотел ответить Джейк, но передумал и сказал:

– Я вырос в Америке, месье...

– Это сразу видно... Но не в этом дело, а в том, что ваш дядюшка, сумасшедший он или нет, раньше нас с вами узнал адрес тайника. Не так ли?

– Так, месье. Но одного адреса, видимо, мало. Надо иметь еще план, вот этот чертеж... А чертеж выскользнул из рук князя Платона как раз в тот момент, когда он собирался запустить руки в подземелья монастыря... Потом началась революция, пришлось скрываться...

– А дальше?

– Дальше?... Если бы он хоть что-нибудь нашел, это было бы такой научной сенсацией, что мы наверняка слышали бы о ней, месье... Не забывайте, что о библиотеке Грозного идут споры уже более сотни лет и ищут ее столько же...

Джейк говорил с пафосом. Кортес опасливо поглядывал на него: «Черт его знает! А не психопат ли он, как его дядя?...»

Но, уловив наблюдающий взгляд Джейка, искоса брошенный в его сторону, «потомок великого конкистадора» успокоился:

«Нет! Это стопроцентный американский пройдоха...»

– Ладно! – решительно сказал он. – Когда мы получим справку, о которой я говорил, я изложу вам наш план действий. Но уже теперь могу сказать, что мы с вами поедем в СССР как туристы – это сейчас модно. Русские охотно пускают к себе целые батальоны туристов и даже позволяют им свободно разъезжать по всей стране.

– Это очень хорошо, месье!

– А деньги у вас есть?

– Есть, но мало, – вздохнул Джейк. – Мистер Грегг был не очень щедр...

– Вот это уже не по-американски, – сказал Кортес, поджав мясистые губы. Он подумал с минуту. – Ну ничего, раз уж я вступил в это дело, то вытяну из мистера Грегга все, что нам будет нужно.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ КНИГА НА КУЗНЕЦКОМ МОСТУ

О московских улицах написано немало книг и очерков, и мы ничего не откроем читателю, напомнив, что некоторые московские улицы по сей день именуются валами, хотя никаких валов на них нет уже сотни лет, а различные «ворота» давным-давно превратились в обыкновенные перекрестки и площади. К таким же «филологическим» памятникам старины можно отнести и Кузнецкий мост – маленькую узкую московскую улицу, расположенную в самом центре столицы. Здесь когда-то через речку Неглинку был переброшен мост, подле него проживали кузнецы. А сейчас Кузнецкий мост «заселен» главным образом магазинами. Особенно много здесь и в крохотном проезде МХАТ – продолжении Кузнецкого моста – книжных магазинов: букинистических лавок, магазинов Москниготорга, киосков... Здесь торгуют книгами с лотков, а совсем недавно торговали даже с рук. Еще в 1956 году на Кузнецком мосту, подле большого магазина подписных изданий, как войско Самозванца у стен Лавры, стояла толпа любителей книг, и ловкие спекулянты в этой толпе втридорога перепродавали «дефицитные» книги, а заядлые книжники обменивались «новинками».

Но что творилось на Кузнецком мосту по воскресеньям!.. «Сорочинская ярмарка» и «Ярмарка в Голтве», только

слившиеся и, так сказать, укрупненные!.. Книжное «чрево Парижа» в центре Москвы!.. В огромной толпе, запрудившей оба тротуара между Петровкой и Пушкинской улицей, можно было найти все: «Приключения Рокамболя», «Фацетии» Поджо Браччиолини с «номерными вставками» и без таковых, романы обоих Дюма (отца и сына); стихи Есенина и Гумилева; антологию японской поэзии; книги Бальзака, Гоголя, Мопассана, Чехова, Драйзера, Диккенса и даже Поль де Кока; сочинения Конан Дойля и его бесчисленных литературных «наследников» (кстати, мало похожих на своего прародителя, как ильфо-петровские «дети лейтенанта Шмидта» походили на своего нареченного отца).

Как на традиционные охотничьи рынки, сюда, на Кузнецкий мост, съезжались и сходились по воскресеньям любители книг, Здесь, в разношерстной толпе, вы могли встретить знакомого, которого не видели несколько лет. Здесь бывали люди самых разнообразных профессий: электрики и кондитеры, отоларингологи и парикмахеры, пивовары и сталевары, инженеры и рабочие, писатели и журналисты, владельцы мощных книжных коллекций и люди, делающие лишь первые шаги на этом благородном поприще. У многих из них дома на книжных шкафах и над тяжелыми полками висели надписи, похожие на скрижали ветхого завета:

1. «ДОМ БЕЗ КНИГИ ТО ЖЕ, ЧТО ТЕЛО БЕЗ ДУШИ... О ПРОХОЖИЙ, НЕ ЛИШАЙ ДУШИ МОЕ ТЕЛО!»

ЦИЦЕРОН

2. «ОТРУБИ СЕБЕ РУКУ, ЕСЛИ ОНА ОТДАСТ ИЗ ДОМУ КНИГУ»...

МОЙ ПАПА

3. «НЕ ПРИКАСАТЬСЯ!.. ГРОЗИТ СМЕРТЬЮ!»... (НАРИСОВАНЫ ЧЕРЕП И КОСТИ.)

ГЛАВЭНЕРГОСБЫТ

Большинство завсегдатаев книжной толкучки в будни заняты и потому лишены возможности посещать магазины, где ценные книги появляются и исчезают со скоростью падающих звезд. Таких обычно выручают книги, накопленные еще в эпоху Сойкина и Сытина папашами и дедушками. За «Петербургские трущобы» Крестовского, романы Генриха Сенкевича и тому подобные «книжные россыпи» они могут получить здесь любую «упавшую звезду».

Вместе с книжными «монополистами» сюда приходила и молодежь: студенты, ученики ремесленных училищ, старшие школьники. Тут же шныряли и какие-то подозрительные личности, которые, наметив подходящего клиента, непременно брали его за пуговицу, отводили в сторонку и вполголоса предлагали приобрести какую-либо «падающую звезду», пригrevшуюся у них за пазухой.

Были среди этих типов и своего рода «профессора», повидавшие книг не меньше, чем любой квалифицированный букинист. Услыхав имя Стефана Цвейга, например, и название «Книги о вкусной, здоровой пище», они тотчас же безапелляционно определяли:

«Эквивалент!..»

Это означало, что произведения замечательного австрийского писателя и поваренная книга котируются на Кузнецком мосту как издания редкие и равноценные. Зато книги Тургенева, например, по сравнению с сочинениями какого-нибудь нового автора, выпускающего каждую субботу по толстому роману о шпионах, оказывались здесь «неэквивалентными»: за том плодового автора-детективщика полагалось отдать вместе с Тургеневым еще и подписку на Шиллера. Разумеется, это говорило только о вкусах некоторых посетителей толкучки и ни о чем больше.

Среди книжных ловкачей были и очень экзотические экземпляры: перепродав сотни книг, они умудрялись ни в одну из них не заглянуть. На толкучке такие обычно «шли на таран» и по причине острой малограмотности отчаянно перевирали названия книг и фамилии авторов. Они путали Стендаля с Далем, а Куприна – с Купером. Один из них даже получил здесь кличку «Фенимор Куприн» за то, что однажды, предлагая кому-то сильно потрепанную книгу, рекламировал ее так:

«Это же «Яма»! Знаменитый роман Фенимора Куприна!.. – и, понизив голос, добавлял многозначительно: – Запрещенный...»

На груди Фенимора Куприна хранилось удостоверение о нетрудоспособности по причине психической неуравновешенности, а на животе, за поясом, всегда согревались несколько «запрещенных романов», которые никто и никогда не запрещал... Низко надвинув шляпу и прикрыв зоркие глаза темными очками, он, как Человек-невидимка, скользил в толпе и время от времени приговаривал сиплым баском:

«Меняю «Деньги» на деньги... – и пояснял: – «Деньги» – это знаменитый роман. Автор Эмиль Золя...»

Милицию на книжной толкучке беспокоили не столько Фенимору Куприны, сколько то, что троллейбусы и автомашины с трудом пробивались сквозь толпу. Аккуратно являясь на Кузнецкий мост, милиционеры вежливо просили книжников «пройти» и «не нарушать». Солидные книжные магнаты, приехавшие на собственных «Победах», кряхтя от неудовольствия, «проходили», но продолжали «нарушать», а Фенимору Куприны при виде милиционеров быстро исчезали в парадных, где и завершали свои коммерческие операции.

Так продолжалось *двадцать* лет, пока наконец книжная толкучка не стала темой для эстрадных юмористов, смешивших публику анекдотами о «Дюме с камелиями» и о книгах Шпанова, продающихся «на вес»...

Однако вовсе не до смеха было начальнику отделения милиции, на территории которого стихийно возникала и благополучно процветала книжная толкучка.

На первых порах этот начальник решил выловить Фениморов Куприных... Тщательно ознакомившись с характеристиками комсомольцев своего района, он созвал бригадмильцев в большой зал ЦДРИ и, побеседовав об общих задачах в борьбе с хулиганами и хищниками, неожиданно спросил:

– Кто из вас бывает по воскресеньям на книжной толкучке на Кузнецком мосту? Прошу поднять руку...

Последовала пауза. Комсомольцы переглянулись. Некоторые не совсем решительно подняли руку – таких оказалось одиннадцать человек. Этого было вполне достаточно.

– Попрошу товарищей, поднявших руку, задержаться в клубе на несколько минут, – сказал начальник отделения и добавил: – А остальных благодарю за внимание. Собрание считаю закрытым.

С оставшимися книжниками-бригадмильцами начальник отделения заговорил о книжной толкучке. К его удивлению, почти все комсомольцы явно погрузтели, узнав, что скоро уже не смогут выменивать интересные книжки у таких же, как и сами они, бескорыстных любителей литературы. Но в то же время все согласились, что Фениморов Куприных надо «изъять из обращения» немедленно.

И вот в одно приветливое летнее воскресное утро на Кузнецкий мост явились все одиннадцать книжников-бригадмильцев. Среди них был молодой техник Иван Волошин.

Иван Волошин и раньше встречал здесь Фенимора Куприна, не раз видел, как тот менял «Деньги» на деньги. Сегодня, заметив быстро промелькнувшие Темные Очки, он незаметно пошел за спекулянтом. На этот раз Человек-невидимка торговал уже не «Деньгами», а романом с очень странным названием. Волошин слышал, как Фенимор Куприн, подойдя к толстому мужчине в светло-сером габардиновом костюме, конфиденциально сообщил ему:

– «Блеск и нищета куртизанки Нана». Знаменитый запрещенный роман...

Габардиновый гражданин, видимо, не был новичком в книжных делах. Он пожал плечами и сказал оперным басом:

– Вы что-то путаете, милейший. «Блеск и нищета куртизанок» – это роман Бальзака. А «Нана» – роман Золя.

– Не волнуйтесь, гражданин, – с достоинством обнищавшего испанского гранда ответил Фенимор Куприн, – я знаю, что «Нану» написал Эмиль Золя, а «Куртизанок» сочинил Бальзак. Но в этой запрещенной книге оба романа переплетены вместе. А рвать их мне невыгодно.

– Ах, вот оно что! – удивился толстяк. – Но откуда вы взяли, что романы Бальзака и Золя кто-то запрещал?

– Это как раз неважно, гражданин. Там есть все, что интересно мужчине, – не сдавался Фенимор Куприн. – Пальчики оближете.

Оперный бас хотел возразить еще что-то, но Фенимора Куприна уже тянули за рукав:

– Сколько?...

– Полторы сосны...

– Бери третью половину.

– Хо-хо! Поищи, посвищи...

Иван Волошин стоял совсем рядом со спекулянтом. Он уже хотел взять его за руку и пригласить в отделение милиции, но вдруг заметил, что с Фенимором Куприным произошло что-то странное: забыв о куртизанках и о своем покупателе, спекулянт застыл на месте, как охотничья собака, почуявшая дичь. Он даже снял очки и устремил вдаль пристальный взгляд.

Волошин проследил за его взглядом, но ничего особенного не заметил: книжники, подгоняемые милиционерами, перекачывали с места на место, выкрикивая на ходу:

– Меняю «Голову профессора Доуэля» на «Всадника без головы»!

– Есть «Идиот», нужен «Милый друг»!..

– Меняю «Тридцатилетнюю женщину» на «Куклу»!

Но что же все-таки заметил в нестройных рядах охотников за книгами «орлиный глаз» Фенимора Куприна?

Тут автор должен на время оставить brave бригадмилыца Волошина и анекдотического типа Фенимора Куприна и обратить внимание читателя на фигуру, совершенно нетипичную для книжной толкучки...

Талантливый советский поэт, умерший в тридцатых годах и писавший исключительно прозой, в одной своей повести сказал:

«Странность, помноженная на странность, дает естественность. А что может быть естественнее случайно-сти?...»

Вот такая случайность и привела в то воскресенье маленькую и круглую, как сказочный колобок, старушку в рыжем летнем пальто, Клавдию Антиповну Куликову, на Кузнецкий мост, где Иван Волошин охотился за Фенимором Куприным.

С кошелкой, наполненной французскими книжками Ламартина, Вийона, Верлена и других подобных авторов, Клавдия Антиповна уже побывала в книжной лавке писателей, но там ей объявили:

– Иностранных книг не берем.

И, лишь взяв в руки последнюю книгу, извлеченную Клавдией Антиповной из ее вместительной кошелки, товаровед задумался. Книга была необычная: толстая и увесистая, с плотными, явно не бумажными пожелтевшими листами, она не имела верхней крышки переплета и титульного листа. Тем не менее опытный товаровед сразу же понял, что перед ним какая-то редкость.

«Пергамент... Язык древнегреческий... Гм!.. Надо показать Алексею Васильевичу...» – подумал он и пригласил старушку в кабинет директора.

Алексей Васильевич Симаков умер недавно, в 1956 году, но тридцать лет своей трудовой жизни он отдал книгам. Это был один из тех букинистов, которых шутя называют «академиками». Пожалуй, не было ни одной книги, изданной в дореволюционной России и в Советском Союзе, которая не побывала бы в руках у Алексея Васильевича. Случалось, что к нему попадали и редкие, ценные книги. В этом случае он всегда помнил один незыблемый закон советских букинистов: место ценной, редкой книги не на прилавке, а в музее или в государственном книгохранилище. Взяв в руки древнегреческую книгу с пожелтевшими пергаментными листами, Симаков тут же разъяснил Клавдии Антиповне, что ей следует отнести старинную книгу в Государственную библиотеку имени Ленина. При этом он растолковал старушке, как попасть в Ленинскую библиотеку, и даже снабдил ее запиской к заведующему рукописным фондом.

Старушка отправилась в путь, но прошла лишь квартала два и вдруг наткнулась на серьезное препятствие: как новое море, разлившееся по воле человека там, где раньше был обыкновенный асфальтовый тротуар, встала перед Клавдией Антиповной густая толпа. Бедная старушка с трудом пробивалась через подвижное скопище книжных болельщиков. А тут еще какие-то мужчины, старые и молодые, стали пугать ее и оглушать страшными вопросами:

– Шпионов нет ли, мамаша?

Клавдия Антиповна в ужасе крестилась:

– Что ты, сыночек! Какие такие шпиёны?

Но вот к ней подошла девушка в зеленом шелковом плаще.

– Это они про книжки спрашивают, бабушка, – смеясь, пояснила она. – Книжки у вас есть?

Старушка подозрительно огляделась:

– А зачем им мои книжки?.

– Купить хотят, бабушка. Здесь книжный рынок.

Клавдия Антиповна подумала и сказала:

– Книжки есть. Да я их в магазин несу и в библиотеку.

Обступившие старушку книжники зарычали, как целый хор «варяжских гостей»:

– Успеешь в магазин, бабка. Ты их нам покажи.

Старушка была очень удивлена:

– Да как же это? Прямо на улице?...

Девушка улыбнулась и хотела уже отойти, но вдруг услышала:

– Да и не русские они. Французские книжки.

Книжников будто струей из шланга обдало, они сразу же утратили всякий интерес к старухе и к ее кошелке. Но девушка вернулась и спросила:

– А какие у вас французские книжки? Я читаю по-французски.

– Да не знаю, доченька. Я в них ничего не понимаю. Книжки ведь не мои, чужие.

И как раз в эту минуту перед Клавдией Антиповной возник Фенимор Куприн...

Нужно сказать, что женщинам всего мира Фенимор Куприн предпочитал именно таких старушек, в кошелках которых иной раз можно было откопать старинные ро-

манчики, за которые даже букинисты рисуют в накладных трехзначные цифры...

Фенимора Куприна несколько смутило, что книжники отхлынули от старушки, хотя вблизи не было ни одного милиционера.

– Ой, какие интересные книги! Продайте их мне, бабушка! – услышал он восклицание девушки и понял, что пикировать надо немедленно.

Сняв темные очки, он строго спросил:

– Это на каком же законном основании вы, гражданочка, покупаете книги в неуказанном месте?

Девушка оторопела и положила книги обратно.

– Я только хотела спросить, – испуганно пролепетала она. – Здесь французские книжки, а я...

Брови у Фенимора Куприна полезли вверх, а усы опустились вниз.

– Французские? – разочарованно опросил он. – Ну, тогда конечно. Этот товар никому не нужен.

– Да нет уж! – решительно заявила Клавдия Антиповна, запахивая кошелку. – Я в магазин пойду, как мне велено. А вот эту старинную книгу в библиотеку снесу. Мне за нее много денег дадут.

Фенимор Куприн весь превратился в слух.

– Это что ж за книга такая? Про любовь или, обратно, приключения?...

– Да уж и не знаю, гражданин хороший, какая она есть, – деловито и не без хвастовства ответила Клавдия Антиповна, – а только мне вот записку дали и сказали: «Несите, мол, Клавдия Антиповна, эту книгу поскорейча в библиотеку, потому как она очень ценная и у нас денег не хватит, чтоб ее купить».

– Вот тебе и на! – радостно воскликнул Фенимор Куприн. – Да ведь это ко мне записка! Я и есть главный начальник над всеми библиотеками.

Старушка и девушка – одна растерянно, другая с удивлением – глядели на «главного начальника над всеми библиотеками».

– Ну, вам прямо повезло, мамаша, что вы меня повстречали! – с довольным видом продолжал Фенимор Куприн. – Ведь сегодня воскресенье, а мы по воскресеньям не торгуем... то есть отдыхаем вообще... А что у вас за книга такая, разрешите взглянуть?

Старушка торопливо порылась в кошелке и вытащила толстую старинную книгу без верхней крышки.

Фенимор Куприн недоверчиво повертел ее в руках:

– Тоже нерусская? Гм!.. И в плохом состоянии...

Девушка стояла тут же. Подошел и Волошин. Через плечо Фенимора Куприна он старался разглядеть книгу, но не менее интересно было ему посмотреть, что будет жулик делать дальше.

– Это моей бывшей барыни книга, Евгении Феликсовны. Она сказывала, что книге этой больше тысячи лет, – многозначительно произнесла Клавдия Антиповна.

– Это конечно, – глубокомысленно изрек Фенимор Куприн, уже уяснивший, что старинную книгу надо отнять у старушки во что бы то ни стало. – Да-а... В старые времена люди были очень некультурные. С книгами обращаться не умели. И вот пожалуйста... – показывая девушке книгу, презрительно продолжал Фенимор Куприн. – Переплет начисто отчекрыжили, а в титульный лист небось селедку завернули. Эпоха древняя, народ несознательный.

А теперь куда она годится?... Сколько за нее, к примеру, взять можно? Слезы! Правильно я говорю, барышня?

Девушка уже заметила наблюдавшего за Фенимором Куприным юношу в голубой тенниске. Его насмешливый взгляд был устремлен на болтливого жулика. Девушке стало смешно, и она прыснула в кулак. Но юноша строго посмотрел на нее и приложил палец к губам.

– Книга без переплета – это все равно что невеста, стриженная под бокс, – резюмировал Фенимор Куприн. – Но поскольку вас, мамаша, ко мне послал с запиской мой друг и товарищ, то извольте, я могу купить ее у вас, но только по номиналу, то есть по государственной цене...

Он перевернул книгу, однако, к своему удивлению, не увидел на плотной коже переплета никакой цены.

– Гм!.. Номинал не обозначен... В общем, я, как опытный товаровед, могу оценить ее в двенадцать рублей и тридцать восемь копеек. Получайте деньги, мамаша, и поспешите в молочную за сливочным маслом...

Фенимор Куприн сунул книгу за пазуху и полез в карман за деньгами.

Старуха растерянно поглядела на девушку, потом на Фенимора Куприна.

Девушке очень хотелось вмешаться и прекратить наглую комедию, которую разыгрывал у нее на глазах явный жулик. В этот момент сзади к Фенимору Куприну подошел Волошин и протянул ему свою бригадмильскую книжку.

– А такую книжку вы когда-нибудь читали, гражданин? – спросил он.

Фенимор Куприн, видимо, уже не раз читал такие книжки.

– В чем дело?! – завопил он. – Я честно покупаю у гражданки ее книгу!

Волошин взял его за руку:

– Пройдемте в отделение...

Но Фенимор Куприн быстро и крепко ударил его по руке и метнулся в сторону. Волошин бросился за ним и на ходу засвистел в милицейский свисток. Однако Фенимор Куприн знал, как нужно в толпе уходить от милиции: он нагнулся и стал петлять под ногами у книжников, будто что-то искал. Его никто не задерживал. Так он добрался до ближайшего подъезда и юркнул в него.

Кто-то кивнул Волошину на подъезд. Он ворвался туда, но услышал лишь, как гудит лифт. Лифтера не было. Увидев двух вбежавших в подъезд милиционеров, Волошин

быстро обрисовал им наружность убежавшего жулика и послал во двор одного милиционера.

– Он может выбраться через какую-нибудь квартиру и черный ход.

В этот момент где-то наверху послышались голоса и хлопнула дверь.

– Так и есть!..

Волошин попросил второго милиционера остаться в подъезде, а сам помчался вверх по лестнице, отмахивая по две-три ступеньки. На верхней площадке он увидел пустую кабину лифта с приоткрытой дверью. Фенимор Куприн исчез...

«Значит, через верхнюю квартиру перемахнул во двор, – подумал Волошин. – Но через какую? Тут их три».

Он, не раздумывая, позвонил в первую и угадал. Дверь открылась, и на пороге появился солидный мужчина в пижаме.

– В чем дело?! – раздраженно спросил он.

Волошин показал свою книжку и быстро объяснил:

– Скрылся жулик. Украл ценную книгу. К вам заходил?...

Мужчина в недоумении оглянулся, за ним стояли испуганные домохозяцы.

– Опять двадцать пять! Только что один бригадмилец уже промчался через нашу квартиру в погоне за каким-то жуликом...

Волошин протиснулся в переднюю:

– Простите, но я вынужден... Где он?... Скорее!

– Пробежал на кухню, а потом на лестницу черного хода, – сказал мужчина в пижаме.

– Ход на чердак здесь?

– Забит.

– Благодарю!..

Волошин выбежал из кухни и по черной лестнице помчался вниз. Уже добежав до второго этажа, он услышал голос милиционера:

– Товарищ бригадмилец! Здесь он! Задержан!

Волошин увидел Фенимора Куприна.

– Книга! Где старинная книга?! – крикнул он и, не ожидая ответа, запустил руку за пазуху жулика.

Книга была там. Волошин вытащил ее.

– Вы не имеете права! Я купил ее! – заорал Фенимор Куприн. – Я буду жаловаться!

Уже спокойно Волошин сказал милиционеру:

– Доставьте его в отделение, товарищ старшина. А я найду старуху, у которой он выудил эту книгу.

Он побежал к воротам. Толпы книжников, как кучевые облака, все еще блуждали по тротуарам: ни милицейские свистки, ни погоня за жуликом не могли их рассеять. Волошин пробрался на то место, где он оставил старуху и девушку в зеленом плаще, но ни той, ни другой не нашел. Несколько раз он прошел по тротуарам, зорко поглядывая по сторонам. Старуха и девушка исчезли бесследно...

Волошин решил отправиться в отделение. К своему удивлению, он нашел там, кроме Фенимора Куприна, и девушку, которая хотела купить у старухи французские книги.

– Наконец-то! – обрадованно воскликнула она. – А я пришла как свидетельница. Этого жулика надо хорошенько проучить.

– А старушка где? – спросил Волошин.

– Видали?! Потерпевшая даже не явилась! А меня приволокли! Безобразие! – завопил Фенимор Куприн.

– Гражданин Феклин, помолчите! – спокойно приказал дежурный.

– Я не знаю, где она сейчас, – стала объяснять Волошину девушка. – Ее буквально за руку уволокли в сторону, когда началась кутерьма с этим жуликом. Я только слышала, как какой-то тип крикнул ей: «Уходи, бабка! Его поймают, тебя по судам затаскают!» – и потащил старуху в толпу. Как хорошо, что вы спасли эту книгу! Ее непременно нужно сдать в Ленинскую библиотеку.

– Книгу нельзя никуда сдавать, гражданка, – официальным тоном произнес дежурный, оторвавшись от акта, который он составлял. – Это вещественное доказательство.

– Ничего, сдадим потом, – успокоил девушку Волошин. – Но как нам найти старушку? Ведь она потерпевшая, она владелица книги, которую мы спасли.

Девушка пожала плечами:

– Не знаю...

Дежурный по отделению записал ее показания. Выяснилось, что девушку зовут Тася (Анастасия), а фамилия ее Березкина и что она студентка французского отделения Института иностранных языков.

Волошин и Тася вместе вышли из отделения милиции и направились к площади Свердлова. По дороге они говорили о книгах, о шахматах, о боксе. Со смехом и с возмущением Тася вспоминала, как Фенимор Куприн на ее глазах «покупал» у старухи древнюю книгу. Ей было жалко бедную старушку.

– Давайте найдем ее! – предложила Тася.

– Что ж, попробуем, – охотно согласился Волошин. – В конце концов, это по моей вине старуха лишилась своей книги. А книга, по всем данным, идейная.

– Какая? – удивленно опросила Тася.

Он улыбнулся:

– Это у меня привычка. Все хорошее я называю «идейным», все плохое «безыдейным».

– Ах, вот как! Ну, тогда, если не хотите быть «безыдейным» бригадмилцем, найдите старушку, – наставительным тоном сказала Тася.

ПОЧЕМУ ВЗВОЛНОВАЛСЯ ПРОФЕССОР СТРЕЛЕЦКИЙ

Прошла неделя после происшествия на книжной толкучке, а новый знакомый позвонил Тасе Березкиной всего один раз. Он рассказал, что обошел все московские букинистические магазины, торгующие иностранными книгами. Он надеялся, что старушка с кошелкой все же снесла свои французские книжки букинистам и тогда по накладной можно было бы узнать ее фамилию и адрес. Но никто не приносил в эти магазины книг, названия которых Тася ему сказала. Ничего не могли сказать о старушке и в книжной лавке писателей.

– Бедный! – воскликнула Тася. – Вы, наверное, замучились. Все магазины обошли!..

– Нет, не очень замучился, – беспечным тоном ответил Волошин. – В Москве всего лишь... два букинистических магазина берут и продают безыдейную иностранную литературу.

У него были лукавые глаза. Тася не видела их, но знала, что они сейчас такие.

Он пригласил ее сходить в кино, но Тася отказалась: приближались экзамены.

Отойдя от телефона, она села на диван и задумалась над книгой, вспомнила шапку каштановых волос, четкий профиль с длинноватым «гоголевским» носом, веселые карие глаза...

«Любит книги... Увлекается боксом и шахматами... Бригадмилец... Любопытный парень»...

Через неделю Иван Волошин снова позвонил Тасе. В его тоне уже не было обычного спокойствия и шутливости.

— Нам необходимо встретиться немедленно, — торопливо сказал он. — Чрезвычайное происшествие с нашей древней «библией»...

— Что случилось?

— Нас обоих хочет видеть профессор Стрелецкий. Это знаток древней литературы.

Итак, старинная книга уже попала в руки ученых.

— Хорошо. Когда мы должны к нему явиться?

— Сегодня в любое время. Он ждет нас...

Они условились встретиться через полчаса в Александровском сквере напротив обелиска.

Тася пришла в сквер почти вовремя, опоздав всего лишь на двадцать минут.

Молодой бригадмилец мрачно буркнул:

— Салют! Идемте...

— В отделение? — смеясь, спросила Тася.

— Я по дороге расскажу, что знаю. Профессор живет недалеко, на Волхонке.

У Волошина был озабоченный вид. Он шагал так, что Тася едва поспевала за ним.

– Дело о покушении гражданина Феклина мошенническим путем присвоить книгу, принадлежавшую неизвестной гражданке, приостановлено из-за отсутствия потерпевшей, – стал он объяснять Тасе, подражая языку милицевских протоколов. – Но по ходу следствия вещественное доказательство, то есть старинная книга, было передано на экспертизу профессору Стрелецкому Игнатию Яковлевичу. Этот ученый установил, что книга имеет большое... ну, как бы это сказать... культурное значение как памятник древней литературы...

– Да, но мы с вами тут при чем? – спросила Тася. – Если книга ценная, пускай отдадут ее в Ленинку, и все...

– Нет, не все. Мы с вами только звено в цепи. Профессор хочет найти пропавшую старушку. И мы должны ему помочь. Шире шаг, Настенька!

– Я не Настенька, а Тася, – с обидой ответила девушка.

– Жалко! Настенька хорошее русское имя.

– Идейное?

– Вполне...

Они прошли кремлевским сквером и, миновав Каменный мост, через маленький старинный Лебяжий переулок вышли на Волхонку.

– Здесь, – остановившись, сказал Волошин и указал на высокий дом.

Им открыла пожилая женщина в белом пуховом платке, накинутом на плечи. Внимательно посмотрев на Волошина и Тасю, она сказала:

– Игнатий Яковлевич вас ждет. Он в кабинете...

Волошин постучал в дверь кабинета. Кто-то высоким пальцем прокричал:

– Войдите!

Они вошли в большую, высокую комнату, уставленную книжными шкафами и шестиярусными стеллажами. Кроме книг, здесь были лишь письменный стол и кожаные кресла. Но и они, то есть стол и кресла, также были завалены книгами: старыми, пожелтевшими, в кожаных переплетах с медными пряжками, книгами новыми, еще пахнущими типографской краской, книжечками миниатюрными, которые можно спрятать в рукаве, книжками среднего формата и огромными, как надгробные плиты, инкунабулами. Это была скорее библиотека, чем кабинет... Здесь были собраны тысячи книг. Одни из них чинно стояли на полках, другие вповалку лежали на креслах, третьи Монбланами высились на письменном столе, а некоторые просто стопками стояли на паркетном полу подле полок. Видимо, у хозяина этой библиотеки хватало времени снять с полки, просмотреть или прочитать нужную книгу, но водворить ее на место у него уже не хватало ни духу, ни времени... Но где же он? Где хозяин этой библиотеки?...

– Я здесь! Здесь, молодые люди! Сейчас я к вам сойду! – пропищал кто-то тоненьким голоском позади них.

Только тут Волошин и Тася заметили стремянку, на верхней широкой ступеньке которой сидел с книгами на коленях маленький человечек в больших стариковских очках. Это и был профессор Стрелецкий, ученый с мировым именем, арабист, автор многих трудов по древнерусской литературе и знаток литературы древнего Востока. Ему недавно исполнилось семьдесят лет, но он весь све-

тился, блестел, подрагивал, как ртутный шарик. Со стремянки он не сошел, а скатился... Своей белой вздыбленной шевелюрой, пышными приглаженными усами, бритым лицом и острыми, наблюдательными глазами он напомнил Тасе какого-то композитора, которого она видела на фотографии в журнале. Но какого, она никак не могла припомнить.

Стрелецкий сунул Тасе и Волошину маленькую сухую руку и сказал:

– Бригадмилец Иван Волошин и студентка Анастасия Березкина. Очень приятно!

– Бригадмилец – это моя побочная профессия, – сказал Волошин.

– Знаю! Знаю! – воскликнул профессор. – Вы техник-электрик и большой любитель книг. Все знаю!.. А вы будущий педагог и знаток французского языка, Настенька. Правильно?

– Она не Настенька, а Тася, – стараясь избежать взгляда девушки, сказал Волошин.

– Тася! Чудесное имя! – с восторгом воскликнул Стрелецкий и повел своих гостей к письменному столу. – Садитесь!

Гости недоверчиво поглядели на кресла, заполненные книгами, и остались стоять.

– Ах, книги! – воскликнул Стрелецкий и беспомощно оглянулся. – Маша! Машенька! – позвал он.

В дверь заглянула жена Стрелецкого.

– Там кто-нибудь есть? Принесите стулья.

Профессорша сокрушенно покачала головой и ушла.

– Вы знаете, зачем я позвал вас, друзья мои? – спросил профессор, остановившись перед Тасей.

– Нет, я не знаю, – тихо сказала она.

– Мы немного догадываемся, – поправил ее Волошин.

Домработница внесла стулья. Тася и Волошин сели, но Стрелецкий остался на ногах. Заложив большие пальцы в карманы жилетки, он засеменял по кабинету, то удаляясь к двери, то возвращаясь к столу.

«Григ!.. Эдвард Григ! – вспомнила Тася. – Вот на кого похож лицом этот маленький старик».

– Произошло совершенно необыкновенное, невероятное событие! – заговорил тонким, дребезжащим, взволнованным голосочком Стрелецкий, путешествуя по кабинету. – Невольно вы приоткрыли завесу над тайной, которая волнует вот уже много лет целые поколения ученых...

Волошин и Тася переглянулись.

– Да, да, друзья мои! Не удивляйтесь.

Стрелецкий схватил со стола толстую старинную книгу и поднял над головой (Тася узнала в ней ту самую книгу, которую старался выудить у старушки на Кузнецком мосту Фенимор Куприн).

– Эта книга есть не что иное, как антология византийских поэтов пятого века. Составителем ее был один из интереснейших представителей византийской культуры – Агафий, ученый и поэт...

Тася уже с интересом смотрела на старинную книгу. Листая ее и любуясь, Стрелецкий вновь засеменял по кабинету, потом положил книгу на стол и продолжал:

– Она сама является большой ценностью. Но... – Стрелецкий умолк и остановился перед Тасей. Он посмотрел на нее гипнотизирующим взглядом. Казалось, он сейчас протянет вперед руку повелительным жестом и

скажет: «У вас в сумочке тринадцать рублей двенадцать копеек, билет на метро, флакончик с духами «Белая сирень» и паспорт серии СХХ за номером 705532, выданный пятидесятым отделением милиции»... – Но, – снова многозначительно повторил профессор, – сейчас нас интересует уже вопрос, откуда она взялась, как вынырнула из тьмы веков, где была погребена, захоронена сотни лет назад...

Тася и Волошин переглянулись, они ничего не поняли. Стрелецкий, как он ни был взволнован, все же заметил это.

– Бедные мои воробышки! – воскликнул он сокрушенно. – Вы ничего не понимаете! Вы уже с опаской поглядываете на старого профессора и думаете: «А не спятил ли старичок с ума?...»

– Что вы! Мы очень заинтересованы! – сказала Тася и посмотрела на молодого бригадмилца. – Правда?

– Истинная правда! – подтвердил Волошин. – Я жду, что вы, профессор, расскажете нам какую-то интересную историю.

– Да! Да! Да, друзья мои, я расскажу вам совершенно удивительную историю библиотеки Ивана Грозного.

ПРОПАВШЕЕ СОКРОВИЩЕ

Профессор Стрелецкий остановился посреди комнаты и задумался: история, которую он собирался рассказать своим молодым гостям, была столь необычна, что надо было подумать, с чего начать и как ее изложить.

– Вы, очевидно, знаете, – сказал наконец Стрелецкий, – что царь Иван Четвертый был культурнейшим человеком своей эпохи: он много знал, много читал и писал. Одна

только его переписка-полемика с князем Курбским дает представление об Иване Васильевиче как о крупном русском государственном деятеле, о просвещенном, талантливом писателе-публицисте своего времени... К сожалению, до нас дошли лишь отдельные документы из архива Грозного. Весь же архив Ивана Васильевича вместе с его богатейшей по тем временам библиотекой до сих пор еще не найден...

– Не найден?! – с волнением переспросила Тася.

– Нет, милая девушка, не найден... – качнув своей львиной гривой, ответил маленький профессор. – Особенно приходится пожалеть, что не найдена библиотека Ивана Васильевича. Нам известно, что эта библиотека была редчайшим в мире собранием древних рукописных книг и свитков, европейских книжных уникумов и раритетов. Кроме книг и свитков греческих, египетских, индийских, персидских, там были также собраны Иваном Васильевичем и древнерусские рукописные и первопечатные книги, напечатанные еще до Ивана Федорова. Вполне возможно, что в библиотеке Грозного сохранился и подлинник замечательного памятника древней русской литературы – «Слова о полку Игореве»...

Волошин весь превратился во внимание. Тася слушала Стрелецкого с горящими глазами, ее щеки даже зарумянились от волнения.

– Но начало этой замечательной сокровищницы древних культур было положено не самим Иваном Васильевичем, а его бабкой, византийской царевной Зоей Палеолог, получившей в Риме униатское имя Зоя-Софья, а, затем, после того как она вышла замуж за деда Ивана Грозного,

великого князя московского Ивана Третьего, названной Софьей...

Профессор Стрелецкий подошел к книжной полке, протянул руку и вытащил какую-то пухлую книжку, на черном переплете которой были изображены золотые короны, окруженные белыми цветками, похожими на ромашки.

– Это одна из пяти книг современного большого исторического романа. В нем описаны события, происходившие на Московской Руси во второй половине пятнадцатого века, – сказал Стрелецкий, листая книгу с таким видом, будто он не решил еще, цитировать ему эту книгу или нет. – Автор попытался воспроизвести портрет Софьи Палеолог, этой своеобразной личности, сыгравшей в пятнадцатом веке немалую роль в борьбе за единое и независимое русское государство.

Иван Волошин пригляделся к переплету книги и вдруг сказал:

– Я читал это сочинение, профессор. Каюсь, все не одолел, но про царевну Зою прочел...

– Ах, вот как! – воскликнул Стрелецкий, испытующе глядя на Волошина.

– Про Зою я запомнил только то, что она беспрестанно, чуть ли не сорок лет подряд, говорила про себя: «царевна провослявна», «царевна маля-маля разумей русски», что она была папской шпионкой в Москве, отравила своего пасынка и... да, кто-то в книге назвал ее «гнидой»...

Тася испуганно глядела на Волошина. Она не знала, понравится ли такая явно ядовитая характеристика греческой царевны профессору Стрелецкому. Но тот весело

рассмеялся и поглядел на бригадмилыца с дружелюбным юмором.

– К сожалению, это так, друг мой, – сказал он. – Автор романа почему-то невзлюбил царевну Зою, обрисовал ее зловредной дурочкой и даже не постеснялся чужими устами прилепить ей обидный ярлык «гнида»... А между тем она была далеко не дурочкой и уж никак не агентом папы римского. Она, так же как и ее супруг Иван Третий, хотела укрепления централизованной царской власти в Москве, она путем всяческих интриг, вплоть до отравления пасынка, расчищала путь к престолу своему сыну Василию, который в глазах всего мира явился бы прямым наследником не только русского престола, но и престола Византии и морей, захваченных турками в те годы. Зоя-Софья, несомненно, считала, что придет время, когда русские воины во главе с полувизантийским царем освободят от турецкого ига балканских славян и близких им по религии греков. Вот почему она настояла, чтобы российским государственным гербом стал герб Византии – двуглавый орел...

Стрелецкий уже заволновался, зажегся; он бегал по комнате, размахивая книгой с ромашками, и, очевидно, обращался ко всем читателям этой книги.

– Этот герб был потом опозорен тупыми русскими самодержцами. Но ведь на знаменах Суворова, на знаменах русских полков, разгромивших турецких захватчиков в Болгарии, в Молдавии, на Кавказе, был именно этот герб... Как же можно называть «гнидой» женщину, искренне любившую свою родину, женщину, желавшую, чтобы сын ее или внук освободил дорогую ее сердцу Византию и ро-

дину отца – балканскую Морею?... Но почему же вся ее деятельность была направлена на возвышение Москвы, а не Рима? Почему даже сам этот автор пишет об унижениях, которые терпела Зоя в Риме?...

Он отложил книгу, уже спокойно зашагал по кабинету и заговорил:

– Нельзя отрицать, что автор сообщил читателю много интересных и ценных сведений. А вот с цареградской царицей ему не повезло. Он рассказал нам все, что касалось ее наружности, но ни словом не упомянул о больших культурных ценностях, привезенных ею в Москву, о богатейшем собрании манускриптов древнего мира, служивших украшением книгохранилища византийских цариц и константинопольских патриархов до нашествия турок... Нигде ни единым словом автор не упоминает, как тревожилась Зоя о величайших ценностях древней культуры, как вызвала из Италии зодчего Аристотеля Фиоравенти для того, чтобы обнести Кремль вместо деревянных стен каменными высокими крепостными стенами, а под Кремлем создать целый подземный город с тайниками, потайными ходами и лестницами. В одном из этих подземных тайников она захоронила свои книжные сокровища. Теперь она была спокойна: ни набег татар, ни постоянные пожары в деревянной Москве не угрожали древним свиткам и книгам...

– Как это интересно! – воскликнула Тася. – А я ничего об этом никогда не слыхала!

– К сожалению, об этом мало кто знает, милая девушка, – добрым, отеческим голосом сказал Стрелецкий. – А те, что знают, всегда торопятся объявить это легендой, апокрифом.

– Но под землей сыро, профессор! – резонно заметил Волошин. – Никакая библиотека долго в земле не пролежит...

– Очень дельное замечание, юноша! Но я могу вас успокоить. Наш замечательный архитектор академик Щусев в свое время ознакомился с записями Фиоравенти и доказал, что под Кремлем действительно был сооружен книжный тайник и при этом выложен особым камнем, не пропускающим никакой сырости, так называемым «мячиковым камнем»... Вот почему, друзья мои, мы уверены, что библиотека царевны Зои уцелела и перешла к ее внуку, к царю Ивану Васильевичу Грозному... Но после смерти Грозного никто и никогда не мог отыскать эту замечательную библиотеку, хотя мы почти точно знаем место в подземельях Кремля, где она была захоронена царевной Зоей «на вечное хранение»... Знаем мы также примерно, из каких книг и рукописей состояла эта библиотека. В одной только своей переписке с Курбским Грозный цитирует многих древних авторов. И, уж конечно, цитировал он их не с чужих слов, не понаслышке.

Стрелецкий подошел к полке и взял толстую книгу:

– Но вот профессор Сергей Белокуров, знаменитый библиофил!.. Это его книга «К истории духовного просвещения в Московском государстве XVI-XVII веков», тире, «Церковные или светские книги были в библиотеке московских государей XVI века», вопросительный знак³⁴... Название косноязычное, но не в нем суть... Так вот, этот умник профессор не поленился, перерыл всю литературу,

³⁴ Подлинное название книги профессора С. Белокурова.

относящуюся к библиотеке Ивана Грозного, и «доказал», что никакой библиотеки у того не было, что Зоя-Софья ничего с собой не привезла и что все доказательства существования культурной сокровищницы русского народа – это либо бред сумасшедших, либо фальсификация истории...

Тася уже с негодованием смотрела на книгу Белокурова. Ей так понравилась загадочная история библиотеки Грозного, что каждого, кто развенчивал эту чудесную тайну, она уже считала своим врагом.

Волошин же взял в руки книгу Белокурова и внимательно стал ее листать:

– Интересно! Надо почитать, Настенька...

– А я и читать ее не стану! – сердито сказала Тася.

– Правильно, Тасенька! – воскликнул Стрелецкий. – Это желчный реакционный писака, не любящий русский народ... Вы, юноша, вот это лучше почитайте! – Стрелецкий указал на другую старинную книгу. – Это один из сборников летописей Троице-Сергиевской лавры... – Он быстро раскрыл книгу на нужной ему странице. – Вот: «При державе великого князя Василия Ивановича...» Это отец Грозного «...повелением его прислан из грек монах Максим... Бе же сей Максим Грек велми хитр еллинскому, римскому и словенскому писанию. На Москве егда же узре у великого князя в царской книгохранительнице книг много и удивися и поведи великому князю, яко ни в греческой земле, ни где он толико множество книг не сподобися видети³⁵ ...»

³⁵ Воспроизводится подлинный документ.

Стрелецкий отложил книгу. Его взгляд горел, пожалуй, так же ярко, как костер, на котором жгли протопопа Аввакума.

– Так гласит древняя летопись. А профессор Белокуров покопался в писаниях Максима Грека и с кислым видом объявил: «Да... действительно, переводил для великого князя какие-то книжонки, а фактической справки по вопросу о библиотеке не представил...»

Тася была возмущена до глубины души:

– Не понимаю! Почему наши издательства выпустили такую чушь!..

Волошин пододвинул ей книгу Белокурова и, ехидно улыбаясь, указал на год издания: «1899»...

Тася покраснела и чуть не швырнула в него ненавистную книгу.

– Но в фальсификаторы попал не только древний летописец, но и профессор Юрьевского университета Дабелов. В 1820 году в городе Пернове он случайно нашел часть списка библиотеки Грозного. Этот список, по свидетельству ливонца Ниенштедта, составил пастор Веттерман в Москве в шестнадцатом веке... Но профессор Белокуров без всяких доказательств объявил этот список подделкой³⁶...

Голос Стрелецкого звенел, Тася смотрела на него с восхищением. Она чувствовала, что уже любит этого старика, как родного отца... Даже спокойный, уравновешенный Волошин залюбовался гневным и страстным лицом Стрелецкого.

³⁶ Здесь приведены подлинные факты и имена.

«Хорош старичок!.. Сурикова бы сюда или Репина», – подумал он.

– Кто же, в таком случае, фальсификатор, друзья мои? – спросил Стрелецкий. – Белокуров умер... Мертвые сраму не имут... Но его последыши остались... Кто они? Слепые кроты или жабы, равнодушные ко всему истинному. Они меня сумасшедшим объявили... Они травят меня... Но не в этом дело... Простите, я отвлекся...

Стрелецкий подошел к письменному столу, поднял какую-то пожелтевшую тетрадь и сказал торжественно:

– Вот неполная копия перновского списка книг и свитков, входивших в библиотеку Грозного. Вот здесь значится антология византийской поэзии «Киклос», составленная в пятом веке Агафием, юристом и поэтом. Это та самая пергаментная книга, которую вы спасли на Кузнецком мосту. А против нее стоит пометка: «дарена...» и далее неразборчивое слово. То ли эту книгу кто-то подарил Грозному, то ли он кому-то ее подарил, и таким образом она дошла до нас... – Стрелецкий взял со стола древнюю пергаментную книгу и поднес ее к Тасе и Волошину. – Теперь вы понимаете, друзья мои, почему так заволновался я, когда от следователя ко мне на экспертизу попала эта книга?...

Тася и Волошин смотрели на старого профессора широко открытыми глазами.

– Нам нужно во что бы то ни стало найти старушку, принесшую в букинистический магазин антологию Агафия, – раздельно и четко, как клятву, произнес Стрелецкий. – Что вы знаете о ней?

– Ничего... – ответил молодой бригадмилец.

– Ничего... – подтвердила Тася.

– Как же все-таки ее можно найти? – с надеждой поглядывая то на Тасю, то на Волошина, спросил Стрелецкий.

– Объявление в газете? – неуверенно спросила Тася.

– Нет! – решительно возразил Волошин. – Такие старушки не читают объявлений... – Он встал. – Мы подумаем, профессор...

Стрелецкий проводил их до выхода. Прощаясь, он сказал:

– Вы оба комсомольцы, и потому я очень надеюсь на вас... – Голос его дрогнул. – Я сорок лет ищу эту библиотеку, а до меня ее искали многие русские ученые. Помните это, друзья мои...

* * *

Они молча вышли из высокого дома на тихую Волхонку. Волошин взял Тасю под руку; не сговариваясь, они все так же молча прошли за ограду кремлевского сквера и тихо, не спеша пошли вдоль могучих стен древней русской твердыни...

Высоко в темном небе парила огненная кремлевская звезда. Как маленькие круглые луны, висели в сквере фонари.

Тася и Волошин сели на скамью возле больших цветочных ваз.

От грота у Кремлевской стены, где веселилась и играла молодежь, долетали громкие голоса, а с другой стороны, у Манежа, тихо шелестели шины троллейбусов и машин.

Первой заговорила Тася:

– Подумать только! Вот здесь, где-то в земле, под Кремлем, сотни лет хранятся величайшие ценности человеческой культуры, а найти их никто до сих пор не мог... И вдруг Кузнецкий мост, какая-то старушка с кошелкой, византийская книга, и мы с вами уже вовлечены в разгадку этой удивительной тайны...

– Да! Это история, которую могли бы превратить в великолепный роман Вальтер Скотт, Стивенсон, Хаггард... – задумчиво произнес молодой бригадмилец. Вдруг он весело рассмеялся: – А здорово все-таки профессор отделал этого... Белокурова. Прямо камня на камне не оставил. Да и у вас был такой вид... Белокуров бы не пожалел, что лежит в могиле.

Тася строго посмотрела на него:

– У вас веселое настроение.

Он с удивлением взглянул на нее:

– А отчего мне грустить?

– А хотя бы оттого, что вы бригадмилец и воришку какого-нибудь мелкого сразу же умеете в отделение доставить, а вот старушку с кошелкой найти вряд ли сможете, даже если сегодня ночью всего Конан-Дойля или Честерстона перечитаете.

– Вы, оказывается, девушка с характером.

– Да! И потому я думаю только об одном: как помочь профессору Стрелецкому найти старушку. А вы думаете о каком-то Белокурове.

– Ладно, не будем ссориться... – примирительно сказал Волошин. – Я завтра же подам рапорт начальнику отделения и попрошу, чтобы он побывал в Управлении милиции и привел в движение всех участковых уполномоченных и даже дворников.

– Делайте что хотите, но старуху надо найти.

– Постараемся! – весело сказал Волошин, явно любуясь ее горящими глазами и похорошевшим от волнения лицом.

– Что вы на меня уставились? – смутившись, спросила Тася.

– Да так... ничего... царевна Настенька, – медленно сказал он с улыбкой.

– А вы Иванушка-дурачок! – сердито ответила она, но сейчас же засмеялась и взяла его за руку: – Идемте!

Они дружно зашагали к выходу по аллее ночного кремлевского сквера.

ЭКСЛИБРИС КНЯГИНИ БЕЛЬСКОЙ

Тася сидела за письменным столом в глубоком раздумье. Все, что она узнала вчера от Стрелецкого, лишало ее покоя. Ночью ей снилась царевна Зоя, стройная, одухотворенная девушка из русских сказок, будто сошедшая с лакированной палехской шкатулки. Утром Тася долго разглядывала на цветной репродукции исступленное, безумное лицо Грозного, прижимающего к груди забрызганного кровью, умирающего сына... Тася была впечатлительной девушкой. Тайственный склеп с древними книгами вставал перед ее глазами так явственно, что возвращаться к повседневной жизни ей стоило больших усилий.

Сейчас она сидела за письменным столом в маленьком отцовском кабинете в полной тишине, одна во всей квартире, и усиленно припоминала все, что относилось к исчезнувшей старушке и к ее книгам... Пусть припоминает!

А мы тем временем приглядимся к ней, ибо автор уверен, что теперь Тася уже никогда не отделается от жгучего желания найти таинственную библиотеку царевны Зои и ее великого внука...

Что можно сказать о наружности этой девушки? Либо очень мало, либо очень много. Тася не была красавицей, но не была и дурнушкой. Описывать таких девушек трудно, но попытаться в данном случае стоит... Ее лицо?... Немного скуластое, со слабым румянцем. Тонкий нос (без всяких следов «милрой курносости»), пожалуй, даже чересчур правильной формы. Небольшие глаза, серые с голубизной. Ресницы не длинные, но «вразлет» – стрелками. Четкие у переносицы брови расплываются постепенно в редкий пушок (вполне возможно, что именно рисунок бровей и отражает ее характер). Губы... При внимательном взгляде губы Таси могли показаться слишком тонкими, причем верхняя оказывалась очерченной ясно, а нижняя – слабо. Темно-каштановые волосы почти небрежно зачесаны назад. Суховатые руки с длинными пальцами – «энергичные руки». Тонкие, но крепкие ноги. Тонкая точеная фигура. Скрамное платье. Нитка кораллов на шее. Вот и все... Пройдешь и не заметишь.

В тот самый момент, когда автор поставил точку после слов «пройдешь и не заметишь», светлые глаза Таси, бесцельно перебежавшие от чернильницы к пресс-папье, вдруг ожили. Она вспомнила слова старушки:

«...несите, говорит, Клавдия Антиповна, эту книгу поскореича в библиотеку, потому как она очень ценная книга...»

Тася вскочила.

Клавдия Антиповна!.. Но фамилия? Как ее фамилия?...
На этот вопрос ответа не было. И тогда в напряженно ищущей памяти девушки всплыли другие слова старушки:
«Это моей бывшей барыни книги, Евгении Феликсовны...»

Кто она, эта «барыня»?...

Тася вскочила и схватила трубку телефона:

– Пятидесятое отделение? Бригадмилец Иван Волошин не звонил?... Нет?... Простите...

Тася сердито швырнула трубку.

«Безобразие! Я уверена, что он бездельничает!.. И это от него зависит судьба драгоценной библиотеки Грозного!..»

«Я сорок лет ищу ее», – вспомнила Тася слова Стрелецкого, вспомнила, сколько надежды было в умных, ласковых глазах старика.

Она тяжело вздохнула и стала листать какую-то старую книжку, на титульном листе которой был отпечатан экслибрис:

БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ ПЕРЕЛЕШИН...

Тася задумалась и наморщила лоб:

«Экслибрис... Где?... Чей?... Когда я видела?... Экслибрис... Экслибрис значит – «из книг»...»

Тася отложила книгу, и внезапно перед ее умственным взором возникло маленькое изящное французское факсимиле, окруженное затейливой виньеткой: «Princesse Eugénie Belskaja».

– «Принцес Эжени Бельская...» – прошептала Тася почти испуганно.

Да, да! Именно такое факсимиле она видела на титульном листе дидоновского Ламартина: «Княгиня Евгения Бельская».

Бывшая барыня Евгения Феликсовна. Княгиня Евгения Бельская. Ну конечно же, это она!

Тася вновь бросилась к телефону:

– Пятидесятое отделение? Волошин звонил?... Нет?... Скажите мне его адрес или служебный телефон, немедленно!..

Но дежурный спокойно и официально сказал:

– Адресов наших бригадмильцев посторонним лицам не сообщаем.

– Я не посторонняя! – быстро и взволнованно заговорила Тася. – Меня вместе с товарищем Волошиным следователь направил к эксперту по делу о древней книге...

Дежурный не понял:

– По делу о книге? О какой книге?...

– Это книга Агафия... Византийская.

– А что случилось с этой книгой?

Тася никак не могла объяснить дежурному сложную историю появления и спасения византийской антологии Агафия. Дежурный был «не в курсе дела», и разговор получился путанный.

– Ее пытались украсть, – говорила Тася.

– Так-так. Понятно. Вы, значит, предупредили покушение? – с расстановкой спросил дежурный. Видимо, он уже что-то записывал.

– Предупредила не я, а Волошин, – безнадежно вздохнув, ответила Тася. – Разве вы об этом не знаете?

– Нет... то есть, конечно, может быть, и слышал, но у

нас каждый день происшествия... А вы, значит, эта самая Агафья Византийская и есть? Потерпевшая?...

– Нет, я свидетельница.

– Ага! Понятно...

Дежурный был озадачен и вместе с тем уже заинтересован.

– Как ваша фамилия? – спросил он.

– Березкина Анастасия, студентка...

– Подождите минутку... Не отходите от телефона.

Наступило молчание, в глубине которого булькал чей-то монотонный голос:

– А я вам говорю, товарищ старшина, точно и определенно, что в трезвом виде я не имею привычки кидаться бутылками. И это может подтвердить моя фактическая жена... А что касается моей юридической жены, то это особа антисоветского происхождения...

Минуты через три вновь послышался голос дежурного:

– Гражданин Березкина! Начальник отделения просит вас позвонить бригадмилцу Волошину по телефону Е 8-16-32.

* * *

Волошин примчался на такси. Он был взволнован не меньше, чем Тася:

– Я ничего не понял по телефону. К тому же у нас там адский шум. Какая княгиня? В чем дело?...

Тася рассказала ему, как она сперва припомнила имя и отчество старушки, затем имя и отчество ее бывшей бабыни и, наконец, вспомнила, что видела на одной из французских книг экслибрис княгини Евгении Бельской.

– Ого! Да вы молодец, Настенька! Это же подвиг!.. – восхищенно воскликнул Волошин. – Если мы найдем эту княгиню, я добьюсь ходатайства о награждении вас медалью...

– «...За спасение утопающих»?

– Совершенно верно. Мы привели в действие могучую милицейскую машину, и нам угрожает опасность утонуть в многотысячных массах старушек, с которыми мы должны познакомиться.

– Ох, как жалко, что я поспешила! – с искренним сожалением воскликнула Тася.

Но, по-видимому, даже зная имя, отчество и фамилию настоящей владелицы французских книг и антологии Агафия, не так легко было в многомиллионном людском море Москвы отыскать «княгиню Евгению Феликсовну Бельскую».

Волошин безмолвствовал весь следующий день и позвонил лишь вечером.

– Ну? Говорите скорее! – крикнула в трубку Тася.

– Следы княгини Евгении Бельской найдены, – спокойно сообщил Волошин. – Но они найдены не в адресном столе, а в отделе регистрации умерших бывшего Москворецкого загса...

– Она умерла?

– Да... В тысяча девятьсот двадцать пятом году. Там же, в загсе, я узнал ее последний адрес. Она жила на Ордынке.

– Едемте сейчас же туда! – приказала Тася.

– Не могу, – устало сказал молодой бригадмилец. – Я уже две ночи не сплю из-за вашей старушки и ее бывшей барыни... Я валюсь с ног.

Но Тася была неумолима и безжалостна.

– Дайте мне адрес! Я поеду сама...

– Завтра... Вместе...

– Я сойду с ума! Вы хотите, чтоб я поседела за эту ночь?

Он рассмеялся:

– Седая девушка! И с таким характером... Мне очень хочется посмотреть на вас сейчас, но все же я отложу это удовольствие до завтрашнего дня.

Она успокоилась, в ней проснулась благодарность к этому спокойному и энергичному парню. Тася сказала:

– Простите. Я сумасшедшая.

– Вы такая, как надо.

– Идите спать... Ваня.

– Спокойной ночи, Настенька, – сказал он и повесил трубку.

В ДОМИКЕ НА ОРДЫНКЕ

О дореволюционном «купеческом Замоскворечье» написано немало, и потому автор не станет здесь перечислять все отрицательные стороны «темного царства». Это сделал Александр Николаевич Островский. О новом же Замоскворечье часто пишут в газете «Вечерняя Москва», не так красочно, как Островский, но все же достаточно подробно.

Автор только ненадолго остановится вместе с читателем возле маленького одноэтажного домика за зеленым палисадом на одной из самых замоскворецких улиц (если так можно выразиться), на Большой Ордынке. Окружен-

ный многоэтажными домами, этот старый домик производил впечатление барыни и няни с известного полотна «Все в прошлом», попавших в современную Москву. Когда-то этот домик был нарядным купеческим особнячком средней руки. Сейчас, забытый жилуправлением, он пришел в упадок, но населен тем не менее густо. В то утро, когда Волошин и Тася остановились у его палисада, самая юная часть обитателей домика под присмотром старушек играла во дворе в салки или, в зависимости от настроения, пела, дралась, смеялась и плакала.

– Здесь, – сказал Волошин. – Сейчас мы выберем наиболее идейную старушку и учиним ей допрос.

Они прошли во двор и присели на скамью подле одной из старушек. Определив по типу лица, что старушка эта скорее всего татарка, Волошин вежливо произнес:

– Селям алейкум, апа!

Старушка не поняла и на чистейшем русском языке спросила, что ему нужно. Завязался оживленный разговор, к которому вскоре присоединились старушки со всего двора. Но Клавдии Антиповны «среди них не было». Оказалось, что она действительно живет в этом доме уже много лет, но служит через три дома отсюда «собачьей бонной», то есть выводит гулять болонку, по кличке «Мадам Бовари», принадлежащую какой-то тощей пожилой аспирантке.

Оказалось также, что одна из старушек, живущая в этом доме с восемнадцатого года, отлично помнит княгиню Евгению Феликсовну Бельскую:

– Нерусская она была, француженка, что ли, и часто какие-то чудные слова говорила. Говорит, а сама смеется – забыла, мол. Только она редко смеялась. Как сейчас я ее

вижу: тоненькая, будто колосок, бледная и все кашляла. Глаза большущие и печальные, горе у нее какое-то на сердце лежало... Наша Антиповна любила ее, как за родной сестрой ухаживала, и все же померла она, касатка. Сказывала Антиповна, будто сохла ее барынька по каком-то князе или графе, а он, вишь, в уме повредился и без вести пропал...

Все это благодушная круглолицая старушка излагала не торопясь, певучим голосом, будто сказку о спящей царевне рассказывала. Закончила она свой рассказ громким голосом:

– Игорь! Брось палку, халюган! Вот скажу матери!..

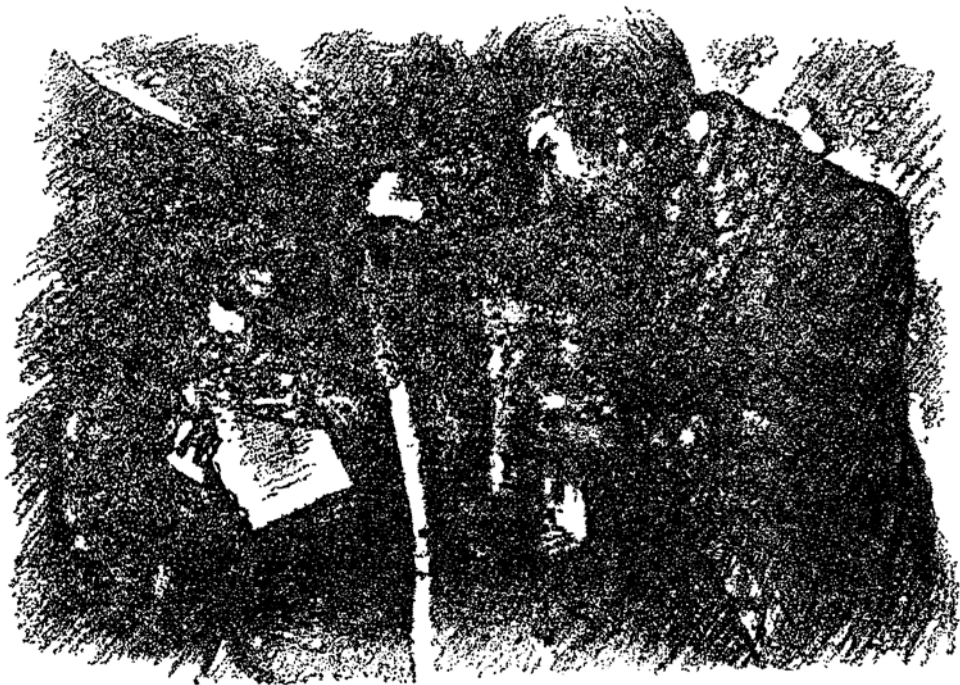
Игорь бросил палку и, по просьбе своей бабушки, охотно сбежал за «Антиповной». Та вскоре пришла, неся на руках крохотную аспирантскую Мадам Бовари, покрытую кокетливой попонкой. Старушка узнала Тасю и очень обрадовалась ей, а на сообщение Волошина, что старинная книга нашлась, Клавдия Антиповна только рукой махнула:

– Отдайте ее ученым людям, а то с нею только беды наживешь...

Они прошли в дом. Клавдия Антиповна ютилась в маленькой каморке, большую часть которой занимал пузатый темно-красный комод. Над комодом, в красивой золоченой раме, висел среднего размера портрет молодой женщины, написанный тушью.

– Она... – грустно глядя на портрет, сказала Клавдия Антиповна. – Ей тогда было двадцать лет...

Не отрывая глаз Тася смотрела на портрет. Лицо Евгении Бельской, чуть удлинненное и излишне бледное, останавливало внимание неожиданной и необычной красо-

той. Его обрамляло облако темных волос и воротник светлой блузки, отделанный кружевами тонкого, как у снежинки, рисунка. Большие глаза смотрели на Тасю настороженно, даже тревожно. Казалось, что женщина, изображенная на портрете, вот-вот спросит: «Вы что-нибудь знаете обо мне, мадемуазель?»

– Какие у нее глаза! – тихо сказала Тася.

– «Меня восхитил портрет госпожи де Гриньян... На этом портрете была изображена молодая женщина, умевшая любить», – задумчиво произнес Волошин.

– Что? – будто очнувшись, спросила Тася. – О чем вы?...

– Я не умею вести идейные разговоры о живописи, Настенька, и потому на авось цитирую Стендаля.

– Она всегда была как малый ребенок, – со вздохом сказала Клавдия Антиповна и погладила Мадам Бовари, за что та немедленно лизнула ее руку. – А как назначили революцию, она даже обрадовалась и сказала мне: «Ну, слава богу, теперь я совсем уйду от князя Андрея, и мы с Платоном поженимся». Вот и «ушла»... на тот свет...

Забыв посмотреть подпись художника, Тася попросила старушку немедленно рассказать ей и Волошину все, что та знала о Евгении Бельской.

Рассказ Клавдии Антиповны заслуживает того, чтобы его привести здесь. Это рассказ о трогательной и большой любви, погибшей при обстоятельствах причудливых и почти фантастических.

Родители молоденькой девушки Эжени де Мерод, обнищавшие французские аристократы, в 1913 году выдали ее замуж за богатого русского князя Андрея Бельского, но Эжени, переехав в Россию, полюбила здесь своего деверя, брата мужа, князя Платона (он был красив и умен, чего нельзя было сказать об Андрее). Свою любовь Платон и Эжени скрывали недолго, скоро все обнаружилось. Но революция заставила Андрея Бельского бежать за границу, а князь Платон тайком увез Эжени из Петербурга в Вологду. Как потом рассказывала Евгения Бельская Клавдии Антиповне, Платон Бельский еще до революции искал старинные книги в каком-то вологодском монастыре. Он часто ездил в Вологду из Петербурга и однажды даже брал с собой свою возлюбленную...

Тут Волошин, внимательно слушавший, спросил ее:

– Вы точно знаете, что он ездил в Вологду?

– В Вологду, сыночек, в Вологду, – подтвердила

Клавдия Антиповна. – Они и меня в тот раз взяли, да только в городе оставили, а сами дальше поехали пароходом по рекам и озерам. Сказывают, там в лесах да за семью озерами обитель древняя стоит, святым Кириллом воздвигнутая. Вот в ту обитель и ездили князь Платон с Евгенией Феликсовной. Там он и книги старинные искал...

– А откуда у Евгении Феликсовны старинная книга взялась, та, что я у жулика отнял? – спросил Волошин.

– А ту книгу князь Платон своей дорогой кралечке еще в первую войну подарил и даже надпись сделал. – Клавдия Антиповна лукаво улыбнулась и продолжала: – А муженек ее возьми да и найди ту книгу. «Вот, – говорит, – какие надписи вам делают, мадам?» А Евгения Феликсовна рассердилась. «Убирайтесь, – говорит, – болван!» – и вырвала у него книгу, да только не всю, верхняя крышка в руках у мужа осталась. Смех и грех!..

– Ну и что же? Нашел князь Платон старинные книги? – нетерпеливо спросила Тася.

– Не знаю, доченька, – ответила старушка и, пригорюнившись, продолжала: – Известно только мне, что ушел он из Вологды, да так и сгинул навеки...

– Почему ушел? – деловито спросил Волошин.

– Ссора между ними произошла. Евгения Феликсовна решила, что князь Платон не иначе как свихнулся, а старинные книги – это только блажь его. Она даже доктора позвала. А он осерчал, пихнул доктора в грудь и пошел куда глаза глядят. Больше она, сердечная, его и не видела, хотя два года по всему Вологодскому краю искала... А потом собрала пожитки, да и приехала ко мне. Я ей еще в Петербурге на прощанье московский адрес своей сестры дала.

Тася молчала, ее глаза вновь остановились на прекрасном лице Эжени.

– А в каком монастыре искал старинные книги князь Платон? – спросил Волошин.

– Не знаю, сыночек. Да и сама Евгения Феликсовна его название забыла. Помню только, что там святой Кирилл с иноками жил.

Тася оглянулась вокруг и спросила:

– Кроме книг, ничего после нее здесь не осталось?

– Ничегошеньки. Был веер красивый и платья, да я бедным девушкам из нашего дома раздала. А картину себе оставила. – Старушка с жалостью взглянула на портрет: – Как живая она в рамке сидит!..

– Нет ли каких-нибудь писем к ней от князя Платона? – спросил Волошин.

– Были, сыночек, были, – охотно ответила старушка. – В коробочке такой красивой держала она их. Не по-русски написано. Я хранила их долго, а потом не знаю, куда сунула.

– Надо поискать эти письма, Клавдия Антиповна, – серьезно и просительно сказала Тася. – Один профессор видел вашу книгу и хочет сам старинные книги поискать. Может быть, письма князя Платона ему помогут...

Клавдия Антиповна сокрушенно покачала головой:

– Поискать можно, да только бы ваш профессор тоже в уме не повредился, как князь Платон. Слыхала я, что колдовские они, эти книги...

Волошин улыбнулся и чуть было не сказал, что профессор уже сорок лет назад «повредился в уме» и упорно ищет «колдовские книги», но что жена его пока докторов

не вызывала. Однако, взглянув на серьезное, сосредоточенное лицо Тася, он промолчал. С некоторых пор Волошин уже ловил себя на том, что побаивается своей чрезмерно серьезной и экзальтированной подружки...

Уходя от Клавдии Антиповны, Тася и Волошин очень просили старушку поискать письма, оставшиеся после Евгении Бельской, и та охотно пообещала порыться в своем комод.

– Да, кстати, – вспомнил Волошин. – Ваша книга будет передана в Ленинскую библиотеку, и вы, Клавдия Антиповна, получите за нее деньги.

Старушка махнула рукой:

– Бог с ними, с деньгами. Да и не моя та книга, сиротой она осталась. Значит, пускай ее и берет себе советская власть.

ПИСЬМА

Когда Тася и Волошин рассказали Стрелецкому о своем посещении Клавдии Антиповны Куликовой, старый профессор был повержен в изумление. Он был твердо убежден, что библиотеку Грозного следует искать под Московским Кремлем. За много лет поисков он тщательно обследовал кремлевский подземный туннель со всеми его ответвлениями. Стрелецкий открыл под Кремлем целый город. Из записей Аристотеля Фиоравенти неутомимый ученый узнал, что тайник для книг царевны Зои итальянский зодчий соорудил на глубине десяти метров ниже основного туннеля, а доступ к нему находился где-то в одном из боковых ходов и был тщательно замаскирован. Существовали

предположения, что Грозный создал филиал своей библиотеки в Александровской слободе. Но Вологда?... Эта версия была слишком неожиданной.

В тот же день Стрелецкий пригласил своего старинного друга, историка Ивана Александровича Федорова, хорошо знающего Вологду, и рассказал ему об антологии Агафия и о поисках Платона Бельского.

Федоров несколько не удивился этому сообщению. Известно было, что в шестидесятых годах XVI века Иван Грозный серьезно подумывал о перенесении русской столицы в Вологду. Этот старинный город, ровесник Москвы, занимал в то время выгодное географическое, а также стратегическое положение и имел большое торгово-экономическое значение. Он был недосыгаем для крымцев, постоянно совершавших разорительные набеги на Москву, и, наконец (что было самым существенным для Грозного), в Вологде не было спесивых бояр, коварных его врагов, стремившихся раздробить Русь на мелкие удельные княжества.

Старый историк напомнил Стрелецкому, что Грозный построил в Вологде монументальный собор Святой Софии, крепость на берегу Сухоны и начал строительство дворца для себя. На реке Вологде он стал строить суда, предназначенные для плавания в заморские страны через Белое море. Что касается монастырей, то было известно, что Грозный придавал большое значение одному из вологодских монастырей – Сиверскому, как опорному военно-стратегическому пункту. По сути дела, этот монастырь, расположенный в ста пятидесяти километрах севернее Вологды, был самой мощной русской крепостью на севере, и Грозный не раз навещал его.

Все это заинтересовало Стрелецкого. Он уже допускал мысль, что Грозный действительно мог перепрятать свою библиотеку, которой очень дорожил. И если он ее перепрятал, то вполне логично было предположить, что место для нового тайника Грозный выбрал где-нибудь подальше от Москвы, на севере, в какой-нибудь неприступной крепости... А о князьях Бельских Стрелецкий и без консультации с Федоровым знал, что в молодости Грозный дружил с Курбским, Мстиславским и Бельским. Вполне возможно, что именно последнему он подарил одну из своих книг (ведь стоит же в «веттермановской описи» пометка против «Антологии» Агафия – «дарена»...). Что, если друг царя Бельский знал о перенесении библиотеки из кремлевского подземелья в какой-то монастырский тайник и оставил для своих потомков какие-нибудь записи о таком тайнике?...

Стрелецкий еще не решался выступить с сообщением о находке византийской антологии и о «вологодской версии». Он хотел сам съездить в Вологодскую область с наступлением теплых дней, проверить на месте все услышанное от Куликовой и только затем приступить к организации серьезной экспедиции.

У Таши скоро должны были наступить каникулы, а Волошин собирался в отпуск. Они попросили Стрелецкого взять их с собой, и профессор охотно согласился. Молодой, энергичный техник и его подруга нравились Стрелецкому. Кроме того, он был искренне благодарен им за помощь в его поисках бесценной древней библиотеки.

После первого своего визита к Куликовой Волошин ездил на Ордынку еще два раза, но Клавдия Антиповна заболела гриппом и поисками писем Евгении Бельской не занималась. Однако, когда он приехал в третий раз, старушка уже поправилась и нашла письма, но... отдала их «для профессора» какому-то молодому человеку «из музея», который был у нее на днях и также расспрашивал о княгине Евгении Бельской.

Кроме историка Федорова, Стрелецкий никому не рассказывал о византийской антологии и о том, что узнали его молодые друзья на Ордынке. С Федоровым, с Тасей и Волошиным он условился, что они тоже пока не будут разглашать эту историю. Кто же еще мог узнать адрес Клавдии Антиповны и кому еще могли понадобиться письма Евгении Бельской?...

Стрелецкий позвонил в Управление музеями и спросил, направляли ли оттуда кого-либо к гражданке Куликовой на Ордынку для получения некоторой корреспонденции, имеющей большое значение для его, Стрелецкого, научной работы. Из Управления музеями ответили, что «о гражданке Куликовой К. А., проживающей на ул. Б. Ордынке, ничего не известно».

С такими же вопросами старый профессор обратился в свой институт, в различные музеи и в другие научные учреждения. Он получил отовсюду точно такие же ответы, какой дало Управление музеями.

История с письмами Евгении Бельской становилась уже загадочной, и Иван Волошин решил заняться ею основа-

тельно. Он еще раз навестил Куликову и стал подробно расспрашивать ее о таинственном «молодом человеке из музея». Но старушка могла дать лишь самые общие сведения о нем:

– Молодой, щуплый, только чуть повыше вас будет. Волосики светлые, реденькие, глазками часто моргает и все кланяется. Говорит вежливо. Одет чисто и вообще, видать, из благородных... За письма очень благодарил и даже деньги хотел дать, да я не взяла. Разве можно? Грех какой...

– А про книжки Евгении Феликсовны он не расспрашивал? – спросил Волошин.

– Спрашивал. Ну, я ему, конечно, показала те французские, что продавать носила, и про старинную книгу рассказала.

– А он что?

– А он говорит: «Как же, как же! Профессор Стрелецкий любит такие старинные книги»... А потом на портрет поглядел. «Очень, – говорит, – красивая была дамочка», и назвал ее девичью фамилию...

– Девичью фамилию? – удивился Волошин.

– Да, ведь у Евгении Феликсовны фамилия до замужества была нерусская... Чудная такая... Я уж и позабыла, – сказала Клавдия Антиповна и недоуменно пожала плечами. – И откуда только это все в музеях ваших узнали?...

Волошин задумался.

– Любопытно!.. – сказал он наконец и встал. – Ну ладно. Наверное, найдутся письма Евгении Феликсовны... Поищем.

С Ордынки Волошин направился прямо в управление

милиции и попросил, чтобы его немедленно принял заместитель начальника управления...

Читатель уже, наверное, ухмыльнулся и подумал: «Все ясно и понятно. В следующей главе появится весьма энергичный следователь и заведет дело о таинственном похищении писем, имеющих важное научное значение...»

Как знать? Может быть, и появится. Ведь пропавшие письма писал человек, который владел византийской книгой, принадлежавшей когда-то царевне Зое и Ивану Грозному...

Но, пока следователь не появился, автор вновь обратится к «потомку великого конкистадора» Педро Хорхе Кортесу и к «представителю Международного антикварного треста» Джейку Бельскому. Нам пора о них вспомнить, ибо они уже кое-что сделали для осуществления своих смелых планов.

ЛЖЕДМИТРИЙ И ИНОСТРАННЫЕ ГОСТИ

Лютецию Гавриловну Голдышкину все знакомые называли коротко: «мадам». Она была коротка ростом, но широка поперек, не сильна умом, но крепка голосом. Биография ее была весьма пестрой, но лучше всего мадам помнила те дни, когда перед самой революцией она вышла замуж за австрийского графа и русского фабриканта Фридриха-Марию фон Эккель. По этой причине Лютеция Гавриловна до сих пор разговаривала высокомерно и безапелляционно. Так она разговаривала и со своей четвертой дочерью от третьего брака, Лирикой Тараканцевой, урожденной Голдышкиной.

Стоя на кухне перед сковородой с котлетами, мадам грохотала трубным басом так, чтобы ее слышала толстая, ленивая Лирика, сидевшая в комнате:

– Это же просто кошмар! Люди имеют машину, дачу, прислугу, а я, графиня фон Эккель, должна для твоего Тараканцева жарить котлеты!..

После ванны Лирика уже два часа сидела перед зеркалом, накручивала на голове какие-то замысловатые крендели и нехотя отвечала:

– Можешь не жарить. Мы пообедаем в ресторане...

Мадам возмущалась:

– Какие богачи! Жалкие три тысячи в месяц!.. Ты глупа, друг мой! С твоей внешностью можно найти мужа посolidнее, чем твой Лжедмитрий! Какие-то музеи, какие-то глупые картины. Что это может дать?...

Читатель уже догадался, что речь шла о муже Лирики – Дмитриии Павловиче Тараканцеве. За некоторые особенности характера кто-то окрестил его «Лжедмитрием». Эта кличка утвердилась за ним всюду, даже в его семье.

Разговор матери и дочери был прерван телефонным звонком. Лирика сняла трубку и нараспев произнесла: «Алло!», но с таким отчаянным английским акцентом, что у нее получилось: «Хельло-оу!..»

Мадам прислушалась. По кокетливым интонациям она поняла, что дочь говорит с мужчиной.

– Дмитрия Павловича еще нет дома... А кто его спрашивает?... Знакомый?... Из-за границы?... О! Я могу дать его служебный телефон... Ах, уже звонили?... Да, он дико занят... К нам... Пожалуйста, приезжайте.

– Кто это? – осведомилась Лютеция Гавриловна.

Лирика заметалась по комнате.

– Какой-то знакомый. Иностранец. Не может поймать Лжедмитрия. Хочет поговорить в домашней обстановке.

– Он едет к нам? – с ужасом спросила мадам.

– Да! И не один! Их двое!

Лирика плюхнулась на диван и стала натягивать на свои гигантские икры чулки-паутинку.

– Но я в ужасном виде! – застонала Лютеция Гавриловна.

– Надо убрать хотя бы одну комнату, – скомандовала Лирика. – А я начну искать Лжедмитрия. Ты знаешь, это не так просто.

Увы, она была права: Лжедмитрия Павловича Тараканцева нелегко было найти в бурных волнах деловой Москвы, хотя он присутствовал всюду, где только можно было присутствовать, и даже там, где ему присутствовать было не нужно. По должности он был начальником Музейного фонда, но, будучи одновременно «творческим работником», живописцем весьма оригинального жанра «научной эксцентрики», Тараканцев являлся (какое удивительное слово – «являлся»!):

а) членом бюро комиссии (или секции) научной эксцентрики;

б) членом секции (или комиссии) реставраторов и копиистов;

в) ... ш) членом различных жюри;

щ) членом редколлегий всех изданий его комиссий, а также секций и подсекций.

Математики назвали бы его «многочленом».

Он был не столь трудолюбив, сколь расторопен, и

умудрялся не пропустить ни одного заседания, совещания, обсуждения, а на большие собрания прибегал всегда первым, садился в первом ряду (или в президиуме) и слово всегда брал первым...

Автор мог бы описать и творческую деятельность Тараканцева как «ведущего мастера научной эксцентрики», но сейчас он только хочет, чтобы читатель не сомневался в том, что Дмитрий Павлович Тараканцев был чрезвычайно занятым человеком. В этом всех убеждала его сверхъестественная активность. В этом, между прочим, не сомневался также и агент антикварного треста Педро Хорхе Кортец, познакомившийся с Тараканцевым еще в тридцатых годах нашего столетия.

Как известно, в те годы в СССР происходили великие исторические события: советское крестьянство вступило на путь массовой коллективизации; в эти же годы родилась наша индустрия; на предприятиях появились передовики производства, и впервые в истории человечество узнало на практике, что такое социалистическое соревнование. Но обыватели упорно называли эту эпоху «эпохой Торгсина». Действительно, в те годы золотые и серебряные побрякушки, попадая в каналы Торгсина, превращались в станки и машины, необходимые нашей стране. Но было и так, что некоторые не в меру расторопные «торгсиновцы» умудрялись под шумок превращать в триеры и сноповязалки картины больших мастеров, ценную скульптуру, редкие книги и прекрасные ювелирные изделия. Агенты антикварного треста рыскали в те годы по Москве и Ленинграду в поисках добычи... Рыскал в то время по нашей земле и Педро Кортец. Здесь он и познакомился с молодым ху-

дожником Д. П. Тараканцевым, который уже тогда являлся членом комиссий и подкомиссий, секций и подсекций, в частности – членом экспертной комиссии, решавшей судьбу произведений искусства, предназначенных на экспорт.

Нужно отдать должное Тараканцеву: в своих решениях он был до обморока осторожен, и Кортец не мог похвастать, что с помощью Тараканцева он выудил хотя бы одну ценную картину. Но опытный авантюрист, близко познакомившись с ним, понял, что чрезмерную осторожность Тараканцева порождали не патриотизм, и не любовь к ценностям родной культуры, а всего-навсего трусость. По мнению Кортеца, Тараканцев много мог бы сделать для него (и с большой выгодой для себя), если бы не был столь труслив... Эту черту неперемennого члена всех комиссий Кортец хорошо запомнил.

Проживая в Париже, он следил за судьбой некоторых своих советских «знакомых», а ныне, отправляясь в Москву, решил, что вирусоподобный активист Тараканцев обязательно поможет ему и Джейку найти и затем вывезти ценнейшую коллекцию Грозного. Именно потому поможет, что Тараканцев был зоологически труслив...

Как раз в тот момент, когда Лирика по телефону «поймала» наконец Лжедмитрия на каком-то музейном совещании, безголосый звонок трижды кашлянул в передней ее квартиры.

Лютеция Гавриловна с густо напудренным носом набросила на свои богатырские плечи тюлевую накидку цвета «ша-муа» (подарок графа Фридриха-Марии!) и пошла открывать дверь. За дверью стояли двое мужчин в

светлых костюмах: один объемистый, смуглый, восточного типа, другой высокий, худощавый, бледнолицый.

– Прошу прощения, мадам, – с легким акцентом сказал по-русски пожилой. – Здесь квартира Дмитрия Павловича Тараканцева?

Лютецию Гавриловну трясло от волнения: перед нею стояли, с нею разговаривали живые иностранцы. Может быть, они прямо из Парижа приехали? Может быть, вот этот молодой – граф или виконт?...

– Да, – внезапно осипнув и потеряв свой роскошный бас, произнесла Лютеция Гавриловна. Она распахнула дверь и прохрипела сразу на трех языках: – Силь ву пле! Битте! Плииз!..

Кортец протиснулся в дверь, поцеловал пахнущую детским мылом длань Лютеции и отрекомендовался:

– Педро Хорхе Кортец! А это мой молодой друг Джейк Бельский.

Джейк приложился к руке Лютеции и, поморгав немного, сказал (тоже по-русски, но уже без всякого акцента):

– Я счастлив с вами познакомиться, мадам...

– Моя дочь Лирика Аполлоновна, супруга Лже... супруга Дмитрия Павловича, – овладев наконец своим фельдфебельским голосом, сказала мадам и ввела гостей в наспех убранную комнату.

На Лирику страшно было смотреть. Ее почти не имеющая точных очертаний фигура была облачена в шелковое платье, цвета багрового и тревожного, как пожар. Парижская горничная Кортеца Мадлен со своими ресницами и огненными губами показалась бы рядом с нею простой пастушкой. Рыжие и жесткие космы Лирики были взвих-

рены и торчали, как наэлектризованные; натертые ладошками щеки ее пылали; подведенные глаза метали молнии, а бюст колыхался и наступал, как девятый вал на картине Айвазовского. Вероятно, точно так выглядела жена подлинного Лжедмитрия, Марина Мнишек, в момент разговора с восставшими, которые только что прикончили Самозванца.

Через несколько минут завязался «светский разговор»: гости учтиво восхищались красивыми домами новой социалистической Москвы, а хозяев больше интересовал старый капиталистический Париж.

– Правда ли, месье Кортес, что в Париже американские офицеры среди бела дня похищают девушек? – спросила Лирика.

– Увы, это так, мадам, – с грустью ответил «потомок великого конквистадора». – Но только не всех похищают, а... некоторых. И не днем, а ночью...

Мадам уже поставила на стол кофе, булочки, масло, зернистую икру...

В глазах Кортеса при виде икры появился плотоядный огонек:

– Икра!.. Зернистая!.. Джейк, вы когда-нибудь видели живую сказку?... – спросил он.

– Нет, – чистосердечно сознался Джейк. – Я не читал сказок, месье. Я читал только комиксы...

В этот момент в передней щелкнул замок, и в квартиру ворвался Тараканцев. Он именно ворвался, а не вошел. Сообщение жены о том, что к нему в дом направляются какие-то иностранцы, всполошило Лжедмитрия так сильно, что он первый раз в своей жизни дезертировал с совещания...

Тараканцев бросил шляпу и, протирая окуляры в золотой оправе, вошел в комнату.

Гости встали при его появлении.

– Месье Кортес и мистер Бельский, – торжественно представила гостей Лирика. – Они ждут тебя, Дмитрий.

Иностранцы поклонились и дожали руку сильно встревоженному хозяину.

– Очень, приятно... очень приятно... – забормотал Лжедмитрий, обшаривая неожиданных гостей бегающими рысьими глазками. – Прошу садиться... Чем обязан, господа?

Кортес засмеялся:

– Нет, я вижу, что вы меня не узнаете, товарищ Тараканцев, – сказал он и печально качнул головой. – Да и как узнать?... Двадцать лет не видались... Я постарел, растолстел. А вы все такой же.

– Позвольте! – Тараканцев наморщил лоб и вгляделся. – Кортес?! Агент Антикварного треста?...

– Увы, это я, Дмитрий Павлович... Торгсин... Кое-какие картины... Коптское евангелие...

– Как же! Конечно, помню! – без всякого восторга произнес Тараканцев. – Педро Хорхе Кортес.

– Совершенно верно! У вас феноменальная память на имена... А это мой юный друг, такой же вольный турист, как и я, Джейк Бельский.

Джейк поклонился.

– Очень приятно, – сказал замороженным голосом Тараканцев. – Я могу быть вам чем-нибудь полезен, господа?...

– Мне очень неприятно вас беспокоить, Дмитрий Пав-

лович, – сладким голосом произнес Кортц, – но мой юный друг, сын состоятельных родителей, изучает древнее восточное искусство. Ему нужно побывать в некоторых ваших музеях...

У Тараканцева отлегло от сердца, он уже успокоился и с любопытством посмотрел на «сына состоятельных родителей». Тот заискивающе моргал и глядел на Лжедмитрия с детской просительной улыбкой.

– Конечно! Пожалуйста! Для всех туристов у нас везде открыты двери, – сказал Тараканцев и широко развел руками, демонстрируя готовность проявить гостеприимство.

– Пользуясь давним знакомством с вами, Дмитрий Павлович, я хотел просить вас, чтобы вы посоветовали, наметили маршрут мистеру Бельскому... – сказал Кортц и, оглянувшись на дам, добавил виноватым тоном: – Но я боюсь, что это будет разговор скучный и утомительный для наших прекрасных дам.

Практичная Лютеция Гавриловна сразу сообразила, что парижские гости явились на квартиру к ее зятю не за музейными советами, а по какому-то более важному делу. Она взяла за руку свою недогадливую дочь и, увлекая ее в соседнюю комнату, нежно пробасила:

– Рика, дорогая! Я давно собираюсь показать тебе кружева, которые подарил мне граф Фридрих-Мария...

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ШЕДЕВРА

– Мы с вами, Дмитрий Павлович, беседуем уже полчаса и никак не можем договориться, – печально склонив голову набок, сказал Кортц.

Тараканцев нервно забарабанил пальцами по столу:

– И никогда не договоримся, господин КORTEЦ. Я ничем вам не могу помочь. Никакие ваши гонорары мне не нужны. А раскопки производить в нашем монастыре вряд ли вам разрешат. Даже на концессионных началах. В этом вы убедились, побывав в министерстве.

КORTEЦ остановился у подоконников и сосредоточил свое внимание на каком-то ядовито-зеленом кактусе, похожем на опухоль.

– Печально... – со вздохом сказал он, повернувшись к Тараканцеву. – У вас здесь действительно что-то произошло, что-то изменилось.

– Да, месье КORTEЦ, времена Торгсина канули в вечность, – ответил Тараканцев ухмыляясь. – Сейчас мы ведем культурный обмен с границей, но не продадим уже ни одного ценного произведения искусства.

– Дух времени изменился, – не то спросил, не то констатировал КORTEЦ.

– Совершенно верно...

– Но я не верю, чтобы изменились люди, которые с легким сердцем меняли шедевры искусства на крупорушки, – многозначительно глядя на Тараканцева, пророкотал КORTEЦ.

Лжедмитрий насторожился:

– Не знаю, кого вы имеете в виду. Я лично, вам ни одного шедевра не продал.

– Дмитрий Павлович! – с подозрительной искренностью сказал КORTEЦ, приблизившись к Тараканцеву. – Я тоже так думал. Но однажды... это было совсем недавно, в Париже... я убедился, что вы, может быть сами того не

зная, все же продали мне два шедевра, два неизвестных портрета кисти Боровиковского...

Тараканцев даже привстал от неожиданности:

– Что такое? Я вас не понимаю...

– Джейк! Душа моя! Объясните товарищу Тараканцеву то, чего он не понимает, – обратился Кортец к Джейку, тихонько сидевшему в стороне и безучастно разглядывавшему непроницаемую физиономию Тараканцева.

– С удовольствием, месье, – сказал Джейк и, вынув из большого конверта, положил на стол перед встревоженным Тараканцевым две цветные репродукции: – Это два пейзажа. Они были куплены месье Кортцом в России и проданы мне. С помощью рентгена я убедился, что под верхним слоем краски находится еще одно изображение.

Джейк вынул из конверта новые репродукции и, как продавец перед покупателем, положил их перед Тараканцевым:

– А здесь уже запечатлен процесс расчистки... Вот лицо... рука... часть фона... Вот подпись... У нас имеется заключение крупных художников, подтверждающих, что пейзажи были нанесены на портреты работы Боровиковского...

– ...И проданы мне за гроши с разрешения эксперта Дмитрия Павловича Тараканцева, – добавил Кортец, иронически глядя на помертвевшее лицо Лжедмитрия. – Прикажете показать купчую?...

Тараканцев вперился неподвижным взором в холеную, самоуверенную морду Кортца. С минуту он молчал, наконец хрипло пролаял:

– Жулики! Шантажисты! Я сейчас же позвоню в МВД!..

Джейк деловито сложил в конверт репродукции и уселся на прежнее место с видом невинного дитяти. Кортец покачал головой:

– Ругаться не надо, Дмитрий Павлович. Это ни к чему... А позвонить в МВД нужно... Пускай разберутся в этом темном деле...

Он подошел к телефону и снял трубку:

– Джейк! Номер телефона МВД?...

Джейк уже листал свою записную книжку:

– Сию минуту, месье...

Тараканцев подбежал и вырвал у Кортца трубку:

– Ведите себя прилично! Вы в чужом доме!

Кортец развел руками:

– Но вы же сами хотели позвонить. Зачем медлить?...

Тараканцев зашагал по комнате. Его трясло, как в лихорадке. Тон Кортца, его уверенность сбили с толку несчастного Лжедмитрия. Шутка сказать – он продал два ценнейших шедевра русского искусства ловкому агенту за гроши... И кто теперь поверит, что он, Тараканцев, не знал, что именно находится под жалкой мазней, под двумя посредственными пейзажами?...

Кортец шевелил волосатыми пальцами, любуясь игрой света в камнях на перстнях. Джейк посылал в потолок непонятные сигналы своими зелеными веками...

Молчание длилось минуты две. Слышны были лишь подавленные вздохи Лирики за стеной и взволнованное сопение Лютеции Гавриловны, прильнувшей ухом к двери.

– Где оба полотна? – спросил наконец Тараканцев.

– В гостинице, месье... – подавшись вперед, вежливо сообщил Джейк.

– Милости просим завтра утром к нам, – сказал КORTEЦ.
– Прихватите с собой профессора Кончаковского. Он большой специалист по Боровиковскому.

– Ни в какие гостиницы я не поеду, – хмуро проворчал Тараканцев. – Приезжайте сюда завтра вечером сами. Я и без Кончаковского во всем разберусь...

– Очень хорошо! – с нескрываемым удовольствием согласился КORTEЦ. Он был уверен, что Кончаковского Тараканцев в это дело посвящать не будет.

Тараканцев сел и задумался.

КORTEЦ подсел к нему и, стараясь говорить как можно душевнее, сказал:

– Дмитрий Павлович! Душа моя! Не сердчайте. Конечно, вы тут ни при чем. Кто-то во время революции замазал Боровиковского, чтобы не реквизировали, вот и все. Я обещаю вам, что, как только мы с мистером Бельским вернемся из монастыря, оба полотна будут ваши... Вы можете их сжечь или преподнести как открытие и прославиться...

– Что вы будете искать в этом монастыре? – угрюмо глядя на КORTEЦА, спросил Тараканцев.

– Там погребен боярин Бельский, друг Ивана Грозного... У Джейка есть сведения, что в гроб боярина Бельского положена одна интересная древняя рукопись...

– Византийская антология Агафия, пятый век, – с большой готовностью пояснил Джейк. – Ко мне попал от одного из эмигрантов ее титульный лист...

Он извлек из внутреннего кармана свернутый в трубку пергаментный лист, заправленный в ватманскую бумагу, и передал Тараканцеву. Тот долго и внимательно его разглядывал. Наконец вернул:

– Не думаю, чтобы вы что-либо там нашли. Все ценное вывезено. Остальное учтено и хранится в местном музее.

Кортец засмеялся и, легонько похлопав Тараканцева по плечу, сказал:

– Наша жизнь осмысленна только в том случае, если мы ежедневно отправляемся на охоту за счастьем, Дмитрий Павлович. Почему бы нам, скромным туристам, не поохотиться за счастьем на севере России, в романтическом древнем монастыре?...

– Я уже сказал: вам никто не разрешит заниматься там раскопками, – холодно молвил Тараканцев.

– Мне – нет, а вот этому юноше разрешат, – кивнул на Джейка Кортец.

– Почему вы так думаете? – насмешливо поглядев на Джейка, спросил хозяин дома.

– Джейк! Пр продемонстрируйте товарищу Тараканцеву свои документы, – коротко приказал Кортец.

Джейк встал, быстро извлек из кармана бумажники протянул Тараканцеву какую-то бумажку. Тот развернул, прочел и ахнул: он держал в руках командировочное удостоверение на бланке своего учреждения, с печатью и за своей подписью. Да, это была его собственная подпись: мелкая, замысловатая, с хитрыми закорючками. В удостоверении сказано было, что научный сотрудник Георгий Иванович Богемский направляется для исследовательской работы туда-то и туда-то...

Тараканцев поправил очки и внимательно поглядел на Джейка:

«Диверсант?... Шпион... А что, если его сцапают?... Нет! Чепуха!.. Легко можно будет установить, что удостоверение сфабриковано...»

Он вернул документ и, криво усмехнувшись, сказал:
– Сразу видно, что вы сын состоятельных родителей.

Джейк скромно промолчал и сел на свое место. Но КORTEЦ весело рассмеялся:

– Его родители были совсем бездетны, Дмитрий Павлович. Пусть им легко будет на том свете...

Тараканцев встал:

– Итак, завтра в это же время я жду вас у себя.

Не рассчитывая на рукопожатие, КORTEЦ поклонился с сияющим лицом:

– Непременно, душа моя. Только я не смогу приехать. Приедет Джейк и привезет пока одно полотно... А потом можно будет посмотреть и второй шедевр...

В комнату ввалилась Лютеция Гавриловна, за нею неуверенно вошла Лирика.

– Как, вы уже уходите? – оживленно спросила мадам.

– К сожалению, нам пора, – сказал КORTEЦ и приложился к мощной руке Лютеции.

То же самое проделал и Джейк.

– Ваш муж стал бы великим человеком, мадам, если бы в Советском Союзе ценили истинный ум, – льстивым тоном произнес КORTEЦ и поцеловал руку Лирики.

Тараканцев остался в комнате, так и не решив, нужно ли ему провожать гостей.

– Ум!.. Великим человеком стал бы!.. – зарычала Лютеция, когда за КORTEЦом и Джейком захлопнулась дверь. – Ему люди предлагают выгодное дело, суют деньги, а он из себя святого корчит!..

– Лютеция Гавриловна! – истерически завизжал Тараканцев. – Извольте замолчать!

– Мама, оставь, пожалуйста! – окрысилась Лирика.

– Я замолчу, – грозно сказала мадам, – но теперь и вы будете молчать, как жареный судак, Лжедмитрий Павлович... Эти господа вас так зажмут в кулак, что вы и не пикнете...

ПРОГУЛКИ ПО МОНАСТЫРЮ

Провожаемые строгими глазами святых, изображенных на стенах массивных каменных ворот, Тася и Волошин прошли под сводами монастырской надвратной церкви и, остановившись, оглянулись... Стройная, словно парящая в небесной синеве одноглавая церковка напомнила Тасе Царевну Лебедь, чудесную красавицу из сказки Пушкина.

Тася сказала об этом Волошину. Тот быстро согласился, но не удержался от искушения пошутить.

– И этой девушке всего лишь четыреста лет! Я уверен, что так же, как и Царевну Лебедь, ее создал поэт. Да, поэт! – повторил он. – Но обратите внимание, Настенька, своим произведением он явно протестует против «загробных мук» и говорит лишь о вечной жизни.

Тася счастливо засмеялась:

– Как я довольна, что приехала сюда! Я вижу живые чудеса древнего зодчества! Этих поэтов в старину называли «умельцами каменных дел».

Тася и Волошин шли по тенистым аллеям главного монастырского двора.

– Пойдемте во внутренний двор. Я хочу осмотреть ту церквушку, о которой нам вчера вечером рассказывал профессор Стрелецкий, – сказала Тася.

Дворов в монастыре было пять, и их отделяли друг от друга мощные стены и ограды.

– Не понимаю, почему монастырь внутри разгорожен?
– спросила Тася.

– А я объясню вам, – сказал Волошин. Он уже свыкся с ролью профессионального гида и, начитавшись в Вологде справочной литературы, охотно давал объяснения своей спутнице. – Дело в том, что мы с вами находимся не только в бывшем монастыре, но и в бывшей крепости. Да, да! Это был крупный военный опорный пункт на севере Московской Руси... Враги не могли углубиться на юг, миновав эту крепость. Здесь стоял сильный гарнизон, который мог мобилизовать население и ударить интервентам в тыл... А взять приступом эту крепость было невозможно... Вы обратили внимание, что стены крепости почти везде окружены озером?... Они так же высоки, как стены Московского Кремля, а башни даже выше и шире кремлевских...

Тася оглянулась и с уважением поглядела на могучие стены и башни монастыря.

– Теперь перейдем к вопросу, заданному мне одним из экскурсантов, – бойко продолжал Волошин. – Зачем столько стен внутри монастыря?... А затем, что, если во время осады крепости враги ворвутся в какой-либо один монастырский двор, им придется штурмовать стены остальных дворов...

– Да, действительно... – с восхищением оглядывая внутренние стены, согласилась Тася.

– Прошу обратить внимание, товарищи экскурсанты, на расположение дворов. Ворвавшись в один двор, враги уже сами с трех сторон попадали в окружение защитников

крепости и часто бывали так биты, что старались поскорее удрать обратно.

– А монастырь этот действительно осаждали враги?

– Да! И неоднократно, уважаемые товарищи! Но каждый раз они бывали отброшены и рассеяны... А вот и пятый двор.

Перед ними раскрылся уголок неопишуемой прелести: зелень травы самых неожиданных оттенков легким ковром покрывала небольшую лужайку, прорезанную ручейком. На зеленом холме стояла пурпурная церковь, окруженная хороводом берез. Перед церковью в немом ожидании застыл строгий белый павильон, прикрывший крохотную избушку Кирилла Белозерского, основателя монастыря. А над всем этим маленьким миром прошлого в синем небе сияло глазастое солнце и стояла какая-то особенная, леви-тановская тишина...

Тася нараспев произнесла:

*В синем небе, в темной глубине
Над собором тишина...*

Произнесла и умолкла, прислушиваясь, будто ожидала, что откликнется эхо.

Волошин затряс головой, будто желая отделаться от какого-то наваждения:

– Блок... Этот монастырский уголок может навеять только такие настроения... Давайте осмотрим церковь, Настенька. Я хочу убедиться, что призраки ушли отсюда, что здесь остался только чудесный Александр Блок.

Юноша и девушка приблизились к церкви, где вчера

ночью они видели странного старика. Дверь была приоткрыта. Постояв минуту, Тася и Волошин вошли в церковь.

Насколько нарядным и радостным был ее внешний вид, настолько строгой и суровой она оказалась внутри... Темные древние иконы, почерневшая позолота, меланхолический блеск бронзовых подсвечников, коричневый тон деревянного аналая – все это ясно показывало, что создатели церкви обращаются к вошедшему на языке аскетизма и смирения.

В глубине виднелся небольшой алтарь. Сквозь маленькие оконца, похожие на бойницы, тянулись к полу лучи солнца.

Волошин взглянул на Тасю:

– Ну как?

– Жутко... – поеживаясь, ответила девушка. – Смотрите, какой здесь интересный пол! – вдруг воскликнула она.

Волошин стал разглядывать пол. Составленный из больших разноцветных плит ярких и темных тонов, он являл собой замысловатый и в то же время вполне законченный орнамент. Простой домотканый ковер закрывал центральную часть орнамента, и длинная дорожка от паперти до алтаря разрезала его надвое.

Волошин нагнулся, взялся за ковер и стал его скатывать.

– Что вы делаете? – с изумлением спросила Тася.

– Хочу посмотреть весь пол.

Скатав ковер, Волошин принялся за дорожку. Через три минуты мозаичный пол предстал перед Тасей во всем своем великолепии.

– Хорошо, правда? – спросил Волошин.

– Очень! – с восторгом подтвердила Тася. – Если бы его можно было зарисовать... Мне бы очень хотелось, Ваня.

– Рисовать я не умею, но...

Волошин осмотрелся и выбежал из церкви. Через минуту он вернулся со стремянкой и поставил ее поближе к центру, потом взобрался на нее и взял в руки висевший в футляре фотоаппарат.

Щелкнув несколько раз затвором и осветив церковь вспышками магния, Волошин слез со стремянки, отнес ее на место и вновь разостлал ковер и дорожку.

Целый день Тася и Волошин бродили по обширным монастырским дворам, опускались в страшную подземную монастырскую тюрьму, поднимались на гребни крепостных стен. Тася измерила высоту Кузнецкой башни, стоящей прямо в воде озера. Получилось двадцать метров.

Взявшись за руки, как школьники, они ходили и смотрели, смотрели и обменивались впечатлениями, вспоминали все, что они узнали в Вологде об этом русском чуде, гордо стоящем над озером, о сказочном «граде Китеже», затерявшемся в северных лесах. Стоя на зеленом холмике пятого двора, Тася сияющим взором окинула монастырские строения, видневшиеся вдали: белые кельи и старинные палаты, трехэтажные стены с бойницами. Она прислушалась. Вокруг стояла тишина, лишь издали доносился сигнал одинокой машины, гудели шмели и шептались березы.

– Как странно! – сказала Тася. – Лишь три дня назад мы были в Москве, в самом центре бурной современной жизни, и вот попали сразу в тринадцатый и четырнадцатый век,

в феодализм... Ваня, достаньте свою тетрадку и прочтите, что вы там еще записали в Вологде об этом монастыре.

Волошин достал из-за пояса общую тетрадь и, развернув, стал читать, как псалтырь:

– «Русский север среди своих исторических памятников насчитывает несколько монастырей, из которых наибольшее значение имеют монастыри-крепости, бывшие проводниками не только религии, но и московского влияния, проводниками идеи объединения вокруг Московского государства всей русской земли».

– Нет! – нетерпеливо прервала его Тася. – Вы мне это уже говорили... Найдите в своей тетрадке монаха, который ушел из московского Симонова монастыря в четырнадцатом веке и поселился вот здесь, на этом холмике, в диких лесах...

– Святой Кирилл? – насмешливо спросил Волошин. – Настенька! Побойтесь бога! Я говорю в буквальном смысле. Чего доброго, вы здесь молиться начнете...

– Ах, Ваня! – со вздохом сказала Тася. – Ну зачем вы острите? Я не буду молиться. Но я хочу понять этого человека. Кто он? Почему ушел из Москвы в эту глушь? Ведь он там архимандритом крупного монастыря был. Знать московская под благословение к нему подходила... В чем же дело? Что ему в этих диких озерных дебрях понадобилось?... Ответьте мне. Только без шуток и острот.

Волошин оглянулся, внимательно посмотрел на крохотную деревянную избушку отшельника, укрытую под сенью берез и безмятежно стоящую здесь уже почти шестьсот лет...

– Церковники называют его святым... Ну что ж, пусть

называют. Это их дело... А я думаю, Настенька, что этот человек был мыслителем, философом. Вот я записал в Вологде одно место из его философского трактата «О падающих звездах». Послушайте, что написал этот умный русский человек шестьсот лет назад, сидя у лучинки вон в той крохотной избушке...

— Читайте, — сказала Тася.

— «...Одни говорят, что это падают звезды, а другие, что это злые мытарства. Но это и не звезды и не мытарства, а отделение небесного огня, насколько нисходят они вниз, расплавляются и опять сливаются в воздухе. Поэтому никто не видел их на земле, ибо всегда они рассыпаются в воздухе³⁷...»

— Удивительно! Ведь это же учение о метеоритах... — тихо проговорила Тася.

— Да... Он точно и ясно охарактеризовал небесное явление в те годы, когда никто не смел и не умел так думать. И при этом, заметьте, Настенька, никакой мистики и метафизики. Это чистейший материализм.

— Но что заставило этого человека бежать сюда?

— Думаю, что для подобных размышлений в те годы северные лесные дебри были самым подходящим местом, — ответил Волошин и, обведя взглядом красивый уголок, добавил: — Видимо, это была натура созерцательная...

Так Тася и Волошин бродили по древней русской крепости. Не станем говорить громких фраз об изумительном северном памятнике русской старины, куда судьба слу-

³⁷ Подлинная цитата из научного труда церковного деятеля и писателя XIV века Кирилла Белозерского «О падающих звездах».

чайно забросила двух московских комсомольцев. Скажем лишь, что монастырская крепость эта не выдумана: автор был в ней и испытал там величайшее удовольствие. Куда ни бросишь взгляд — всюду прекрасные произведения русского древнего зодчества. И, чтобы почувствовать всю красоту этой крепости, чтобы понять ее форму, простую, строгую, могучую, рассчитанную лучшими военными строителями русской старины, ее нужно увидеть...

На юношу и девушку, бродивших по всем уголкам Сиверского монастыря, действовало, кроме всего, и другое: густые заросли полыни, васильки, ромашки, зеленый ковер на лужайках дворов, свежее благоухание земли под небом ослепительной ясности, — все это воспринималось ими как музыка и кружило голову...

Совсем иначе воспринимали монастырскую обстановку Кортес и Джейк Бельский. Они приехали в этот монастырь на неделю раньше, чем Тася, Волошин и профессор Стрелецкий. Джейк успел уже обнаружить ход в подземелье — в погребе под самой высокой крепостной башней, именуемой Кузнецкой. Но оказалось, что ход этот завален кирпичом и грунтом. Директор монастыря-музея Анышев объяснил «московскому» и парижскому гостям, что обвал произошел вследствие подкопа почти триста пятьдесят лет назад, во время осады монастырской крепости польскими и литовскими интервентами... Чтобы расчистить ход в подземелье, требовались большие земляные работы, но Джейк уже договорился с местным райисполкомом о рабочих и о транспорте. Расходы брал на себя музейный фонд, за представителя которого Джейк себя выдавал.

В данную минуту КORTEц и Джейк также путешествовали по монастырю и обменивались такими мыслями:

– Как вы думаете, Джейк, во что обошлись расходы по сооружению всей этой махины?

Джейк быстро извлек свою записную книжечку, в которой было записано все, вплоть до имени и отчества начальника речной пристани.

– Сию минуту, месье... Сорок пять тысяч рублей... В переводе на современные деньги это около десяти миллионов долларов...

– Я купил бы его, если бы он продавался и если бы не торчал в такой дали от Парижа. Я показывал бы его восторженным историкам и искусствоведам, – воодушевляясь, говорил КORTEц, шагая вдоль могучей крепостной стены. – За большие деньги я пускал бы сюда отдыхать усталых богачей. Монастырь-санаторий для нервных и издерганных людей! Экстра!.. А вон тот благоуханный дворик с полынью – это для влюбленных. Поцелуй в тишине и в зарослях такого дворика входит в сердце, как нож...

– А я сдавал бы этот монастырь в аренду Голливуду... – мечтательно произнес Джейк.

– Правильно! – крикнул КORTEц и, вздохнув, добавил: – Странно! Советская Россия страна, где нельзя безнаказанно быть дураком. Это впечатление выносят все здравомыслящие иностранные гости. А между тем... Чем, если не глупостью, можно назвать то, что такое доходное сооружение прозябает и пустует где-то в глуши?

– А вот Ивану Грозному как раз это и нравилось, месье.

– Ну, у него были свои соображения, кстати, видимо, тоже не лишённые материальной основы. Кто-кто, а он,

наверное, знал, что его книжечки стоят десятки миллионов долларов... У русских есть такая пословица: «Подальше положишь – поближе возьмешь». Запомните ее, Джейк.

Кортец и Джейк не спеша шагали по узкой зеленой полосе земли, отделявшей Сиверское озеро от монастырских стен и башен. Здесь, так же как и во всем монастыре, стояла вековая тишина, лишь робкие волны вели тихий разговор на пологом берегу озера...

Джейк оглянулся. За ним по пятам шел мрачный монастырский сторож дед Антон. Его мучила одышка, но он шел, сопя и тяжело ступая по пушистой траве своими огромными сапогами.

– Зачем вы взяли его с собой, месье? – кинув недовольный взгляд на старика, спросил Джейк по-французски.

– У него все монастырские ключи, товарищ Богемский. Это здешний апостол Петр, – посмеиваясь, ответил Кортец.

– Вы забыли, что я сотрудник Музейного фонда, месье. Я отберу у него все ключи и пошлю его к черту, – холодно сказал Джейк.

– Это будет ваш второй глупый поступок, товарищ Богемский, – продолжая путь и не оглядываясь, произнес Кортец.

– А какой был первый?

– Письма на Ордынке. Они ничего нам не дали, но, наверное, уже пустили по нашему следу какого-нибудь сыщика.

– Чепуха!

– Дай бог, товарищ Богемский, чтоб это оказалось чепухой. Но с этим конвоиром мы не привлекаем ничьего внимания.

Кортец подошел к воде. Озеро, потревоженное легким ветерком, поблескивало мелкой сверкающей рябью и то-ропилось к монастырю, как толпа паломников, но на берегу путь ему преграждали гладко отшлифованные многопудовые валуны.

— Спросите его, откуда эти камни, — обратился к Джейку Кортец.

Джейк пожал плечами: вопрос казался ему праздным. Но все же он перевел его, безразлично глядя в тусклые, блуждающие глаза старика.

— Оттуда... — кивнул старик на высокие крепостные стены монастыря и добавил, с усилием выговаривая каждое слово: — Монахи бросали их... на головы... на головы иностранным гостям...

— Ого! — не дождавшись перевода, весело воскликнул по-французски Кортец. — Вы чувствуете, товарищ Богемский, какой камень бросил в мой иностранный огород этот мельник из оперы «Русалка»?

Старик внимательно смотрел на Кортеца из-под своих седых, нависших бровей:

— Что сказал... этот господин? — спросил он, обращая взгляд на Джейка.

— Он говорит, что вы похожи на мельника из оперы «Русалка», — презрительно ответил Джейк.

Старик заклохтал, как глухарь на току. Он смеялся и тряс лохматой головой.

— Какой я мельник?! Я ворон здешних мест! — сердито сказал он, внезапно оборвав смех.

Джейк и Кортец переглянулись.

— Любопытно... — после долгой паузы произнес

по-французски Кортец и зорко взгляделся в старого сторожа.

– Этот столетний пень, оказывается, кое-что смыслит в операх и даже умеет острить.

Джейк уже поглядывал на старика настороженно и подозрительно, но тот не обращал ни на него, ни на Кортеца никакого внимания. Усевшись на один из валунов и сняв рыжий сапог, он принялся перематывать бурую вонючую портянку.

– М-да... странный старик, – тихо сказал Джейк.

– Думаю, что не всегда он носил портянки... – резюмировал Кортец и прибавил не совсем уверенно: – Как по-вашему, товарищ Богемский, не понимает ли он наши с вами разговоры?...

Джейк еще раз внимательно поглядел на старика и ответил Кортецу, на этот раз по-английски:

– А черт его знает! Надо проверить.

– Продолжайте говорить по-французски и не обращайтесь на него внимания, – также по-английски предложил Кортец и тут же перешел на французский: – Итак, товарищ Богемский, вам довелось вчера услышать здесь, в монастыре, интересную лекцию профессора Стрелецкого о поездке Ивана Грозного в Сиверский монастырь в 1557 году?...

– О да, месье!.. – с большой готовностью подтвердил Джейк. – Профессор Стрелецкий очень живо описывал своим молодым друзьям визит Грозного в этот монастырь.

– А зачем приезжал сюда царь Иван Грозный? – с наигранным любопытством спросил Кортец, искоса наблюдая за сторожем.

– Он привез сюда и запрятал в монастыре какие-то книги, месье...

Тем временем дед Антон уже переобул один сапог и готовился взяться за вторую портянку, но валун, на котором он сидел, видимо, показался ему неудобным. Он встал и, выбрав другой камень, круглый, как исполинский череп, пристроился поближе к Джейку.

– Профессор собирается искать здесь книжный клад Грозного? – спросил КORTEЦ.

– Да, месье... – ответил Джейк. – Несмотря на свой почтенный возраст, это очень энергичный ученый.

– Прошу вас, товарищ Богемский, спросите старика, слышал ли он что-нибудь о посещении Грозным Сиверского монастыря и о книжном кладе, – попросил КORTEЦ.

Джейк обратился к сторожу и перевел ему вопрос КORTEЦа.

Старик посопел еще с минуту и, глядя в сторону, пробурчал:

– Всякое говорят... Старые люди сказывали... был тут клад... да вывезли его потом...

КORTEЦ и Джейк переглянулись:

– Кто вывез? – живо спросил Джейк.

Старик подумал, шевеля мохнатыми бровями.

– Царь Борис вывез... – сказал он наконец. – Годунов... Сказывают, был тот царь человек умный... начитанный... и тайну про монастырский клад знал...

– От кого знал? – уже с беспокойством спросил Джейк.

– А это... вам надо бы... у него спросить... – глухо сказал старик, отводя взгляд в сторону.

– Что вы думаете об этой версии? – спросил КORTEЦ, обращаясь к Джейку по-английски и забывая при этом, что он, иностранный турист, русского языка до сих пор не должен был понимать.

– Чепуха! – воскликнул Джейк также по-английски и быстро встал с травы. – Старик повторяет какую-то болтовню. А кроме того, он, по-моему, ненормальный.

– Ну, это не ваша идея, – насмешливо сказал КORTEЦ. – Старик сам объявил себя «вороном здешних мест»...

Неожиданно КORTEЦ и Джейк вновь услышали глухариное клохтанье. Они с удивлением поглядели на старика. Содрогаясь и покачиваясь на своем валуне, он смеялся и показывал скрюченным пальцем на озеро:

– Рыбешка... глупая... выплеснулась... а баклан ее... хватил на лету. Хе-хе-хе!..

ИВАН И АНАСТАСИЯ

Близились ночь. Солнце ушло из монастыря и собиралось заночевать где-то за дальней гладью Сиверского озера. Но его багровые лучи еще струились из-за зубчатых стен и дремлющих сторожевых вышек, похожих на дозорных старинного московского войска...

Профессор Стрелецкий присел на гладкий камешек посреди темно-зеленой лужайки между двумя маленькими церквушками и прислушался. Он подумал, что вот эта тишина когда-то ушла отсюда на картины Нестерова с ясноглазыми лесными отроками, а сейчас вернулась вновь.

Рядом со Стрелецким стояли Тася и Волошин. Они тоже слушали эту чарующую тишину, вдыхали сладкие и горькие запахи трав, следили за меркнувшим заревом заката. Но они не видели того, что видел на этом холме старый профессор.

Стрелецкий заговорил тихо и торжественно, как скзитель древних былин...

...По реке по Шексне, с Волги-матушки
Встречь воде, меж лугами зелеными
Выгребают суда государевы,
Идут барки высокие, новые,
Пологами цветными прикрытые.
В тех судах, расписных по-владимерски,
Едет царь-государь к Белу-озеру,
Князь великий Иван свет Васильевич.
Беззаботное солнышко божие
С неба светит высокого...
День веселый, и светлый, и радостный,
Что ж не радостен царь с поезжанами,
Молодыми князьями-боярами?
Почему государь запечалился?...
...Он сидит на скамье призадумавшись,
Уронил молодую головушку...
Плачет горько царица Настасий
Над царевичем юным Димитрием,
Во пути от истома преставшимся...
Царь приехал в обитель далекую,
Обнял он Симеона игумена,
Ипуская слезу не единую...
...Под священное пение иноков
Положили во гробик царевича
И в предтеченской церкви покоили,
Что как дар по рожденьи Ивановой
Государем Васильем поставлена...

Стрелецкий умолк. Он глядел на маленькую церковь Иоанна Предтечи, высившуюся на холме среди юных, радостных берез.

– Вот здесь, в этой церкви, четыреста лет назад стоял гробик первого сына царя Ивана Васильевича, младенца Дмитрия, умершего в пути, когда молодой Грозный с царицей Анастасией предприняли путешествие из Москвы на далекий север, сюда, в обитель Кирилла Белозерского... Я прочел вам сейчас отрывок из старинной былины «Кириллов езд», которую нашел в пыльных архивах монастыря. Неизвестный автор в этой былине подробно описывает путешествие Ивана Васильевича и его молодой жены Анастасии Романовны...

– Анастасия... – прошептала Тася. – Ее тоже так звали... Ваня!

Волошин взглянул на нее:

– Я, Настенька!..

– Как имя вашего отца?

– Его зовут Василием, – просто ответил Волошин. – А что?

– Ничего... Я так...

«Иван и Анастасия... Государь Иван Васильевич и его молодая жена Анастасия...»

Мысль Таси заметалась, как птица в тенетах, но ее сковал ровный голос Стрелецкого, прирожденного лектора, превратившегося вдруг на чудесной лужайке романтического монастыря в сказителя былин о седой старине. В далеком прошлом Тася увидела...

Это было четыре века назад, на закате солнца... Множество цветных парусов еще трепетали на расписных

барках флотилии, бросившей якоря у стен Сиверского монастыря. Самая большая барка, с царским шатром на палубе, пристала к берегу, и по мировой сходне ее, покрытой ковром, сошел молодой Грозный. Был он ростом почти высок, но не долговяз и одет просто. Большие карие глаза смотрели строго, даже сурово... Под благословение к толстому, багроволицему игумену Иван подошел быстро и деловито. Затем поднял голову. С трудом разжав губы, вымолвил:

«Горе у меня, отче...»

Игумен прислушался к рыданиям Анастасии Романовны в царском шатре на барке и ответил, тяжело вздохнув:

«Гонцы донесли печальную весть, государь... Молиться надо... Господь тебя, как святого Иова, испытывает...»

«Воля божья... – угрюмо сказал Иван. Он повысил голос: – Княгиня Ефросинья и враги мои небось рады будут!.. Нет у меня наследника!.. Братца моего двоюродного, дурачка Володимера, на великокняжий престол протчат. А землю русскую по уделам разворуют...»

Он скрипнул зубами. Затем, оборотясь каменным лицом в ту сторону, откуда прибыли его барки, хрипло крикнул:

«Ан нет! Не бывать тому!.. А старую суку Ефросинью я сюда, в Горицкую обитель, пошлю да в келью под замок посажу³⁸!..»

³⁸ Иван Грозный действительно сослал впоследствии в Горицкий женский монастырь княгиню Ефросинию Старицкую, представительницу боярской оппозиции Грозному; будучи уличена в новом заговоре, княгиня Старицкая по приказанию Грозного

Игумен молчал.

«Перенеси, отче, новопреставленного младенца Дмитрия во храм Иоанна Предтечи и сегодня же отпевание учини», – приказал Иван и пошел к монастырской стене, за которой уже были возведены для него и для свиты деревянные хоромы...

Профессор Стрелецкий привстал и показал на трехъярусную стену, за которой плескались воды озера:

– Вот здесь стояли те хоромы, и сюда же с барки царской были перенесены кованые сундуки с ценной кладью. А ведал захоронением тех сундуков друг и наперсник царя боярин князь Иван Дмитриевич Бельский, человек ловкий и сметливый... О том повествует старинная былина...

И вновь Тася погрузилась в видения прошлого. Она ясно видела суровое лицо молодого царя и тоскующие, заплаканные глаза Анастасии Романовны; как сквозь сон слышала Тася тихий голос Стрелецкого:

*У царевича гробика малого
Плачет горько Настасия.
Нет ей радости в детках ниспосланных:
До годочка не выжила Аннушка,
Померла осьми месяцев Марьюшка
И прибрал бог царевича малого,
Дорогого сыночка Димитрия.
По родителе князе наследника...*

Тася видела их обоих, Ивана и Анастасию. Они сидели рядышком вот здесь, подле этой церкви, где стоял маленький гробик... Он гладил ее по темным волосам и ласково говорил:

«Не горюй, Настенька!.. Мы с тобой молодые, будут у нас еще детки. И сыночек будет...»

«Жалко его, Ваня!.. — отвечала заплаканная молодая женщина. — Какой он пригожий был! Глазки большие, как у тебя... И агунюшки уже кричал, вспомни...»

А тихий вечер окутывал тенью эту грустную пару... И горькой полынью пахло тогда так же, как пахнет сейчас... Нет лишь скорбного пения иноков и не слышны слова торжественной молитвы.

А Волошин видел другого царя Ивана. И этот другой Иван ходил с игуменом по монастырю, все оглядывал хозяйским взглядом, все примечал.

«А почему у тебя, отче, над могилами сосланных бояр Воротынских да Шереметьевых великие храмы стоят?»

«Доброхотными даяниями вдов боярских сооружены, государь», – елейным голосом отвечал игумен.

«Ишь ты! – загремел молодой царь. – Даяниями вдов?... А над могилкой святого Кирилла, премудрого старца, коий обитель сию основал, ветхая часовенка стоит!.. Гоже ли так, отче?...»

«Негоже, государь, – поспешно согласился игумен. – Воздвигнем храм великий...»

«То-то! А ту кладь, что Бельским в погреба монастырские захоронена будет, береги, отче, как свою голову. Она у тебя одна, и клад тот у меня один... Вник?...»

«Вник, государь...»

«Здесь у вас нет бояр, ворогов моих, обитель сия не горит, и дикий татарин в ваши леса не заходит...»

В представлении Волошина игумен был в эту минуту похож на завхоза, которому молодой, но очень расчетливый директор предприятия поручает хранение остродефицитных материалов. Завхоз понимает, что хранение этих материалов принесет ему, завхозу, много хлопот, и потому выслушивает наставления начальства без всякого энтузиазма...

А государев прораб, то есть боярин Иван Дмитриевич Бельский, метался по монастырю как угорелый: в бесплатной рабочей силе недостатка у него не было, но архитектор явно отлынивал от работы. Он приехал из Италии, у него была договоренность с русским царем, что строить он будет дворцы и церкви, а тут вдруг его бесцеремонно усадили на барку и два месяца волокли куда-то на север, в

дикие дебри, да еще при этом не выпускали днем на палубу, чтобы он не запомнил дорогу... Здесь, в этом монастыре, его заставили проектировать какой-то подземный тайник, о котором ни одна живая душа не должна знать. Идиотская работа, от которой ни славы, ни денег ждать не приходится...

Архитектор высказал все это боярину Бельскому, но суетливый царский друг и лакей лишь состроил постную морду и развел руками:

«Вы свободны, сеньор... Мы неволить вас не станем... Где выход из монастыря, сеньор знает, а путь в Венецию лежит на полдень и заход солнца отсюда...»

Все это Волошин ясно себе представлял... Неожиданно его воображаемая экскурсия в прошлое и повествование профессора Стрелецкого были прерваны вежливым покашливанием. Волошин оглянулся и в наступающих сумерках разглядел позади себя две фигуры. В одной из них он узнал художника Еланского, два дня назад прибывшего из Вологды, а в другой – научного сотрудника какого-то музея Богемского, ежедневно слоняющегося по монастырю вместе с толстым французским туристом, похожим на турка...

Покашливал Богемский. Затем он вкрадчиво спросил:

– Прошу прощения, профессор... Вы так увлекательно описываете посещение этого монастыря молодым Грозным, что я невольно заслушался, но... Э-э...

– Что «но»? – спросил Стрелецкий.

– Вы столь уверенно говорите о каком-то кладе, захороненном здесь, в монастыре, Грозным... Есть ли у вас доказательства, подтверждающие правдоподобие этой версии?

– Да, – нетерпеливо ответил Стрелецкий. Он был раздосадован, что этот прилизанный музейный чиновник прервал его рассказ. – У меня есть неопровержимые доказательства, подтверждающие правдивость этой версии...

– Вы имеете в виду стихи, которые вы здесь цитировали? – с нескрываемой насмешкой спросил Джейк Бельский.

– Нет! Не только эти стихи... В архиве монастыря я нашел указания о кладе Грозного и о тайнике, где был захоронен этот клад.

– О! Это великое открытие, профессор! – с деланным энтузиазмом воскликнул Джейк. – Вы непременно должны сообщить об этом моему управлению... Я помогу вам...

– Против помощи я не возражаю, – усмехнулся Стрелецкий, – но доклад о своих изысканиях я сделаю в академии и доложу своему научному обществу...

– Да, да! Конечно... Простите, что я вас прервал. Продолжайте. Вы так увлекательно рассказываете!

Но вдохновение уже покинуло старого профессора. Он поежился:

– Становится прохладно...

– Да, Игнатий Яковлевич! – воскликнула Тася. – Вам пора вернуться в гостиницу. Разрешите, мы с Ваней вас проводим...

Втроем они направились к выходу из монастыря, и по дороге профессор еще долго рассказывал своим молодым друзьям о приезде в этот монастырь Грозного в 1557 году.

В этот вечер слишком много впечатлений обрушилось на Тасю. Она не могла лечь спать и, проводив Стрелецкого, пригласила Волошина погулять по аллеям березовой рощи, именуемой в Сиверске «Парком культуры и отдыха».

В этом парке не играл духовой оркестр, его заменяло радио. Сейчас оно услаждало слух влюбленных парочек частушками о высоком надое молока и о пользе квадратно-гнездового способа посадки картофеля. Но Тася ничего не слышала. Крепко сжимая руку Волошина, она говорила:

— ...и вдруг мне показалось, что это уже не я, Анастасия Березкина, студентка московского института, а другая Анастасия, та, что приехала на барке из далекой Москвы в этот монастырь... Вы меня понимаете, Ваня?...

Волошину страшно захотелось сказать: «Понимаю, Настенька... Вы почувствовали себя уже не комсомолкой, а царицей...» Но вдруг он увидел совсем близко серые глаза девушки. Даже в темноте он разглядел в них неподдельное горе и промолчал.

— Я еще... ведь я ничего не видела в жизни... — тихо продолжала Тася. — Но вдруг я почувствовала, что у меня умер ребенок... Такого отчаяния я никогда не испытывала...

— Вы очень впечатлительны, Настенька, — рассудительно сказал Волошин. — Так нельзя...

Тася не слышала его. Она молча смотрела на сумрачные громады монастырских стен, смутно видневшиеся за деревьями.

— Сходим туда, Ваня... — попросила она вдруг.

Он удивился:

– Куда, Настенька?

– В церковь. В ту, где гробик... Вы боитесь?

– Да нет... Но там нечего делать сейчас, – нерешительно ответил он.

– Ну, тогда оставайтесь, а я одна пойду. – Тася высвободила руку.

Но Волошин удержал ее:

– Подождите... Но ведь ворота в монастыре уже заперты.

– А мы пойдем в обход, со стороны озера.

– Вы хотите сказать – вплавь?

– Нет, вброд... Там возле башни мелко.

Он покачал головой:

– Вы, Тасенька, просто девчонка и притом очень взбалмошная.

– Я не знаю... Может быть... Ну, идемте же!.. – И она нетерпеливо потащила его к выходу.

– А вы не боитесь встретиться там с чем-нибудь страшным? – насмешливо спросил он.

– С чем?... – с тревогой и затаенной надеждой спросила Тася.

– С привидением, например...

– Нет, это не страшно. Я сама сейчас привидение.

Они добрались до Кузнецкой башни, от которой крепостная стена поворачивала к югу. Здесь плескалась вода озера. Тася хотела снять туфли, но Волошин остановил ее:

– Не надо... Я перенесу вас...

Она молча позволила взять себя на руки и обняла его рукой за шею...

Руки были сильные, но держали они ее так бережно, как маленького ребенка... Где-то в темноте слышалось журчание воды, потревоженной его шагами...

Наконец он ступил на береговую полосу земли и остановился. Он спросил, помедлив:

– Ну?... Пойдем ножками?... Или останемся у дяди на ручках?...

– Ножками, – сказала она. – И я очень прошу вас, Ваня... не расхолаживайте меня. И не смейтесь над моими чудачествами. Слышите?...

– Клянусь, Настенька!..

– Такая я есть и такой останусь на всю жизнь. А если я вам... Если вам не нравится, вы можете со мной не дружить.

– Да что вы, Настенька! Ну конечно же, вы мне нравитесь!.. Даже больше, чем полагается...

Она поспешно отстранилась:

– Не надо!.. Идемте скорее.

– Может быть, все-таки на ручках? – робко спросил он.

Она взяла его под руку и повела вперед к темному, загадочному, как древний курган, холму. Вскоре они подошли к церквушке на холме и остановились перед нею в молчании.

– Обойдем вокруг... – тихо сказала Тася.

– Обойдем...

– Мне здесь ночью нравится больше, чем днем. А вам?...

– Здесь хорошо, Настенька...

Неожиданно где-то совсем рядом они услышали шаги и оглянулись...

– Здесь кто-то ходит, – шепотом произнесла Тася.

– Тихо!..

Волошин прислушался. Шаги слышались вновь.

– Кто-то ходит в церкви, Настенька.

– Уйдемте... Мне страшно!.. – прошептала испуганная девушка.

Он обнял ее, успокаивая:

– Не бойтесь. Я с вами... Но кто бы это мог быть?... Шаги слышатся там, в церкви... Вот что. Отойдите. Настенька, вон к тем двум березкам – у вас светлое платье, и возле них вас будет не видно. А я пойду посмотрю...

Но едва Тася отошла в сторону, а Волошин сделал два шага, как скрипнула массивная дубовая дверь, окованная железом, и из церкви медленно выползла неуклюжая серая фигура...

Волошин сразу присел в высокой траве. Он не мог разглядеть странного ночного посетителя древней церкви, но подойти или окликнуть не решался.

Человек в сером загромыхал тяжелым замком на дверях и неторопливо направился в ту сторону, где, распластавшись в траве, залег Волошин. Волошин услышал тяжелое дыхание и металлическое позвякивание. Ключи! Теперь он узнал незнакомца. Это был старый монастырский сторож дед Антон. Волошин не раз видел этого высокого сутулого старика, облаченного в длинную холщовую рубаху, лохматого, хмурого, немногословного, лицом своим напомнимшего Волошину толстовского отца Сергия... В том, что монастырский сторож бродит по ночам по монастырю и заходит даже в церкви, ничего удивительного не было. Не дойдя до затаившего дыхание Волошина, старик вдруг

повернул и направился в обход церкви. «Куда это он? – подумал Волошин. – Что ему понадобилось там, на задворках?» Он подождал немного, затем быстро встал и подбежал к Тасе.

– Это сторож, дед Антон... Вы постойте здесь, а то он вас заметит, Настенька, а я схожу посмотрю, куда он побрел.

– Мне страшно здесь!.. – прошептала Тася.

– Ну, идемте со мной. Только вы останетесь за углом церкви, а я за ним послежу.

Они пошли по траве, стараясь ступать неслышно. Тася приникла к углу церкви, а Волошин обогнул стену и стал тихонько пробираться вперед, раздвигая густые заросли полыни. Старика нигде не было, не слышно было и шагов его, лишь отчетливый лязг железного засова где-то вблизи услышал Волошин. Что это за засов?... Где он?...

Волошин огляделся вокруг и ничего, кроме маленькой церкви, не увидел...

«В часовню вошел?... Но ведь под нею какая-то гробница, склеп, мертвецы... Что ему там понадобилось?» – размышлял Волошин, медленно приближаясь к часовне.

Он приник ухом к облупленной штукатурке часовни, но ни единого шороха, ни звука не услышал: старая усыпальница была так же мертва, как и захороненные в ней ссыльные бояре...

Волошин подошел к двери часовни и дернул ее, но она не поддавалась: было ясно, что дверь заперта изнутри и что запер ее, конечно, дед Антон.

– Ваня! – услышал Волошин и, не таясь уже, направился к Тасе.

- Где вы? Я уже стала бояться за вас! – сказала девушка.
- Ну, что там?
- Исчез... заперся в гробнице...
- Ночью?... В гробнице?... – испуганно спросила Тася.
- Но там же покойники...
- Очевидно, старичок считает их самой подходящей для себя компанией.
- Уйдемте отсюда. Мне здесь страшно!..
- Даже со мной?...
- Идемте...
- Она взяла его за руку и пошла вперед.
- А по озеру опять на ручках? – спросил он.
- Хорошо... – Она помолчала. – Интересно, что ему понадобилось ночью в гробнице?

МОНАСТЫРСКИЙ СТОРОЖ

Однако в эту ночь побывали в монастыре не только Тася и Волошин.

Джейк Бельский с первых же дней обратил внимание на старого монастырского сторожа, а разговор на берегу озера окончательно укрепил в нем уверенность, что старику, может быть, кое-что известно о книжном кладе Грозного. Но, прежде чем попытаться вызвать деда Антона на откровенность, бывший князь решил узнать о нем как можно больше. Он отправился к директору музея Анышеву и убедил его дать разрешение просмотреть личные дела «некоторых сотрудников». «Мне хочется узнать, кто из них был связан с монастырем до революции», – пояснил он, обдавая директора серией простодушных помаргиваний.

Когда Стрелецкий в сопровождении Таси и Волошина ушел, Джейк Бельский отправился в канцелярию, уселся за чей-то письменный стол и раскрыл личное дело сторожа музея Антона Николаевича Белова. Уже через несколько минут внимание его привлекла пожелтевшая от времени справка, написанная выцветшими чернилами. Приглядевшись, князь достал лупу и поднял скоросшиватель к лампе. То, что он обнаружил, поразило его. Он тихо свистнул, сел и задумался.

Затем он решительно вырвал справку из скоросшивателя, аккуратно сложил ее и сунул в бумажник.

— Кто бы мог подумать? — тихо произнес он. — А впрочем, может, это и к лучшему...

Уложив папки с личными делами на прежнее место, Джейк погасил свет и отправился в гостиницу.

Кортец в своем номере уже поджидал его. Расставив на столе банки со шпротами, с зернистой икрой, тонко нарезанную буженину и ломтики лимбургского сыра, он осторожно вытаскивал пробку из бутылки с массандровским портвейном.

— Ага! Товарищ Богемский! Вы пришли вовремя! — воскликнул он по-французски, потирая руки от удовольствия и с вождением глядя на стол. — Не кажется ли вам, душа моя, что этот стол сервирован не хуже, чем мой круглый столик в Париже?

— Да, месье, — вежливо согласился Джейк. — Здесь не хватает только одного...

— Чего?

— Не «чего», а «кого», месье... Мадлен!

— Мадлен!.. Это что за намеки? Садитесь лучше к столу

и выкладывайте, мистер Шерлок Холмс, что обнаружили вы в конторской келье этой Пармской обители.

– Я сделал сенсационное открытие, месье Кортес, – спокойно сказал Джейк, продолжая стоять.

Кортес посмотрел на него с любопытством:

– Какое?

– Сейчас я помою руки и расскажу вам все, месье.

– Держу пари, что вы открыли какую-то тайну! – воскликнул Кортес. – Это написано на вашем мраморном челе.

– Да, месье, вы угадали...

– Арабы говорят: «Если ты хранишь тайну, она твоя пленница, если ты не хранишь ее, ты ее пленник».

– Сейчас я умоюсь, месье, и мы вместе с вами станем пленниками одной любопытнейшей тайны, – сказал Джейк и вышел из комнаты.

Через пятнадцать минут он уже сидел с Кортесом за столом.

– Итак, какую тайну открыли вы, душа моя? – спросил Кортес, любовно разглядывая фужер с пламенным и ароматным вином.

Джейк равнодушно сказал, словно речь шла о самом обыкновенном деле:

– Я узнал, что дед Антон, древний сторож Сиверского монастыря, не кто иной, как мой родной дядя.

Кортес поставил фужер и озадаченно поглядел на своего молодого соратника:

– Простите... Я вас не понял, Джейк. Повторите...

– Разбираясь в документах сотрудников музея, – тоном участника делового совещания объяснил Джейк, – я нашел вот эту справку...

Он вынул из бумажника пожелтевшую бумажку и передал ее Кортцу.

– Как видите, месье, эта справка выдана более тридцати лет назад каким-то вологодским домкомом гражданину Белову Антону Николаевичу... По этой справке нынешний сторож «дед Антон» был когда-то принят на работу в монастырь-музей, – пояснил Джейк.

– Ну, и что же? – с недоумением разглядывая справку, спросил Кортц.

Джейк подал ему лупу:

– Рассмотрите внимательно имя и фамилию...

Кортц прищурил один глаз и с минуту глядел на справку. Наконец он поднял глаза на Джейка и сказал:

– Подчистка...

– Да... Имя «Антон» явно переделано и, скорее всего, из «Платона», а фамилия «Белов» здесь была длиннее. Думаю, что «Бельский». Отчество то же, что и у моего отца, – «Николаевич»...

Кортц привстал. Он не был лишен способности удивляться, но в эту минуту его состояние скорее напоминало столбняк, чем удивление.

– Князь Платон Бельский?... Тот самый?...

– Думаю, что тот самый... Вам дать воды, месье?...

– А вам?

Джейк взял фужер с вином и сказал с улыбкой:

– А я, пожалуй, от радости, что нашел родного дядю, выпью вина!

Кортц заговорил нетерпеливо:

– Перестаньте ломать комедию, Джейк! Этот оперный князь-мельник меня серьезно всполошил.

– А меня нет. Я убежден, что это именно он, соперник моего отца и такой же охотник за книжным кладом, как и мы. Если это так, значит мы с вами, месье, приехали туда, куда надо.

– Но он уже пошарил тут до нас! В его распоряжении было тридцать лет! – раздраженный спокойствием Джейка, прорычал Кортес.

– Он мог шарить здесь сто лет, месье, и ничего не найти. План тайника был в руках у моего отца, а не у него...

– Вот как! – насмешливо воскликнул Кортес. – А вы не забыли, что он про Годунова сказал?

– Я расшифровал это так: он слышал все наши разговоры по-французски, он знает, зачем мы приехали сюда, и хочет нас выпроводить. Князь Платон не потерял еще надежды найти здесь тайник Грозного...

Кортес в раздумье зашагал по комнате. Остановившись у окна, он долго смотрел на высокую крепостную стену монастыря, уходившую вдаль из-за березовой рощи сиверского «Парка культуры и отдыха».

– Это опасный человек, Джейк, – заговорил он наконец. – Такой же опасный, как и профессор Стрелецкий... Я думаю, что мы должны установить с ним контакт, а затем как-то избавиться от него...

– ...а заодно и от Стрелецкого... – подсказал Джейк.

– Джейк! – строго сказал Кортес. – У вас часто появляются дельные мысли, очень дельные... Но если бы вы могли не делиться ими со мной... вспомните ваше обещание в Париже... Я хотел бы быть в стороне от некоторых ваших... э... весьма необходимых мероприятий. Вам двадцать пять лет, а мне за пятьдесят, и даже один год тюрьмы для меня будет моим последним годом...

Джейк ослабился:

— Я все помню, месье... Я помню свое обещание. Я помню даже то, что вы получаете от треста пятнадцать процентов, а я только десять... Но я аристократ и свое обещание сдержу.

— О'кэй!.. Да благословят вас аллах и святая дева! — деловито сказал Кортец и молитвенно воздел очи горе.

* * *

А утром на другой день Тася пришла в комнату Волошина на первом этаже Дома колхозника и застала его разглядывающим какой-то фотоснимок. Тася заглянула через плечо товарища.

— М-да... полное разочарование, — сказал Волошин. — Красочная мозаика стала серой, и вся прелесть этого удивительного церковного пола поблекла.

— Профессор говорит, что мозаику эту сделали по указанию Грозного после его второго приезда в монастырь, — тихо произнесла Тася и добавила с сожалением: — Как жалко...

— Да, напрасно я не прихватил с собой цветную пленку... А остальные снимки хороши. Посмотрите, Настенька, на эту башню над озером. Ни дать ни взять богатырь стоит, как вечный страж в дозоре.

— Правда! — восхищенно воскликнула Тася. — А вы заметили, Ваня, что на многих старинных русских церквах все купола разные?

— Заметил... Ну что ж, это хорошо... нет однообразия... Народ большой, натура неумная, и искусство такое же.

– А на вологодской Софье купола симметричные: один большой в центре, а четыре поменьше по углам... Когда смотришь прямо, видишь одну большую главу в центре и две малые по бокам. Я смотрела и все припоминала, где я уже видела эти три головы, одну большую и две малые по бокам...

– Ну и что же? Припомнили?...

– Припомнила, Ваня... Третьяковская галерея. Васнецов. «Три богатыря». В центре – Илья Муромец, а по бокам – Алеша Попович и Добрыня Никитич... Ну вот, вы опять смеетесь!..

– Да нет же, Настенька! Умница вы моя! – воскликнул Волошин. – Это здорово подмечено. Конечно, Васнецов это знал. Так вот с какой натуры он своих богатырей писал! Ох, и хитрый колдун!

– Вы говорили, что я сумасшедшая, а теперь говорите, что я умница, – с улыбкой сказала Тася.

– Я и сейчас то же говорю. Вы умница, но...

– ...с придурью?

– Нет, с... ну, с сумасшедшинкой, что ли.

– А вам такие не нравятся?

– «Нравятся»? Это не то слово, Настенька, – сказал Волошин и протянул к Тасе руку.

Но она увернулась и отбежала к окну.

– Какой чудесный день сегодня, Ваня!..

Вдруг Тася что-то вспомнила:

– А что, если я попрошу этого художника... как его... Еланский, что ли? Попрошу зарисовать мозаичный пол в красках?

Волошин нахмурился:

– Ни в коем случае не делайте этого.

– Почему?

– Я не люблю его...

– Напрасно. Он делает чудесные зарисовки.

– Я ему башку оторву! – свирепо прорычал Волошин.

– За что, Ваня?

– Это подозрительный тип... Приехал, шныряет тут по всему монастырю, во все сует свой нос... Куда ни повернись, он уж тут как тут и все в альбомчике малюет. Проныра! Не люблю таких...

– Но он для того и приехал из Вологды, чтобы все увидеть и зарисовать.

– Из Вологды ли? – многозначительно спросил Волошин. – А не из Москвы ли матушки?... И вообще, Настенька, он внушает мне подозрение. Не он ли это у Клавдии Антиповны на Ордынке побывал и письма Евгении Бельской прикарманил?...

– Что вы! – в ужасе воскликнула Тася. – Почему вы так решили?

– Имею основания... – с таинственным видом сообщил Волошин и тихо добавил: – Но вас я прошу об этом ни слова. Не общайтесь с ним...

Тася закивала головой:

– Да, да! Конечно!.. А с виду он такой симпатичный.

– Настоящий жулик всегда бывает с виду симпатичный, – изрек Волошин.

Желая переменить тему, он отошел от окна и снова обратился к снимку мозаичного пола:

– Сплошная серятина...

– А если подкрасить? – нерешительно спросила Тася.

– Ну нет! Будет не то... А ведь как интересно расположены цветные плитки... Тут целый узор...

Тася заглянула в снимок:

– Цветные плитки мозаики стали серыми и образовали единую извилистую линию.

– Верно... – согласился Волошин. – Смотрите, вот она начинается здесь, у притвора, подле огромного ромба, похожего очертаниями на Кузнецкую башню, а дальше вьется... Здесь в середине кружок, за ним снова витками идет линия. А вот тут ее конец помечен крестиком... Интересно!

Тася задумчиво глядела в окно.

– Я не понимаю, почему Грозный велел настлат в этой церкви такой причудливый пол...

– Наверное, на память об умершем маленьком сыне, – неуверенно произнес Волошин.

– А в каком месте он велел тайник для книг вырыть?

– Профессор Стрелецкий уверен, что тайник должен находиться где-то между Кузнецкой башней и церковью Иоанна Предтечи... А почему вы об этом спрашиваете, Настенька?

Тася молча взяла в руки снимок и стала пристально разглядывать ромбовидную серую плитку, от которой тянулась сплошная извилистая линия с крестиком на конце. Ромбовидная плитка действительно своими очертаниями напоминала Кузнецкую башню.

– Неужели... – тихо произнесла Тася.

– Что?

Но Тася положила снимок на стол:

– Нет... Это мне показалось.

– Что вам показалось?

– Нет, нет! Не скажу... – Она засмеялась: – А то вы опять будете называть меня сумасшедшей...

* * *

Позавтракав, молодые друзья отправились в монастырь. Но, как только они вошли на главный двор, Волошин схватил Тасю за руку.

– Стоп! – строго сказал он. – Нам, кажется, бесполезно будет понаблюдать за «умельцем живописных дел»...

– За кем? – недоуменно оглядываясь, спросила Тася.

– За художником Еланским...

– Неужели вы серьезно думаете, что он украл письма Евгении Бельской?

– Не знаю, он или нет, но я повторяю – мне его поведение кажется подозрительным...

Волошин взял Тасю за руку и повел за собой в обход управленческого здания на задний двор.

– Давайте обойдем конторские кельи, выйдем к Аллее Скорби и тихонько подберемся к этому «художнику», – тоном заговорщика предложил Волошин.

Они быстро прошли по березовой аллее, добрались до церкви Иоанна Предтечи и тихонько выглянули из-за угла... Еланского не было на холмике, где он часто сидел. Там, подле заброшенной гробницы, стоял только его мольберт.

– Гм!.. Куда же он делся? – проворчал Волошин.

Он вышел на холмик и стал осматриваться.

– Смотрите! – воскликнула Тася и указала пальцем на второй ярус крепостной стены, где мелькнула фигура человека.

– Он!

Еланский исчез в каком-то проломе так же быстро, как и появился.

– Что он там ищет? – обшаривая стену злыми глазами, спросил Волошин. – Настенька, вы по-пластунски умеете ползать?

– Это как?

– На животе...

– У... умею.

Волошин заговорил шепотом:

– Ложитесь на живот и ползите сквозь эти джунгли... – он кивнул на заросли полыни и репейника, – прямо к башне. Когда доползете, поднимайтесь через пролом в башне по каменной лесенке на второй ярус стены и очень тихо идите мне навстречу. Я тем временем проползу вон до того «каменного мешка». Понятно?

– Понятно...

– Вперед! – скомандовал Волошин и, бросившись плашмя на траву, как змея вполз в густую чащу полыни и репейника.

Тася с сожалением посмотрела на свое новое красивое платье и нерешительно оглянулась. Ей очень не хотелось порвать платье, расцарапать о колючки руки и лицо. Неожиданно ей пришла в голову простая мысль: если вернуться назад и быстро обогнуть холм, то до башни можно с успехом добраться и не «по-пластунски».

Так она и сделала, и уже через две минуты достигла

башни. Быстро и бесшумно вскарабкавшись по ее внутренней лестнице на кровлю первого яруса крепостной стены, она пошла по настилу над казематами и вскоре увидела Волошина. Он сидел на корточках и оглядывался по сторонам. Завидев Тасю, которая на цыпочках приближалась к нему, он приложил палец к губам.

Внезапно Тася услышала глухие голоса, доносившиеся снизу. Волошин уже приник ухом к щели в настиле и махнул рукой, жестом приказывая Тасе лечь. Позабыв о своем новом платье, Тася легла на живот и прислушалась. Внизу говорили по-французски...

* * *

Да, в полуразрушенном «каменном мешке» крепостной стены действительно говорили по-французски. Там находились КORTEЦ, Джейк и монастырский сторож дед Антон.

КORTEЦ то и дело беспокойно выглядывал из полуразрушенного «каменного мешка» во двор, а Джейк, вплотную подойдя к старику, говорил ему негромко, но внушительно, как гипнотизер:

— Нам все известно, князь. Вы не тот, за кого себя выдаете. Подделанная вами справка уличает вас полностью. Мы также знаем, что именно привязывает вас к этому монастырю уже много лет. Вы ищете здесь библиотеку Грозного...

Старик громко сопел и понуро глядел на груды кирпичей у себя под ногами. Джейк кивнул на КORTEЦа:

— Этот господин прибыл сюда из Парижа по тому же делу. Он представитель крупнейшей американской анти-

кварной фирмы. Ему надо помочь. Если вы знаете что-нибудь о книжном тайнике, расскажите... Вы получите деньги, уедете отсюда и спокойно проживете еще много лет...

Старик молчал. Кортес напряженно вглядывался в его непроницаемое лицо. «Потомку великого конкистадора» казалось, что Джейк ошибся, что старик сейчас пожмет плечами и скажет:

«Не пойму я, барин, по какому это вы со мной лопочете...»

Но старик выпрямился, сурово посмотрел на Джейка и заговорил на чистейшем французском языке:

– Да... вы не ошиблись... Я князь Платон Бельский... Я не знаю, кто вы, молодой человек... но я слышал... все ваши разговоры... Думаю, что и вы не тот, за кого себя... выдаете...

– Это не имеет значения, князь, – быстро ответил Джейк.

– Вы хотите найти... книги царевны Зои и Ивана Грозного? Напрасный труд... Я искал их здесь больше тридцати лет... и нашел...

Последнее слово старик не сказал, а прошептал, но этот звенящий шепот, как порыв ветра, можно было услышать и на берегу озера.

Кортес подошел к нему и вытаращенными глазами уставился в немигающие, сурово устремленные вперед глаза старика:

– Вы... нашли?...

– Нашел! – твердо, как последнее слово клятвы, вымолвил старик и тотчас же заговорил сам с собой, тороп-

ливо, то пришептывая, то крича: – Нашел пустой тайник! Совсем пустой!.. Грабители растаскали древнюю библиотеку... Но они не унесли ее далеко!

– Да? А где она? – КORTEц вцепился в его рукав.

Старик молчал, будто припоминая давний сон. Он беззвучно шевелил губами и глядел в треснувший, грозно нависший над ним потолок.

– Да говори ты, старый пень! – грубо рявкнул Джейк.

– Спокойно, Джейк! – сказал КORTEц. – Продолжайте свой рассказ, князь...

– Они... рассовали древние книги... по всему монастырю... Я десять лет собирал их... Я собрал и вновь захоронил их... Теперь уже никто... не найдет эти книги... – глухо сказал старик. – Никто!..

КORTEц и Джейк напряженно смотрели на старого сторожа. Он молчал.

КORTEц хотел что-то сказать, но Джейк властным жестом остановил его.

– Князь Платон... – заговорил он тихо и вкрадчиво, так, как говорил когда-то в кабинете КORTEца. – Доверьтесь нам. Мы люди вашего круга. Мы поможем вам унести отсюда всю древнюю библиотеку. Вы поедете в Париж вместе с месье КORTEцом...

Старик перевел глаза на смиренную физиономию Джейка. Он будто вернулся на землю из какого-то глухого подземелья и еще не мог понять, чего хочет от него этот прилизанный, чистенький юноша.

– В Париж? – спросил он и внезапно рассмеялся своим глухариным, клокочущим смехом. – Нет, господа, мне ваш Париж не нужен... Мне нужно только одно: отыскать среди

древних книг... индийский свиток с рецептом... Он вернет мне силы, память, вернет жизнь...

– Мы поможем вам найти индийский рецепт, – проникновенно зашептал Джейк. – У этого господина есть знакомые профессора, знающие все индийские наречия...

– Нет! – крикнул старик. – Родной брат украл у меня план тайника! Больше я никому не верю! Я не отдам вам древние книги... Я нашел их!.. Я спас их от гибели! Я! Один я!.. Они мои... И больше ничьи!..

Джейк обменялся быстрым взглядом с КORTEЦем и, отбросив вкрадчивый тон, заговорил уже с угрозой:

– А если мы расскажем, кто вы такой? Если докажем, что вы присвоили себе ценности, принадлежащие советской власти?

– Да, да! – подтвердил КORTEЦ, глядя пылающими глазами на старого маньяка. – Вы знаете, что с вами сделают коммунисты?...

Старик поглядел на КORTEЦа, затем на Джейка и ответил внятно и спокойно:

– Знаю. Они отнимут у меня мои сокровища, а меня посадят в тюрьму как вора...

– Вот именно! – воскликнул КORTEЦ. – Вы умный человек, князь!

– О да! – со смехом воскликнул старик. – Я умный человек... И потому я знаю... что вы ничего... и никому про меня не расскажете... Вы сами в моих руках, господа...

Он хитро прищурился, и КORTEЦ с Джейком вновь услышали глухариное клохтанье.

– Знаете что? – неожиданно оборвав смех, резко сказал старик. – Убирайтесь вы оба... туда, откуда пожаловали...

пока я первый не заговорил... Вот вам, господа... ответ князя Платона Бельского...

Он грубо оттолкнул сперва Джейка, затем Кортеца и неуклюже полез в пролом...

Джейк выхватил нож, но Кортец схватил его за руку:

– Джейк! Опомнитесь!

– Проклятая старая развалина! – позеленев от бешенства, прошипел Джейк, но нож спрятал. Его «азбука Морзе» после долгого перерыва работала полным ходом...

– Нам надо хорошо подумать, – сказал Кортец. – Идемте, Джейк...

– Что он сказал? – шепотом спросил Волошин.

– «Нам надо хорошо подумать. Идемте, Джейк...» – перевела Тася последнюю французскую фразу, произнесенную в «каменном мешке».

– Значит, «товарища Богемского» зовут Джейком?... – сказал Волошин. – Ого! Это любопытно!

Тася и Волошин полежали еще минуты две на настиле, пока не затихли шаги Кортца и Джейка.

– А теперь надо бежать немедленно в милицию, – решительно сказал Волошин, помогая Тасе встать и отряхивая ее платье от пыли.

– А это не обязательно, товарищ Волошин! – произнес кто-то почти рядом с ним.

Тася и Волошин оглянулись и увидели, что из расщелины соседнего каземата выбирается весь испачканный пылью художник Еланский. Волошин смотрел на него взглядом Фауста, впервые увидевшего Мефистофеля. Еланский продолжал:

– Вы еще в Москве обратились в милицию по поводу исчезновения писем Евгении Бельской. Этого вполне достаточно, – он вынул из кармана какую-то бумажку. – Вот ваше заявление начальнику уголовного розыска... Бонжур, камрад Березкина! – обратился он к Тасе. – Компренэ ву франсэ?...

– Уй... – растерянно ответила Тася.

– Трэ бьен! – с отличным французским прононсом воскликнул Еланский. – Значит, вы все слышали и все поняли?

– Позвольте! – настороженно глядя на него, воскликнул Волошин. – Кто вы такой?

– Ах да! Я забыл представиться. – Еланский вынул из кармана удостоверение и протянул Волошину: – Я сотрудник комитета государственной безопасности майор Руднев... Ваше заявление через милицию и уголовный розыск попало к нам.

Волошин и Тася переглянулись.

– Вы прибыли по моему заявлению и ничего мне не сказали? – сконфуженно и даже с обидой произнес Волошин.

Руднев усмехнулся:

– Не обижайтесь.

Столь внезапно превратившийся в майора госбезопасности «художник» быстро и лаконично изложил перед комсомольцами свой план действий. Он считал, что спускать непрошенных гостей раньше времени не следует. Руднев не сомневался, что КORTEЦ и Джейк все же рано или поздно узнают, где князь-сторож зарыл найденную им библиотеку Грозного.

– Пускай поработают, раз уж приехали сюда, – заключил он.

Отныне Тася должна была внимательно наблюдать за Платоном Бельским, а Руднев и Волошин – за обоими «туристами». Начальник Сиверского районного управления милиции, оказывается, был информирован о миссии майора Руднева и готов был оказать ему поддержку в любой момент. Однако до поры до времени в монастыре не должен был появляться никто из представителей милиции.

Профессора решили не тревожить.

Как ни предусмотрителен был Руднев, он не учел, что события в монастыре начнут разворачиваться необыкновенно стремительно.

Выбравшись из «каменного мешка», авантюристы буквально на ходу, еще не дойдя до церкви Иоанна Предтечи, выработали план действий, и Джейк с быстротой тренированного спринтера пустился вдогонку за стариком. Он догнал старика у ворот, ведущих на главный двор, пошел рядом с ним и быстро зашептал ему что-то на ухо. Платон Бельский шел, угрюмо глядя себе под ноги. Казалось, он больше слушает, как позвякивают ключи на его поясе, чем вникает в проникновенный шепот Джейка. Внезапно он остановился и удивленно поглядел на своего назойливого спутника:

– Профессор? – глухо переспросил он. – Вздор! Он ничего не найдет...

– Нет, найдет!.. – твердо сказал Джейк. – Но если на нас вы можете донести и нас можете устранить, то на профессора вы не донесете. А он не успокоится, пока не перевернет весь монастырь. Поймите вы это, князь!.. Вот кто ваш главный враг, а не мы. Мы друзья, только мы можем помочь вам...

– Чем? – с недоверием глядя на Джейка, спросил старик.

Джейк оглянулся и, не видя вокруг себя никого, кроме приближающегося Кортца, продолжал вполголоса:

– Мы поможем вам устранить этого опасного профессора раз и навсегда.

– Убить? – тихо спросил старик.

– Зачем? – с деланным ужасом воскликнул Джейк. –

Несчастный случай... Виновных нет, но зато нет и профессора.

Старик слушал уже внимательно, хмуро посапывая и пряча глаза в седых кустах бровей.

Джейк взял его под руку и повел к воротам, продолжая шептать.

НОЧНАЯ СЛЕЖКА

В тот же день около трех часов пополудни Волошин и «Еланский», забравшись в церковь Иоанна Предтечи на холмике против Кузнецкой башни и вооружившись биноклями, наблюдали за странным поведением Джейка, который взобрался на второй ярус крепостной стены. Этот ярус был сооружен на высоте около семи метров и, как бесконечный балкон, опоясывал крепостные стены монастыря, глядя на монастырский двор пустыми окнами без рам и стекол...

Джейк продвигался вдоль стены, время от времени выглядывая в окна.

Неожиданно остановившись и выглянув, Джейк стал внимательно осматривать окно, затем потрогал подоконник и тотчас же пошел обратно к башне.

– Это еще что за манипуляции? – пробормотал Руднев.

– Не понимаю, товарищ майор. Колдует... Он что-то задумал.

– Но что?...

Джейк спустился вниз, прошел мимо церкви Иоанна Предтечи и скрылся в воротах главного монастырского двора.

Руднев и Волошин вышли из своего убежища и поднялись на второй ярус стены, туда, где только что «колдовал» Джейк. Волошин считал:

– Первое... Второе... Десятое! Вот здесь он остановился.

Руднев тщательно оглядел десятое окно.

– Смотрите, товарищ майор! Отметка мелом... – Волошин указал на один из бурых кирпичей «подоконника».

– Да действительно, крестик... – произнес Руднев, разглядывая небольшую меловую отметку. Он огляделся вокруг. – Что это означает?...

Ответ на свой вопрос Руднев получил ночью...

* * *

В ту ночь майору не спалось. Он долго ходил по скрипучему полу комнаты Дома колхозника и, по своему обыкновению, мысленно вел разговор с постоянным своим собеседником, каковым являлся он сам. При этом собеседника Руднев называл «стариком», хотя тому (то бишь самому Рудневу) было всего лишь тридцать лет.

«Итак, старик, заграничные гости что-то задумали. Не уломав князя-сторожа, Джейк, в скобках Богемский, помчался вслед за ним и уже на ходу продолжал урезонивать строптивного князя... Они могли о чем-то договориться... Как ты думаешь, старик?»

«Могли... вполне...» – соглашался «собеседник».

«А после этого Джейк стал карабкаться на крепостную стену и рисовать на ней крестики. Есть над чем подумать, старик...»

Руднев прислушался. В Доме колхозника все спали, тишину нарушал лишь богатырский храп какого-то председателя колхоза, поселившегося за стеной. Кортес и Джейк устроились на третьем этаже, как раз над комнатой Руднева. Майор взглянул на потолок:

«Интересно, что они сейчас делают? Неужели спят?...»

Руднев уже ранее приспособил платяной шкаф для подслушивания через потолок разговоров Кортеса и Джейка. Но секретные разговоры гости вели в Доме колхозника редко. Видимо, они опасались подслушивания. Правда, один раз они заговорили по-английски, но познания Руднева в «инглише» были весьма ограничены.

Неожиданно наверху тихонько скрипнула дверь, и слышались шаги, заглушаемые коврой дорожкой в коридоре. Руднев прислушался... Кто-то тихо спускался по лестнице. Заскрипела ступенька, другая... Шаги замерли... Тишина... Глухой разговор... Легонько стукнула выходная дверь... Снова тишина...

«Вперед, старик!.. Быстро!» – мысленно приказал себе Руднев. Схватив серую шляпу, он неслышно выскользнул в коридор и быстро спустился вниз.

Дежурила молоденькая курносая Надя. Она оторвалась от потрепанной «Королевы Марго» и удивленно поглядела на Руднева:

– Вам что, товарищ художник?

– Хочу погулять, подышать воздухом, – быстро бросил Руднев и выскользнул в дверь.

Надя неодобрительно покачала головой и подумала:

«И этот тоже!.. Дома небось жены ждут, а они тут по ночам «воздухом дышать» бегают!..»

Руднев не был уверен, что из Дома колхозника сейчас вышел именно тот, кто его интересует, но, заметив вдали на полутемной улице фигуру неизвестного, он пошел за ним, стараясь держаться на почтительном расстоянии. Неизвестный на минуту остановился на освещенном перекрестке и оглянулся. Руднев приник к темному забору, замер: он узнал Джейка...

Оглядевшись, Джейк пересек улицу и направился к монастырской стене...

Руднев подождал немного, перебежал улицу в темном месте и последовал за ним.

«Внимание, старик! Внимание!...» – мысленно произнес он.

Крадучись, Джейк продвигался вдоль серой громады крепостной стены. Так он дошел до могучей Кузнецкой башни. Здесь, на берегу озера, Джейк остановился, снова оглянулся и, не заметив Руднева, мигом упавшего в траву, вошел в воду.

«Вброд?... – Руднев приподнял голову и стал следить за смутной фигурой Джейка, осторожно продвигавшегося по тусклой глади воды. – Охотничьи сапоги надел, что ли?... Ну, придется, старик, и нам в воду, хотя охотничьими сапогами не запаслись...»

Руднев стал подползать к воде, как только Джейк вышел на сухое место у крепостной стены. Но в воду ему лезть было рано: Джейк направился не к маленьким воротцам, ведущим на задний двор монастыря, а медленно двинулся вдоль берега, нагибаясь время от времени и тщательно разглядывая валуны у воды. Некоторые из них он толкал ногой, а иные даже пробовал поднять. Но, когда

камень оказывался очень тяжелым, Джейк не тужился и сразу шел дальше, осматривая новые валуны.

Руднев, прикинув к холодной стене башни, внимательно наблюдал в бинокль. Поведение Джейка казалось ему загадочным, майор никак не мог понять, зачем понадобились молодому авантюристу эти упражнения по подъему тяжестей.

«Что он тут делает?... Зачем ему эти камни?... Странно!.. Внимание, старик!.. Внимание!»

Наконец Джейк, видимо, нашел нужный ему валун. По его усилиям Руднев определил, что в этом камне не меньше двух пудов. Тем не менее Джейк взгромоздил валун себе на плечо и, придерживая обеими руками, заковылял к маленьким воротцам в задней стене монастыря. Камень закрыл от него Кузнецкую башню и Руднева, притаившегося за нею. Майор быстро вошел в прохладную воду. Через минуту Джейк с камнем исчез в воротцах, а еще через минуту в те же воротца осторожно заглянул и Руднев. Он не сомневался, что столь тяжелую и неудобную ношу Джейк на своем плече далеко не унесет, и не ошибся: Джейк сбросил с плеча валун и отдыхал, сидя на нем.

Руднев усмехнулся: с непривычки оно, конечно, трудно... Мешок надо бы прихватить, раз уж вам, мистер Джейк, понадобилось таскать такие увесистые камешки...

Он вновь высунулся из ворот. Джейк уже встал и рассматривал камень с видом Архимеда, старающегося открыть еще один закон о рычаге энного рода. Ничего, однако, не придумав, Джейк сокрушенно вздохнул, присел над валуном, понатужился, с трудом навалил камень к себе на живот и потащил его вдоль крепостной стены к Кузнецкой башне...

Прикрытия здесь никакого не было, и Рудневу пришлось ползти за ним, раздвигая траву...

Джейк доволоч свою ношу до входа в башню и с отворачиванием швырнул на траву. Руднев слышал, как он чертыхался, размахивая онемевшими руками.

Майор всем телом прижался к земле, боясь пошевелиться. Ясно: Джейк будет отдыхать после полукилометрового перехода с валуном не меньше четверти часа... Медленно повернув голову, Руднев, однако, увидел, что Джейка уже нет подле валуна. Майор тревожно огляделся и потянулся к биноклю, но в этот момент Джейк вышел из двери в башне и направился к своей ноше.

«Он собирается тащить этот камень в башню... Зачем?... Как ты думаешь, старик?...»

Но «старик» в эту минуту мог только спрашивать, отвечать он пока не решался.

Джейк сел на валун и приготовился к отдыху: видимо, те усилия, какие он затратил до сих пор, были только легкой тренировкой по сравнению с предстоящими упражнениями в передвижении тяжестей.

Руднев, лежа в траве, скептически разглядывал в бинокль его унылую фигуру:

«...Тяжелая эта работа – из болота тащить бегемота... Неужели бросит?... Было бы жалко. Хочется узнать, что он придумал».

«Не бросит, – успокаивал Руднева «старик». – Он, клятый, на карачках, а все же потащит...»

Джейк неожиданно встал, будто он услышал лестную характеристику «собеседника» Руднева и она вселила в него силы Геракла и дух Прометея. Вновь присев над своим

валуном и обняв его, как любимое чадо, Джейк опять взгромоздил камень на свой тощий живот и поволок к башне.

Когда он перешагнул через порог, Руднев вскочил и, мягко ступая по траве, быстро пошел к башне... Приблизился... Прислушался... Тяжко ступая по каменным ступеням и отчаянно сопя, Джейк взбирался наверх со своим грузом.

«Первый и второй ярусы прошел, – шепотом считал Руднев. – Приближается к третьему ярусу... Что дальше?»

Далекий глухой удар валуна о кирпичные плиты свода были ответом на вопрос Руднева.

«Бросил!.. Передышка...»

Но на этот раз Джейк не сел на валун для отдыха. Руднев услышал его шаги где-то вне башни. Шаги вскоре затихли. Было ясно, что авантюрист пошел по настилу над вторым ярусом вдоль крепостной стены, скорее всего – опять на разведку.

Руднев тихонько проскользнул в башню и стал медленно подниматься по каменным ступенькам внутренней лестницы. Дойдя до выхода из башни на второй ярус, он выглянул и в серой мути светлой северной ночи разглядел на пыльном настиле огромный валун. Руднев все еще не мог разгадать замысла Джейка и с нетерпением ждал, что дальше будет делать заграничный гость.

Притаившись в башне, он видел, как вернулся Джейк, как он поднял тяжелый валун и, кряхтя от натуги, понес его вдоль бесконечного коридора. Выйти из башни Руднев не решался, спрятаться здесь было невозможно, и, внезапно оглянувшись, Джейк мог заметить, что за ним следят...

Наблюдая в бинокль, майор увидел, как Джейк остановился возле оконного проема, обращенного во двор монастыря, как, собрав последние силы, он взгромоздил валун на широкий кирпичный подоконник. Затем Джейк стал тщательно отряхивать свой пиджак и брюки от пыли и грязи. Привел одежду в порядок, потрогал валун, полюбовался им с минуту и направился к башне...

Руднев сразу сообразил, что Джейк может дойти до башни и спуститься вниз гораздо раньше, чем он, Руднев, сбежит по лестнице и успеет найти надежное укрытие где-нибудь на обширном заднем дворе. Да и бежать в темноте по ступенькам было нельзя, Джейк услышит топот... Оставался один путь к отступлению – на крышу яруса. И Руднев метнулся по каменным ступенькам внутрибашенной витой лестницы.

Наверху Руднев слышал, как Джейк спустился вниз, а затем вышел из башни и пошел к тем же маленьким воротцам в задней стене, через которые вошел в монастырь. Следить далее за ним не было смысла: Джейк осуществил какую-то важную часть своего замысла и отправился спать в Дом колхозника.

Теперь надо было сходить к валуну, взгроможденному на край стены, осмотреть его и понять наконец, что задумал этот долговязый лунатик с зелеными веками...

Утром Волошин вместе с неугомонным майором вновь проник в церковь Иоанна Предтечи. Они оба устроились у высоких узких окон, и Руднев направил бинокль на второй ярус крепостной стены.

– Ну, товарищ Волошин, что вы видите на подоконнике десятого окна? – спросил Руднев.

Волошин всмотрелся.

– Что-то бурое, круглое. Котел, что ли?

– Нет, это не котел. Это огромный валун, камень с берега озера. В нем не меньше двух пудов...

– Как он туда попал?

Руднев отнял от глаз бинокль.

– Это «товарищ Богемский». Ему никогда в жизни не приходилось так работать, как в эту ночь. На второй ярус стены он тащил этот камень часа полтора и был так увлечен работой, что не заметил, как я за ним наблюдаю...

– Зачем же он его туда втащил? – недоуменно глядя на Руднева, спросил Волошин.

– Очевидно, для того же, для чего четыре века назад эти камни таскали на крепостную стену монахи и народные ополченцы, – с веселой усмешкой ответил Руднев. – Чтобы сбросить их оттуда на головы врагов...

– Он хочет сбросить этот камень?... – медленно произнес Волошин и вновь прильнул к биноклю. – Но на чью же голову?...

Руднев усмехнулся:

– Ну, это чересчур примитивно. «На голову»!.. Мы не ливонцы и не польская шляхта... Я осмотрел там все и понял, что, если этот камень столкнуть вниз с высоты семи метров, он упадет как раз на настил «каменного мешка», в котором происходил исторический разговор между князем-сторожем и нашими «туристами». А под настилом провисли и держатся на честном слове кирпичные своды весом этак в две с лишним тонны... Вы меня поняли?

– Обвал?! – глядя на Руднева широко раскрытыми глазами, воскликнул Волошин.

– Да!.. Несчастный случай... Кто-то погиб, а виновных нет.

– А кто этот «кто-то»?

– Вот этого я у «товарища Богемского» не спросил. Он был так занят работой, что мне не хотелось его отрывать. Но мы скоро это узнаем...

– Они подозревают кого-то из нас, – глядя в бинокль, сказал Волошин. – Этот камень предназначен для моей или вашей головы...

– Поживем – увидим, товарищ Волошин. А пока берите вот этот пистолет, отправляйтесь на второй ярус стены, спрячьтесь там где-нибудь поближе к камню и задержите всякого, кто к нему приблизится.

Волошин взял тяжелый ТТ и сказал по-военному:

– Есть, товарищ майор! Всякий, кто приблизится к камню, будет задержан.

Руднев уже отошел от Волошина, но тот неожиданно окликнул его:

– Товарищ майор! Я должен сделать важное сообщение...

– Какое?

– Я как-то сделал снимок мозаичного пола в этой церкви. Краски не получились, но зато обозначилась одна сплошная, очень закрученная линия... Моя подруга Тася сегодня поделилась со мной интересной догадкой: а не является ли рисунок этой мозаики планом подземного хода, который находится под этой церковью или где-нибудь поблизости?

– Интересно! – оказал Руднев. – Надо проверить. Но сейчас на очереди вон тот камень на стене. Не спускайте с него глаз.

– Слушаю, товарищ, майор!

«СДАЙТЕ ОРУЖИЕ!»

Руднев взял альбом для зарисовок и направился к «каменному мешку». Он вошел в каземат и долго разглядывал грозно нависшие над головой своды.

Покачав головой, майор выбрался из каменной ловушки и пошел на главный двор. Здесь, у газона напротив группы храмов, он увидел Кортца и Джейка. «Потомок великого конкистадора» фотографировал храмы; Джейк рассеянно за ним наблюдал, время от времени поглядывая на здание конторы музея. Он кого-то ждал.

Руднев приблизился к ним и также стал внимательно разглядывать храм.

– Красивый собор! – сказал он.

– Да... – рассеянно ответил Джейк. – Мы его тщательно охраняем.

– Его в пятнадцатом веке построил русский зодчий Прохор Ростовский, – любуясь величественным храмом, сказал Руднев. – Я хочу зарисовать его купола.

– Пожалуйста, – безразлично ответил Джейк и вновь поглядел на дверь конторы.

Оттуда вышла Тася, огляделась, увидела Руднева и направилась к нему. Она торопилась и была явно чем-то взволнована. Подойдя к Рудневу, Тася сказала:

– Товарищ Еланский! Вас просит директор музея.

Руднев захлопнул альбом и зашагал к конторе. Тася пошла рядом с ним и тихо, быстро заговорила:

– Только что я слыхала, как сторож предложил про-

фессору Стрелецкому осмотреть один никому не известный ход в подземелье у Кузнецкой башни. Он сказал профессору, что ход этот ведет в подземный тайник, сооруженный еще при Иване Грозном. – Тася понизила голос до шепота: – Неужели он решил открыть свою тайну?

Не глядя на нее, Руднев так же тихо ответил:

– Не отходите от профессора ни на шаг... Скорее всего, именно на него готовится покушение... В крепостной стене есть ловушка... Там засел Волошин...

В это время из конторы выполз угрюмый сторож, а затем профессор Стрелецкий. Завидев Тасю, он помахал ей рукой:

– Я скоро вернусь, Тасенька!

– Идите с ним... – приказал Руднев. – Как только он войдет в каземат в крепостной стене, сейчас же тащите его обратно...

Тася ничего не поняла, но объясняться было уже некогда. Она подбежала к профессору и пошла рядом с ним. Руднев видел, как Стрелецкий остановился и что-то сказал сторожу. Тот безразлично поглядел на Тасю и, пожав плечами, побрел к крепостной стене...

Руднев оглянулся: Кортес как ни в чем, не бывало фотографировал церкви, а Джейк, не обращая внимания на Стрелецкого и сторожа, давал Кортесу какие-то объяснения.

– Любопытно... – тихо сказал Руднев и, войдя в сени конторы, продолжал через щелку наблюдать за Кортесом и Джейком.

Через пять минут он вышел из сеней и вновь направился к ним.

– У месье хороший вкус, – сказал он. – Если он не выражает, я буду зарисовывать все, что он фотографирует.

Джейк перевел КORTEЦУ слова «художника».

– О! Манифик! Силь ву пле, маэстро! – оживленно воскликнул КORTEЦ.

– Обратили ли вы внимание, месье, что все купола вон того храма резные? – вежливо спросил «художник».

Джейк перевел.

– Меня восхищает эта асимметрия! – искренне воскликнул КORTEЦ. – Она роднит русское искусство с искусством варваров восьмого-девятого веков. Я видел во Франции их капеллы.

– Я предпочитаю самобытное искусство варваров геометрической пропорции готики, – ответил Руднев, быстро набрасывая контур шишковатого купола церкви.

Джейк заглянул в его альбом:

– Вы хорошо рисуете.

– Я любитель, – скромно ответил Руднев.

Делая зарисовки, он украдкой наблюдал за КORTEЦом и Джейком. Последний и не думал следовать за сторожем и профессором, но время от времени он все же беспокойно поглядывал в ту сторону, куда сторож увел Стрелецкого. КORTEЦ был целиком поглощен фотографированием.

Прошло минут двадцать. Неожиданно в воротах показалась Тася. Она подбежала прямо к Рудневу и, отозвав его в сторону, сообщила:

– Сторож привел нас с профессором в ту каменную дыру, где эти... – она кивнула на Джейка и КORTEЦа, – объяснялись тогда со стариком. Он велел нам ждать, а сам куда-то исчез... Я сказала профессору, что это ловушка, и чуть не силой вытащила его из каземата.

– А сторож? – быстро опросил Руднев.

– Волошин задержал его где-то наверху, на стене, – с волнением и недоумением сказала Тася.

Она до сих пор не уяснила себе смысла всего, что произошло с нею и профессором.

– Ну? И где он теперь? – нетерпеливо спросил Руднев.

Джейк и Кортец без всякого стеснения подошли к Рудневу.

– Там что-нибудь случилось, девушка? – спросил Джейк. Но Тася ответила не на его вопрос, а на вопрос Руднева:

– Сторож вбежал в заброшенную усыпальницу князей Бельских, заперся на железный засов и не выходит.

– Мне нужно перезарядить кассеты, господин Богемский, – сказал Кортец и, круто повернувшись, направился к надвратной церкви. Джейк последовал за ним.

– Скажите Волошину, пусть не отходит от усыпальницы ни на шаг! Бегите! – бросил Руднев Тасе и быстрыми шагами догнал Кортеца и Джейка.

– Минутку, господа!

Заграничные гости остановились и тревожно переглянулись.

– Только что у крепостной стены было произведено покушение на жизнь профессора Стрелецкого... – сказал Руднев, пристально глядя на Джейка.

– Нам до этого нет дела, товарищ художник, – сердито ответил Джейк. – Обратитесь в милицию.

– Милиция уже здесь, – сказал Руднев и показал Джейку свою книжку. – Я майор госбезопасности Руднев. Прибыл из Москвы для наблюдения за вами.

Джейк быстро оглянулся по сторонам. Руднев понял.

– Монастырь оцеплен, «товарищ Богемский»... Но вчера ночью, когда вы так трудолюбиво возились с камнем, я был здесь один... А теперь предъявите ваше командировочное удостоверение.

Кортец с разочарованным видом смотрел на пышный куст сирени. Джейк нехотя подал Рудневу свое удостоверение и, растерянно моргнув зелеными веками, сказал:

– Здесь какое-то недоразумение, товарищ майор.

Руднев внимательно осмотрел документ и сказал:

– Хорошо сделано... – Он сличил подпись с каким-то заявлением. – И подпись Тараканцева нормальная... Мы добрались до него, и ему пришлось нам рассказать все...

Джейк молчал.

– Сдайте оружие, господа! – произнес Руднев и добавил, насмешливо глядя на Кортца: – Думаю, что вы меня понимаете и без переводчика, месье Кортц. До появления в этом монастыре вы неплохо владели русским языком.

– Я владею многими языками, господин майор, – сказал по-русски Кортц. – И я всегда выбираю тот, какой мне более удобен. Но вы, может быть, все же объясните ваше поведение? Болтовня какого-то Тараканцева – это еще не аргумент...

– Ваш спутник организовал покушение на профессора Стрелецкого. У меня есть доказательства. А оба вы шантажировали гражданина Тараканцева.

– Чепуха! – с оскорбленным видом воскликнул Кортц, но тем не менее сунул руку в карман и протянул Рудневу крохотный ножичек-несессер в замшевом футляре.

– Вот все мое оружие. Я никогда не ношу при себе много металла.

– Оставьте это у себя, – сказал Руднев и пристально взглянул на Джейка.

Тот стоял не шевелясь и угрюмо смотрел в землю.

– Господин Бельский, вы слышали мое приказание?

Джейк медленно достал из карманов большой складной нож и браунинг и подал их Рудневу.

– Это все?

Кортц усмехнулся и процедил сквозь зубы:

– У него есть еще водородная бомба, но он забыл ее дома.

– Я думаю, что господин Бельский и от водородной бомбы скоро избавится, – с иронической улыбкой сказал Руднев. – Я прошу вас, господа, пройти за мной в районное управление милиции.

– А потом? – с тревогой спросил КORTEЦ.

– А потом вам, господин КORTEЦ, надо будет немедленно вернуться в Москву самостоятельно, а с господином Бельским мы поедем туда вместе...

Они направились к выходу из монастыря. К КORTEЦу уже вернулось ровное настроение. «Что ж, – рассуждал он, – с охоты за сокровищами Ивана Грозного я возвращаюсь с пустым ягдташем. Но скоро я, несомненно, вновь буду в Париже... Это лишь очередная неудача, вроде истории с Коптским евангелием...

Они приблизились к надвратной церквушке. Сказочная «Царевна Лебедь» удивленно смотрела на них узкими бойницами-окнами. КORTEЦ взял в руки фотоаппарат и спросил, обращаясь к Рудневу:

– Разрешите сфотографировать этот шедевр русского зодчества?

Руднев пожал плечами:

– Пожалуйста!

– Мне надо хоть как-то возместить убытки, – пояснил КORTEЦ и щелкнул затвором. – Я в Париже организую фотовыставку оригинальных росписей Дионисия и неизвестного миру монаха Александра, которые я увидел здесь, а также образцов русского древнего зодчества...

– Вот и занимались бы этим, господа, – искренне посоветовал Руднев.

– Не знаю, как другие иностранные гости, господин майор, – ответил КORTEЦ, – но я прежде всего деловой человек, я занимаюсь тем, что сулит мне наибольшую прибыль.

Он взглянул на Джейка. У того был вид человека, хлебнувшего уксусу, настоящего на хрене.

– Не унывайте, Джейк! Вспомните о вашем контракте с трестом.

– Убирайтесь к черту! – злобно крикнул Джейк.

ЛАБИРИНТ

Позади церкви Иоанна Предтечи было «царство дремучих трав» – там буйно разрослись полынь, репейник, одичалая конопля. В этих зарослях мог скрываться стоящий во весь рост человек. И там, позади церкви, в пахучих травах, в ясной тени печальных деревьев, среди вековой тишины стояла заброшенная усыпальница князей Бельских, та самая, куда позавчера ночью на глазах у Волошина скрылся старый монастырский сторож. Над глубоким склепом ее возвышалась небольшая часовня. Может быть, когда-нибудь эта часовня выглядела вполне сносно, но годы сделали свое дело: зеленая крыша ее побурела и провалилась, штукатурка стен и маленьких колонн облупилась, а железные решетки замысловатого рисунка на окнах и двери заржавели...

Русские старинные зодчие не уделяли столько внимания гробницам и мавзолеям, сколько уделяли надгробным сооружениям зодчие и ваятели Ренессанса, строители пирамид, мавзолея Тадж-Махал и подобных сооружений. Усыпальница князей Бельских служила тому ярким доказательством. Она была очень скромна и очень печальна. Как впавшая в нищету старенькая барыня, стояла она на задворках древнего монастыря, дивясь невиданному скоплению людей вокруг... А люди эти уже два часа бесцеремонно заглядывали в ее окна, окликали кого-то

скрывшегося в гробнице и много говорили. Здесь были Волошин, Тася и профессор Стрелецкий, директор монастыря-музея Анышев и несколько милиционеров. Трое первых были очень взволнованы необычайными событиями и оживленно обсуждали все, что случилось в монастыре в тот день...

Запершийся в гробнице старый сторож не откликался, и, устав звать его, милиционеры расспрашивали Анышева об усыпальнице князей Бельских.

Директор монастыря-музея до своего появления в Сиверске служил где-то управдомом, на занимаемую им должность он попал случайно и не скрывал своего удивления по поводу забот советской власти о старинных церквах и «никому не нужных» крепостных сооружениях. Чувство тревоги за бесполезность своего дела никогда не покидало его...

— Гробница эта заприходована по нашим книгам и документам как сооружение, не имеющее исторической ценности, — пояснял он окружавшим его московским гостям и милиционерам. — По этой причине ни в какие сметы по ремонту она не попадает. Однако по тем же документам значится, что в 1915 и 1916 годах приезжал сюда из Петербурга какой-то князь Бельский и занимался ремонтом и реконструкцией указанной гробницы. При этом земли в озеро было вывезено несметное количество...

Рассказ Анышева был прерван появлением Руднева и начальника сиверской милиции. Тася, Волошин и профессор засыпали майора вопросами. Руднев сообщил, что Кортец дал важные показания и спешно уехал в Москву, а Джейк Бельский должен дожидаться своего сообщника по

покушению, Платона Бельского, и поедет в Москву вместе с ним, Рудневым.

– Да, кстати! – добавил майор. – Оказывается, Джейк Бельский – родной племянник князя Платона Бельского. Он сын русского белоэмигранта.

– «Сколько их, куда их гонит!» – насмешливо воскликнул Волошин. – Бельские лежат тут рядом, в гробах, их потомок полез в гробницу, не дождавшись смерти, а еще один Бельский, чтобы составить им компанию, примчался специально из Америки.

– А что с князем-сторожем? – спросил Руднев. – Подает ли он хоть признаки жизни?

– Молчит. Не умер ли он от инфаркта? – нерешительно сказала Тася.

Хотя Платон Бельский состоял в заговоре с Джейком, ей все же было жалко этого одинокого старика, которого любила когда-то прекрасная женщина.

– Ну что ж, придется вскрыть дверь, – решил Руднев. – Да! Я забыл передать вам, профессор, один интересный экспонат, обнаруженный при обыске у Джейка Бельского. Не объясните ли вы нам, что это такое?

Он вынул из кармана свернутый в трубку пергаментный лист, уже знакомый читателю.

Анышев побежал за слесарем, а Стрелецкий, окруженный Тасей, Волошиным, Рудневым и представителями сиверской милиции, стал внимательно разглядывать пергамент в лупу.

Через несколько минут он поднял голову и обвел всех удивленным, недоумевающим взглядом.

– Поразительно! Это титульный лист антологии Агафья!

Он вновь стал разглядывать лист.

– Но как он к ним попал? – спросил Волошин.

– А разве вы не помните, что нам рассказывала старушка на Ордынке? – сказала Тася. – Вспомните, как муж Евгении Бельской хотел вырвать из рук своей жены византийскую книгу, но вырвал только титульный лист...

– Это невероятно! – пробормотал Стрелецкий. – Здесь дарственная запись Ивана Грозного, и нарисован чертеж... Это план тайника... Я был прав... Библиотека Грозного где-то здесь...

– Вот видите! – укоризненно глядя на Волошина, сказала Тася. – А вы, Ваня, не верили, вы говорили, что князь Платон сумасшедший, что он никакого тайника не нашел.

В это время дверь в гробницу уже была открыта. Тася и профессор бросились к ней, но Руднев остановил их.

– Спокойно, товарищи! Мы ищем преступника, и здесь нужна осторожность... Сейчас сюда войду только я и со мной двое милиционеров.

Руднев вошел в часовню. За ним вошли милиционеры. Им сразу же пришлось спуститься по ступенькам. Просторное помещение усыпальницы князей Бельских напоминало погреб. На Руднева пахнуло холодом и сыростью. Его обступила темнота. Руднев пошарил по стенам лучом фонаря. В склепе никого не было...

«Что за чертовщина! Куда он мог деться? – размышлял Руднев. – Неужели здесь есть еще один выход?...»

Руднев, а с ним и милиционеры тщательно обследовали все стены, пол, потолок; они осматривали, выстукивали, но камень и кирпич всюду отзывались глухим звуком... Наконец майор обратил внимание на металлическую надгробную плиту, вделанную прямо в пол.

Над плитой стоял массивный чугунный крест, а на самой плите выпуклыми старинными буквами была сделана длинная надпись, извещавшая, что под плитой покоятся гробы трех Бельских, в разное время сосланных в Сиверский монастырь великим князем Василием, временщиком при малолетнем царе Иване – Шуйским и самим Грозным.

Руднев пригласил в усыпальницу Анышева, Волошина, начальника милиции; Тася и Стрелецкий вошли без приглашения. После небольшой консультации с директором Руднев приказал милиционерам вооружиться ломami и приподнять надгробную плиту. Но, к общему удивлению, приподнять ее не удалось. Лишь случайно Волошин обнаружил, что стоящий над плитой чугунный крест вращается. Поворачивая его в разные стороны, удалось приподнять плиту. Под плитой оказалась каменная лестница в десять ступенек. Руднев и Волошин спустились по ней и попали в темный туннель, облицованный камнем. Туннель был извилистым и длинным. Руднев и Волошин долго шли в темноте, освещая путь электрическими фонариками. Наконец впереди забрезжил свет, и они опять увидели каменную лестницу. Они услышали голоса, а когда поднялись наверх, то очутились... в той самой гробнице, из которой начали свое подземное путешествие.

– Что за дьявол! – воскликнул с удивлением Руднев. – Мы вернулись туда же, откуда вошли!

– Ваня! – Тася с тревогой и радостью бросилась к Волошину. – Вы целы и невредимы? А я так боялась...

– Ну, что там?... – нетерпеливо спросил Стрелецкий.

– Это лабиринт! – сказал Волошин. – Мы прошли под землей не меньше километра по какому-то туннелю, а он нас привел туда же, откуда мы вошли в него.

– Это нет! Шалишь! – воскликнул Руднев. – Волошин! Пошли обратно... Только теперь надо смотреть внимательно. Там есть какая-то лазейка в сторону.

– Идемте! – решительно произнес Волошин и вновь двинулся к спуску в подземелье.

– Ваня! – окликнула его Тася. – Возьмите меня с собой... Я так боюсь!..

– А коль боитесь, зачем же вам спускаться в это чертово подземелье? С вами там все может случиться, – насмешливо сказал Руднев.

– Я не за себя боюсь, – тихо произнесла Тася.

– Ах, вот оно что... – сказал Руднев. – Товарищ Волошин, предлагаю вам остаться.

– Ни за что!

– Этот старик сумасшедший, – чуть не плача, сказала Тася. – Он там притаился где-то...

Кое-как общими усилиями Тасю удалось успокоить, и Руднев с Володиным вновь скрылись в черном зеве могильного склепа...

Прошло пятнадцать минут. Они не появлялись и никаких сигналов не подавали... Прошло двадцать и тридцать минут... Ни звука...

Тася отошла от часовни, легла на траву и уставилась в небо остановившимися глазами. Ей казалось, что прошла уже вечность с тех пор, как Волошин опустился в подземелье. Неожиданно она услышала голос Волошина:

– Настенька! Где вы?...

Она бросилась в часовню и увидела Руднева и испачканного, но невредимого Волошина.

– Вы живы? А я уж все передумала...

– Опять то же, – с недоумением и досадой сказал Руднев. – Кружили, кружили, ощупывали каждый метр стены, а лабиринт привел нас обратно к гробнице...

– Загадочная история! – многозначительно промолвил Стрелецкий. – Но теперь я уже не сомневаюсь, что мы попали на верный путь. Где-то там, в туннеле, есть ход, который ведет в книжный тайник Грозного.

– Тайник Грозного! Скажите пожалуйста! – с беспкойством воскликнул Анышев. – А я тут как дурак рядом сижу и ничего не знаю! Какие-то подземелья, какие-то тайники... Что, если мое начальство узнает?... Ведь это же скандал! Халатность пришьют!.. Ох, понаехали вы тут на мою голову!..

Кто-то предложил в подземелье больше не спускаться. Если старик притаился там, он долго не выдержит: воздух в подземелье тяжелый, пищи и воды, наверное, нет, а если есть, то не так уж много...

– Он непременно выползет сам, и мы его задержим, – резюмировал начальник милиции.

– Да ведь нам нужен не он, мой милейший! – воскликнул Стрелецкий.

– Как это «не он»? А кто покушался на вас?

– Да бог с ним, с покушением, товарищ майор! Надо тайник найти. Тайник с библиотекой Грозного! Понимаете вы это?

– Как не понять? – пожав плечами, ответил начальник милиции. – Библиотека – это... конечно... что и говорить. Но тут мы уже имеем дело, так сказать, с пропажей государственного имущества. Этим, к вашему сведению, должен заниматься отдел борьбы с хищениями и спекуляцией.

А покушение на убийство уже другая область. Это дело милиции и уголовного розыска... Что же касается иностранного агента, то тут, так сказать, дело политическое... Во всем должны быть ясность и порядок, товарищи...

Тем временем наступил вечер, а за ним пришла и ночь. Монастырь был оцеплен плотным кольцом милиционеров. Усилены были посты на дорогах, они проверяли документы у всех пожилых мужчин. На речной пристани дежурили сотрудники розыска в штатском.

Майор Руднев еще несколько раз спускался в подzemье, но безрезультатно. Основательно устав, он вошел в притвор церкви Иоанна Предтечи и решил соснуть там часок как раз под иконой Георгия Победоносца.

Не ушел и профессор Стрелецкий. Он устроился в том же притворе, под иконой евангелиста Луки, и попросил Волошина разбудить его, если произойдет что-либо экстраординарное.

Милиционеры, рассевшись вокруг загадочной гробницы по двое и по трое, вели тихие разговоры о привидениях, лунатиках, самоубийцах и психопатах.

Тяжело вздыхал и бродил вокруг гробницы директор Анышев. Мысль о предстоящем розыскании не давала ему покоя...

Тесно придвинувшись друг к другу, сидели на паперти Тася и Волошин. Тася, поеживаясь, тихо говорила:

– Жутко и интересно... Чем все это кончится? А «товарищ Богемский»?... Потомок князей Бельских! Прибыл из Америки! Охота за кладом!.. Прямо как в детективном романе! Жалко, здесь Шпанова нет...

– Да, конечно, – рассеянно отвечал Волошин. – Но все

же, куда делся старик? Ведь я там ощупывал каждый камешек и нигде ни одной щелки не нашел... Очень хитрый лабиринт! Идешь будто все время прямо, а приходишь назад.

– Ваня!.. А вы помните, что я вам сказала про ваш снимок мозаичного пола? Может быть, это действительно план подземного хода? – спросила Тася.

– Да, да! – обрадованно воскликнул Волошин. – Я сегодня об этом говорил Рудневу. Но он велел мне дежурить у камня, некогда было разглядывать снимок.

– Снимок у меня. В сумочке. Давайте посмотрим, – предложила Тася.

– Давайте!

Тася вынула из сумочки снимок и подала его Волошину. Тот зажег свой фонарь, и оба они склонились над фотографией.

– Если это подземный туннель, то он берет начало из Кузнецкой башни... Но в башне был обвал...

– А Анышев говорил, что в 1915 и 1916 году сюда приезжал какой-то князь Бельский и занимался реконструкцией гробницы своих предков, – напомнила Тася. – Помните, он сказал: «При этом земли в озеро было вывезено несметное количество...»

– Правильно! – воскликнул Волошин. – Умница вы моя! А я и не обратил внимания.

– Наверное, это и был князь Платон. Убедившись, что ход в тайник через башню прегражден обвалом, он решил добраться до подземного туннеля через гробницу... – развивала свою мысль Тася.

– Вполне возможно! – согласился Волошин. – Тем бо-

лее что, роаясь в своей фамильной гробнице, он не возбуждал никаких подозрений.

Волошин вновь обратился к серой извилистой линии на фотографии.

– Это своего рода чертеж, записанный Грозным на полу церкви. Такой чертеж не мог затеряться, а тайну его знали немногие и притом самые верные люди... Но где же здесь путь к тайнику?

Он повернул чертеж так, что ромбовидная фигура была теперь направлена к Кузнецкой башне.

– Здесь вход... Здесь обвал преградил путь... – водя пальцем по снимку, рассуждал Волошин. – Значит, гробница должна находиться вот в этом месте...

Он пошарил по карманам и, достав авторучку, поставил на снимке крестик.

– Если князь Платон действительно решил сорок лет назад пробиваться к тайнику через гробницу, он должен был попасть в туннель где-то вот здесь...

Волошин вновь поставил крестик, на этот раз уже на самой извивающейся линии.

– Мы с Рудневым вошли в подземелье вот в этом месте и пошли прямо... Мы вышли вот сюда... Потом дальше, еще дальше... – Волошин поглядел на Тасю: – Вы понимаете, Настенька, как хитро устроено? Нам казалось, что мы идем прямо, а на самом деле мы уже возвращались назад...

– А вот здесь линию вашего пути пересекает другая линия, – указала пальцем Тася.

– Ага! Так вот где надо сворачивать в сторону! Но где же он, этот переход? Мы ощупали там каждый сантиметр стены!

– Надо сосчитать шаги, а затем вычислить, на каком отрезке пути находится стык с другой линией.

Волошин вскочил:

– Сейчас! Я лезу в туннель немедленно.

– Что вы, Ваня!.. Один?... – испуганно прошептала Тася. – Возьмите хоть меня.

– Нет, нет! Ни в коем случае!

– Я разбужу Руднева.

– Не надо... Я должен проверить. Я не люблю ложных тревог. Вы лишь постерегите у входа. Если что случится, я выстрелю, и вы позовете Руднева...

Тася покорно поплелась за ним.

– Но первый спуск ничего не даст. Я лишь сосчитаю шаги, а потом мы высчитаем, где стык, – возбужденно говорил Волошин.

Он спустился в туннель и на этот раз вернулся очень быстро.

– Тысяча триста шесть шагов! – объявил он. – Где снимок, Настенька?

С помощью нитки они определили, что стык находится где-то между семьсот пятидесятым и восьмисотым шагом... Волошин вновь спустился в склеп. Быстро отшагав семьсот пятьдесят шагов, он стал продвигаться медленнее, тщательно освещая стены, пол и свод и осматривая и выстукивая их. Неожиданно ему показалось, что пол в одном месте отозвался гулко. Он подпрыгнул. Действительно, чувствовалось, что глина в этом месте лишь насыпана на крышку какого-то люка.

«Значит, главный туннель находится внизу?» Волошин стал руками разгребать глину. Но это было нелегкое заня-

тие. Слой глины не менее чем в двадцать сантиметров покрывал дубовую крышку.

Волошин хотел было позвать кого-нибудь, но озорное желание все узнать самому удержало его. Сообразив, что проникнуть в нижний туннель можно, лишь приподняв крышку с глиной, он понял, что надо искать какое-то кольцо или ручку в этой крышке.

«Иначе как же ее приподнимают? – подумал Волошин. – Надо чем-то нащупать это кольцо под глиной».

Но ничего под руками не было, и он помчался по туннелю к гробнице.

Выпрыгнул он из склепа, словно только что воскресший и чрезвычайно этим довольный покойник.

– Нашел! – сипло зашипел он. – Настенька! Я нашел ход в другой туннель!..

– Неужели? – обрадовалась Тася. – Я сейчас позову Рудневу.

– Ни в коем случае! Я хочу проверить сам, один...

– Честолюбие?... А я тут дрожу от страха за вас!

– Ничего не бойтесь. Я сейчас... Мне нужна какая-нибудь штучка... Ага! Вот!..

Он выдернул железный прут из полуразрушенного решетчатого окна часовни и, бодро махнув Тасе рукой, спустился вниз.

ТАЙНИК

Войдя в глину подле самой стены, прут неожиданно уперся во что-то металлическое и соскользнул. Волошин лихорадочно пошарил прутom и явственно услышал же-

лезный лязг. Слой глины здесь был гораздо тоньше, чем над всей крышкой.

Покопавшись в глине, Волошин нащупал большое железное кольцо и потянул его. Но ему надо было стать так, чтобы не давить на крышку. После трех неудачных попыток он наконец поднял крышку и отбросил ее к стене.

В черную глубину уходили ступеньки деревянной стремянки... Поколебавшись с минуту, Волошин достал ТТ, переданный ему Рудневым еще днем, и стал медленно спускаться. Нога ступила на земляной пол... Он прислушался... Тихо... Оглянулся, посвечивая фонарем, и увидел темные стены низкого хода, выдолбленные в камне-песчанике... Подумал: «Когда-то здесь было дно озера... Ну что ж, побредем, поищем». На минуту мелькнула зловещая мысль: «А вдруг он тут притаился? Трахнет по голове топором, и выстрелить не успеешь...»

Но все же он пошел вперед, согнувшись и зорко вглядываясь в темноту.

Каменный песчаник потемнел от времени и копоти. Очевидно, этим путем не раз ходили с факелами: сажа здесь висела на паутине, как черный гарус. Воздух был затхлый, пахло плесенью и сырым камнем...

Ход вел вниз, внезапно сворачивал в сторону, круто поднимался и вновь уходил вниз, но уже в иную сторону, и вновь поднимался. Волошин поглядывал на фотоснимок. Теперь он не сомневался – серая извилистая линия действительно была планом подземного хода. Вот сейчас план показывает, что ход повернет обратно... Правильно!..

Волошин вгляделся в план. Скрещение!.. Дальше нужно идти назад, а затем свернуть влево.

Он остановился и осмотрелся. Неуютно здесь... Нужно окончательно выжить из ума, чтобы проводить в этой норе дни и ночи.

«Но как в такой сырости могли сохраниться свитки папируса и рукописные книги? – размышлял Волошин. – Приходится только верить все той же легенде о книжном тайнике царевны Зои, будто строили его в пятнадцатом веке зодчие-итальянцы, которые знали какой-то «секрет» и особый «материал» – камень, не пропускающий влаги, и выкладывали им подземные помещения, которые требовали сухости...»

Между тем ход стал очень узким и низким. Волошину пришлось теперь пробираться вперед почти ползком. Но он не забывал поглядывать на план и держал пистолет наготове. Но пока все шло благополучно. Очевидно, тайник находился в конце этого хода; здесь, на плане, он обозначен крестиком.

Вдруг Волошин остановился... Ему послышался какой-то шорох за спиной. Он оглянулся и вскинул фонарик. Никого... Он прислушался...

Шорох слышен явственно... Да нет же, это журчание... Вода?... Да, несомненно, это лепечет где-то близко подземный родник. Но где он?... Не видно...

Волошин медленно двинулся вперед, освещая фонарем и ощупывая ногой каждую пядь каменистого пола. Внезапно он увидел перед собой две доски, сбитые вместе в виде мостков. Рокот воды здесь слышался отчетливо. Очевидно, вода течет где-то под этими мостками. Вдруг Волошин остановился... Доски!. Странно!.. Хотя это можно объяснить... Рокот воды усыпляет удивление перед

внезапно появившимися деревянными мостками, а там, дальше, эти мостки внезапно опрокидываются... непрощенный посетитель проваливается в ловушку.

Волошин стоял и не решался ступить ногой на подозрительные мостки... Но другого пути не было: только вперед или назад...

Он попробовал поднять или оттащить мостки, но из этого ничего не вышло: мостки были крепко сколочены.

Волошин стал водить фонарем вдоль стен... Ничего... Только в одном месте у самого пола большой камень отошел от стены. Волошин отвалил его, образовалась дыра. Он осветил ее фонарем и увидел совсем узкий ход, даже не ход, а щель.

«Но как же поступает сам старик? Как-то ведь переходит он по этим мосткам, – размышлял Волошин. – А если...»

Он еще раз осмотрел нору за отваленным камнем.

«Эх, была не была – полезу!»

Волошин достал из кармана мелок и сделал на стене крупную подпись: «По мосткам не ходить!.. Опасно!.. Обход здесь!..» Он нарисовал стрелу, окружил новый вход десятью меловыми плюсами и полез...

Полз он минут пять. Останавливался, отдыхал, лежа на животе, прислушивался и полз дальше. Но вот наконец рука с фонарем и голова его вынырнули в просторную шахту. Волошин выполз из норы и огляделся. Мостки! Западня осталась позади! «Ай да итальянец! – подумал он. – Молодец, если это он придумал. А что там, под мостками?... Колодец?... Волчья яма?...»

Волошин пошел дальше. Он сделал тридцать – сорок

шагов, когда ход круто свернул вправо, и Волошин остановился, пораженный необычайной картиной.

В нескольких метрах от него стоял высокий, сгорбленный старик, седой, косматый, с клинообразной желтой бородой. Волошин узнал его. Это был князь Платон. Дикими, немигающими глазами глядел он на пришельца. Непокрытая голова старика чуть тряслась. Худой левой рукой он держался за косяк тяжелой дубовой двери, в правой у него был топор...

Прошла минута молчания...

– Что надо?... – спросил старик голосом резким, как скрежет ножа по тарелке.

– Вы убежали от нас... – пробормотал Волошин.

– Что надо?! – повторил старик.

Волошин уже оправился от неожиданности.

– Книги, – коротко сказал он.

– Не отдам! – отрезал старик. Он дышал часто, и голова его тряслась все сильнее.

– Успокойтесь. Давайте объяснимся... – спокойно и деловито предложил Волошин.

– Нет!

– Обещаю вам, что вы до самой своей смерти будете хранителем книг, найденных вами, а ваше покушение вам простят...

– Уходите!.. – прохрипел старик.

Волошин нахмурился:

– Я не уйду...

– Никому не дам! – истерически взвизгнул старик. – Это мое! Я нашел! Мое!..

– Эти книги принадлежат народу! – строго сказал Волошин.

– Я не знаю никакого народа! Сгинь, сатана!..

«Хорош, дьявол! – залюбовался им на секунду Волошин. – Фотоаппарат бы сюда...»

Сама древняя боярская Русь, внезапно ожившая и восстановившая из мрака прошлого, стояла перед Волошиным, перед молодой, новой Москвой. Она не понимала эту новую Москву, как не поняла когда-то Москву петровскую, и наливалась тупой старческой яростью.

Волошин сделал шаг вперед, но старик молниеносно взмахнул рукой и швырнул в него топор.

Юноша едва успел нагнуться: топор пролетел над его головой. Затем дверь захлопнулась, и загрохотал тяжелый засов. Волошин бросился к двери, навалился. Дверь стояла как каменная. Он застучал:

– Откройте!

Ни слова... Слышно, как старик ходит за дверью, шуршит бумагой...

– Откройте! – приказал Волошин.

Ни слова...

«Ломать дверь?... Чем?... Топор!..»

Волошин пошел вдоль хода, отыскивая топор.

«Вот он!.. А впрочем, нет!.. Надо позвать Руднева».

Волошин подпер дверь железным прутком и, повернувшись, быстро направился обратно.

...Тася сидела подле страшного склепа, поглотившего ее друга. Сидела окаменев, сидела уже час, а Вани все не было, и ни звука не доносилось из черной ямы.

«Неужели с ним что-то случилось?... Что, если этот страшный старик убил его?... Подстерег и убил!..»

Она вскочила и опрометью бросилась к церкви Иоанна

Предтечи... Затормошила Руднева и, не в силах сдержаться, закричала:

– Товарищ Руднев! Скорее! Он убил Ваню! Старик! Под землей! Вани нет уже час!.. Скорее!..

Руднев вскочил как ошпаренный, вместе с ним вскочил и Стрелецкий. Прибежал испуганный Анышев.

– Кто убил!.. Кого убили?... В чем дело?...

Тася кричала и торопила всех минут пять, пока наконец Руднев не уразумел, что произошло. Он взял с собой двух милиционеров и спустился в склеп... Он нашел ход в нижний туннель и понял, что Волошин сделал открытие. В нижнем туннеле все трое пошли по меловым стрелкам, оставленным на стене Волошиным. Остановились перед мостками и уже стали разбирать надпись над дырой в стене, как вдруг из этой дыры вынырнула лохматая голова Волошина.

– Живы?! – радостно воскликнул Руднев.

– Вполне, – ответил Волошин. – А вы явились кстати. Я нашел и тайник и старика. Он заперся. Нужно ломать дверь. Топор есть. Пошлите людей за ломом...

Вскоре Руднев и Волошин, а с ними и один оставшийся милиционер уже стояли перед дубовой дверью. Волошин выдернул прут и крикнул:

– Выходите! Будем ломать дверь!..

Молчание было ему ответом... Волошин взмахнул топором. Он сразу понял, что эту дверь срубить будет нелегко, но рубил, рубил, рубил... Неожиданно они почувствовали запах дыма, который, видимо, пробивался сквозь щели в двери. Руднев и Волошин догадались: старик жег библиотеку, чтобы не отдать ее никому...

– Бегите! Торопите там с ломом да захватите брезент или еще что-нибудь – огонь накрыть! – приказал милиционеру Руднев.

Тот быстро побежал по туннелю. Вскоре примчался его товарищ с ломом.

...Волошин вонзал топор в дубовую дверь, а Руднев старался просунуть в щель лом. Подземелье гудело от ударов топора и лома; из щелей уже валил густой дым, летели щепки. Волошин неистово работал топором, кромсал крепкое дерево, старался перерубить засов, на который с той стороны была заперта дверь, и боялся лишь одного: что засов этот окажется металлическим.

– Если засов там железный, все пропало, – задыхаясь, говорил он Рудневу.

– Ничего! Руби, Ваня! Мне только в щель лом просунуть, – подбадривал его Руднев.

Наконец Волошин добрался до засова и крикнул:

– Деревянный! Наша взяла!..

Он с удвоенной силой заработал топором. Засов разлетелся в щепки. Руднев рванул дверь. Едкий дым заполнил туннель. Руднев шагнул вперед, прикрывая глаза. Вдруг он услышал голос Волошина.

– Старик лежит! Он здесь! Лежит на полу!..

– Тащите его наверх! – крикнул милиционеру Руднев.

– Надо спасать книги!.. – услышал он слова Волошина и понял, что тот тушит огонь.

Волошин действительно боролся с огнем. Стащив с себя брюки и оставшись в одних трусах, он бросался туда, где взлетали сквозь дым языки огня, накрывал горящие книги брюками, топтал их ногами, хлопал руками. Позади раздался отчаянный женский крик:

– Ваня!.. Ванечка!.. Ты жив?... Где ты, Ванечка?!.

Выставив вперед руки, в тайник вбежала Тася.

– Настенька! – откликнулся Волошин. – Горят книги!.. Тушить надо!..

– Уже бегут с брезентом! – ответила Тася.

Действительно, минуты через две в тайник вбежал милиционер, волоча за собой широкий жесткий брезент из арсеналов Анышева.

– Накрыть огонь! – весело скомандовал Руднев.

Теперь дело пошло быстро. С помощью брезента Волошин, Руднев и милиционеры окончательно расправились с огнем. Тася тем временем не оставалась без дела: шаря руками по каменным полкам и по полу, она собирала в охапку полуобгоревшие книги. Собрав, сколько могла унести, она пошла по туннелю к выходу.

В подземелье было трудно дышать из-за дыма, но Руднев, Волошин, Тася и милиционеры все же дышали. Видимо, где-то была тяга для притока свежего воздуха... Дым уходил.

Погасив огонь, Руднев и Волошин стали передавать книги милиционерам, выстроившимся в цепочку вдоль туннеля.

* * *

Уже занялась заря. Возле часовни Тася и профессор Стрелецкий осматривали спасенные книги.

– Что это? – с тревогой и волнением говорил Стрелецкий, беря в руки один за другим запыленные, полуобгоревшие фолианты.

– Это церковные книги, профессор, – сказала Тася.

– Да. Но это совсем не то...

Стрелецкий раскрыл какой-то том в картонном переплете и прочел вслух:

– «Житие святого Ферапонта, можайского и лужецкого чудотворца...» Эта книга напечатана в 1912 году в Московской синодальной типографии.

Тася подняла другую книгу, лежавшую на траве. Это был часослов, напечатанный типографским способом в 1909 году. Тася еще ничего не понимала, она механически раскрывала одну за другой спасенные книги и убеждалась, что все это была обыкновенная церковная макулатура – псалтыри, часословы, молитвенники, «жития святых», современные, напечатанные в типографиях на бумаге, на русском и церковнославянском языках.

– Этого не может быть! – воскликнул встревоженный профессор. – Эти книги туда попали случайно!.. Давайте! Давайте сюда! – крикнул он милиционерам, выносившим из гробницы новые охапки книг. – Тасенька! Смотрите внимательно! Каждую книгу...

Но Тася убеждалась, что все книги были такие же.

Из подземелья вышел Волошин, а за ним и Руднев. Их, особенно Волошина, трудно было узнать. Испачканные землей и копотью, с обгорелыми волосами, с ожогами на руках и ногах, они, казалось, только что вернулись из самой гущи жестокого боя.

– Ваня! Вы обгорели! У вас ужасный вид! – Тася бросилась к своему другу. – Скорее! К врачу! Бежим!

Но расторопный Анышев уже явился с бинтом и с какой-то мазью. Тася превратилась в медсестру (для Волошина), а Анышев – в «медбрата» (для Руднева).

– Тебе больно? – с нежностью глядя на Волошина и накладывая повязку, спросила Тася, вновь неожиданно для себя переходя на «ты».

– Да нет же, Настенька! Что вы?... Что ты?... Это пустяки!

– Я чуть с ума не сошла, когда узнала, что ты там, под землей, горишь! – пробормотала Тася и даже всхлипнула под наплывом чувств.

Забыв про свои ожоги и осмелев, Волошин уже два раза поцеловал ее в горячую щеку:

– Настенька! Радость!..

– Тихо... молчи... – строго сказала Тася, ловко бинтуя разбитое колено Волошина.

– Ну, как библиотека Грозного, камрад Березкина? – окликнул ее уже забинтованный Руднев. – Небось не вся сгорела?...

Тася не ответила и с тревогой оглянулась на профессора Стрелецкого. Он стоял на коленях и внимательно просматривал спасенные книги. Тася оставила Волошина и подошла к нему:

– Ну что, Игнатий Яковлевич?...

– Это не то, что мы искали. Безумный старик, найдя тайник пустым, решил, что его разграбили, и за много лет стащил в подземелье все, что попадалось ему под руки... Не иначе... – ответил Стрелецкий.

– Значит, это не библиотека Грозного? – разочарованно спросил Волошин.

– Нет, Ванюша... – ответил Стрелецкий. – Но мы потрудились не даром. Вот здесь я отобрал старинные греческие и славянские рукописные книги, которые когда-то

хранились в монастыре. Они очень ценные. Их считали погибшими, а они вот где...

Глаза у Таси ожили:

– Значит, все же что-то нашли?...

– Нашли, Тасенька! Но самое ценное, что мы нашли, – это рукопись Кирилла Белозерского «О падающих звездах»... Это вполне научное, вполне материалистическое объяснение небесных явлений, написанное умным русским человеком в четырнадцатом веке... Существовали только копии этого труда³⁹, а сейчас мы нашли подлинник. Это очень, очень ценная рукопись...

Тася взяла в руки пачку сшитых пергаментных листов, и вдруг неожиданно из пачки выпала какая-то бумага. Тася подобрала ее, но прочесть убористую надпись на старинном русском языке не смогла и подала Стрелецкому:

– Что это, профессор?

Стрелецкий взял в руки листок, поправил очки и сразу взглянул на подпись и дату.

– Семь тысяч восемьдесят четвертый год?... Постойте!.. Где вы это нашли?...

– Вот здесь, – испуганно ответила Тася. – В Кирилловой рукописи...

– Да ведь это же грамота Бориса Годунова о библиотеке Грозного!.. – воскликнул Стрелецкий и затих, читая. – Так вот в чем дело!

Его окружили, заговорили, забросали вопросами.

– Слушайте, друзья мои! В тайнике, который мы нашли,

³⁹ Копия трактата Кирилла Белозерского была опубликована в одном из сборников, составленных вологодскими художниками в 1916 году.

нет библиотеки Ивана Грозного. Но она была здесь! Из найденного нами тайника она вывезена триста сорок лет назад боярином Борисом Годуновым, который потом стал московским царем... Вот его грамота!.. Это его подпись, я ее знаю... Слушайте!..

Все притихли.

– *«По повелению великого государя всея Руси Ивана Васильевича, – громко стал читать Стрелецкий, – яз вывез книги грецкие и иных языков, захороненные в святой обители Кирилловен, дабы купно соединить их в книгохранильнице государевой... Боярин Борис Годунов сын Федоров... Лета от сотворения мира семь тысяч восемьдесят четвертое... Мая второго в субботний день, в обители святого Кирилла».*

– Врешь! – хрипло крикнул кто-то. – Врешь, сукин сын!..

Все оглянулись и увидели, что Платон Бельский, который до того лежал распростертый и бездыханный на траве, сидит, покачиваясь, упираясь руками в траву и дико ворочая налитыми кровью глазами. Он пытался встать, но не мог. Потрясая худым, костлявым кулаком, старик хрипло закаркал:

– Это подложная грамота! Ее воры положили! Сжечь ее надо бы! Да сдуру я сунул ее в свиток.

Он перевел дух и уже не закричал, а заговорил, как во сне, качаясь, припадая на руку и хватаясь за траву:

– Я нашел старинные книги... Их разворовали... Я много лет собирал... Я нашел их!.. Они мои!.. Только мои! И ничьи больше!..

Старик пополз к разбросанным, истерзанным, как и он

сам, книгам, пополз на четвереньках, задыхаясь, плача, как ребенок, и завывая:

– Мое!.. Мое!..

Неожиданно он уткнулся лицом в траву и затих.

Руднев подошел к нему, перевернул на спину и, взяв руку, послушал пульс:

– Умер... – сказал он и осторожно опустил эту большую узловатую руку.

Стрелецкий приблизился к мертвому старику. Сурово сдвинув брови, смотрел он в широко открытые, но уже потухшие глаза человека, который вчера хотел убить его. Но даже на мертвом лице безумного старика лежала печать упрямого фанатизма, такого же фанатизма, который вот

уже сорок лет сжигал душу старого профессора и бросал его в погоню за прекрасной и призрачной тенью исчезнувшей библиотеки Грозного...

Стрелецкий склонил одно колено. Он наклонился над огромным распростертым телом Платона Бельского. Он бережно сложил ему руки на груди и прикрыл веками открытые глаза... Затем, встав и увидев, что рядом с ним стоит Тася, взволнованная, готовая расплакаться, Стрелецкий привлек к себе девушку и сказал:

– Полно, Тасенька!.. Это был несчастный человек...

– Как жалко, что она его не нашла!.. – сказала Тася.

Но Стрелецкий уже взял себя в руки. Он оглядел всех внимательно и как-то даже задорно.

– Ну что ж, друзья мои! – сказал он. – Мы не нашли библиотеки Ивана Грозного, но мы не успокоимся, мы будем искать ее...

– И найдем! – сказала Тася, поглядев на Волошина ясными вопрошающими глазами. – Правда, Ваня?...

– Не знаю, Настенька, – ответил Волошин. – Но если мы и не найдем ее, то все же узнаем, что случилось с этим пропавшим сокровищем.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В настоящую книгу вошли два научно-фантастических произведения Григория Никитича Гребнева: роман «Арктания», впервые опубликованный в 1938 году, и повесть «Пропавшее сокровище» – в 1957, затем в 1961 году – уже после смерти автора. Восторг, с каким молодежь встречала когда-то каждую новую книгу писателя, ныне утих; Гребнев считается забытым, его имени не найти в «Краткой литературной энциклопедии» (1962-1978 гг.); а голоса тех, кто советовал отыскать все рассказы и повести Григория Гребнева, рассеянные по разным сборникам, альманахам и периодическим журналам, чтобы издать Собрание сочинений писателя, никем не были услышаны; поэтому его книги, зачитанные до дыр, исчезли из библиотек.

Сразу скажем, что переиздание двух повестей Григория Гребнева – подарок молодежи, потому что это писатель с высокой научно-художественной культурой; и хотя в повестях его, – как в застывшей янтарной смоле, содержащей разные органические остатки, – видны иногда предрассудки своего времени, они не снижают эстетических достоинств произведений; в его повестях не абстрактные приключения безликих суперменов, но живые сцены, история народа, смелые гипотезы и великолепная фантазия; и это не может не радовать читателя.

Равнодушие литературоведов и издателей к творчеству писателя, пожалуй, объяснимо: во-первых, его повести остросюжетны, что с точки зрения ортодоксального реализма вроде бы означает условность событий, их как бы намеренное ускорение для сгущения действий героев, учащения кадров, рассчитанное на развлечение читателя; во-вторых, в повестях Гребнева, которые относятся к фантастико-приключенческому направлению, видна некоторая политическая заданность (дань своей эпохе!); но тем не менее повести его, как и, скажем, романы Александра Дюма, творчество Жюль Верна, Станислава Лема, Ивана Ефремова, Александра Беляева, следует судить по критериям особого жанра.

Гребнев (Грибонов) Григорий Никитич (1902-1960) родился в Одессе, в семье кузнеца; в четырнадцать лет став подручным котельщика на судовой верфи, он был и грузчиком в порту, и факельщиком, и судейским секретарем, и актером, и сотрудником милиции, а затем уже корреспондентом «Крестьянской газеты», «Гудка» и разных журналов.

Талант Григория Гребнева заметил Горький; прочитав рукопись

рассказов молодого автора, он послал ему письмо: «Вы обладаете умением писать... Если Вам трудно живется, не хватает денег, – возьмите у меня, сядьте куда-нибудь в тихий угол и – работайте. Стоит!»

Познакомясь с первой книгой рассказов Г. Гребнева «Потешный взвод», К. Паустовский отметил у писателя способность к смелой, неожиданной выдумке, крепкую сюжетность и то, что «язык его прост и точен».

Свидетель мировых событий, анархизма и революционных преобразований, военных и хозяйственных драм, заводских и семейных трагедий, Гребнев избрал свой ракурс изображения жизни. Он вступал в художественную литературу в ту пору, когда вера в науку и в ее щедрые плоды была беспредельна, когда исследования Арктики группой И. Папанина или перелет В. Чкалова через Северный полюс в Америку подавались не как научные события, а как сказочные явления, сулящие чуть ли не «манну небесную».

Мы сильно бы ошиблись, если бы попытались свести творчество Григория Гребнева к каким-то схемам; в лучших своих повестях он преодолел «социальный заказ» времени, нашел яркие краски для пропаганды межпланетных путешествий (повесть «Мир иной»), высвечивания глубинных причин фашизации общества (повесть «Южное сияние»), поднялся до историко-философских проблем в повести «Пропавшее сокровище».

Известность Гребневу принес опубликованный в журнале «Пионер», а затем вышедший отдельной книгой фантастический роман «Арктания»

О том как мелькнула мысль создать фантастическую повесть, писатель признавался – узнав в 1937 году о конкретной дрейфующей на льдине полярной станции, он тотчас в воображении представил исследовательскую платформу не в океане, а в воздухе, прямо над Северным полюсом!.. И рассказал об этом в романе. «Смысл песни был тот, что когда-то, много лет назад, на Северном полюсе поселились первые зимовщики; течения и ветры унесли льдину с четырьмя героями-папанинцами далеко к югу. Но большевики перехитрили ветры и течения: они создали над полюсом висящую в воздухе большую станцию «Арктания», которую не унесут никакие ветры и льды. И теперь на полюсе живут и работают уже не четыре, а сорок папанинцев, сорок арктанинцев».

Увидев в воображаемом мире висящую над полюсом платформу, на

которой располагаются служебные и жилые постройки, писатель придумал игровой сюжет, насытил его экстремальными ситуациями, невероятными сценами; его герои – ученые и их дети – самоотверженно борются с врагами рода человеческого, с шпионами и диверсантами; роман передает тревогу ожидания нападения фашистов на нашу страну... Сплав вымысла и реальности, сказки и предсказания, политического памфлета и реалистических сцен (герои – пионер Юра, его дедушка Андрейчик и др.), экскурс в историю гибели норвежского полярного исследователя Роальда Амундсена и ссылки на полярную экспедицию Папанина – все, как в волшебную воронку, вобрал в себя этот первый остросюжетный роман писателя.

«Арктания» не нуждается в пересказе, она увлекательна, предсказывает появление на острове Диксон большого города, радиофоны, стереовизоры, стратопланы и даже электродохи... А главное – озарена верой в сотрудничество людей разных национальностей и стран по освоению районов полярной ночи.

Готовя роман «Арктания» для переиздания, Гребнев тщательно переделал его, не увеличив объема, и роман превратился в научно-фантастическую повесть «Тайна подводной скалы» (издана в 1955 году в Вологде): в предисловии писатель сообщает: «Вдохновенный подвиг исследователей Арктики, участников не менее знаменитых ледовых дрейфов советских полярных станций «Северный полюс-2», «Северный полюс-3», «Северный полюс-4», «Северный полюс-5» и открытие подводного горного хребта имени Михаила Ломоносова побудили меня еще раз вернуться к своей «Арктании», внести в нее исправления, подсказанные временем, и использовать в своей книге результаты плодотворных изысканий советских полярников. Им и посвящаю свою повесть «Тайна подводной скалы»»

С момента издания «Арктании» в 1938 году до выпуска ее в новом варианте в 1955 году минуло семнадцать лет. Писателю хотелось успеть за научно-техническим прогрессом... По всей видимости, без доработки в ту пору роман невозможно было переиздать. Требовалось, чтобы книга «точно соответствовала» уровню научных знаний текущего момента. Григорий Гребнев не был, как Иван Ефремов, ученым, который пришел в литературу после того, как сам побывал во множестве научных экспедиций, защитил докторскую диссертацию по биологии и палеонтологии. Придирки критиков-казуистов к творчеству Григория Гребнева иногда

бывали смехотворны, и, конечно же, они огорчали его. В романе «Арктания» писатель упоминает профессора П. И. Бахметьева, но при этом дает сноску: «Бахметьев П. И. (1860-1913) – выдающийся русский ученый. Известен работами по анабиозу (анабиоз – явление оживления в видимо мертвом организме)».

Переделав роман «Арктания» в повесть «Тайна подводной скалы», Гребнев выводит Бахметьева в качестве одного из героев, намеренно «забыв» объяснить, что был-де такой русский ученый и жил еще до революции. И сразу же, по выходе в свет книги, утилитаристы кинулись «тыкать» писателю: ах, да ты кого вывел?! Какое ты имеешь право своевольничать! Ученый, работающий в области анабиоза, носит фамилию Бахметьева! Это же научная выдумка, могущая ввести читателя в заблуждение, так как П. И. Бахметьев, сделавший крупнейшие открытия в этой области, умер в 1913 году! Его последователю надо было дать другую фамилию. И жесткий приказ: «редакторам следует тщательно работать над рукописями».

Такая вот была критика.

К лучшим и значительным удачам Григория Гребнева принадлежит его научно-фантастическая повесть «Пропавшее сокровище». Написанная в годы, когда автор уже великолепно овладел всеми приемами разработки авантюрных сюжетов, стал эрудитом-историком, изысканным стилистом, знающим цену каждой фразе и снисходительно посмеивавшимся над толстыми «шпионскими» романами Шпанова, которые «продавались на вес», эта повесть заслуживает особого внимания. Умея увлечь читателя необыкновенными приключениями (как сын белоэмигранта князь Жак-Джейк Бельский, далекий потомок друга царя Ивана Грозного боярина Ивана Дмитриевича Бельского, едет из Парижа в СССР, чтобы совместно с другим авантюристом отыскать знаменитую царскую библиотеку и тайно вывезти ее за границу), живо изображая реальную Москву 50-х годов, ее быт, непрестанно поддерживая в читателе интерес к поиску книгохранилища в Москве и в одном из вологодских монастырей, включая в этот поиск, кроме иноземных авантюристов, и честного московского профессора Стрелецкого, бригадмилца Ивана Волошина, студентку Анастасию Березкину, а также майора госбезопасности Руднева, повесть заставляет нас вместе с героями преодолевать разные препятствия и обсуждать ряд интересных научно-исторических проблем.

В повести фейерверк фамилий писателей и названий их книг, но мы задержимся только на тех именах, которые имеют отношение к главной исторической теме – к поиску библиотеки Ивана Грозного.

Сам писатель ссылается на труды русских археологов, на статьи профессоров Соболевского, Кобеко, Забелина.

Проблеме книгохранилища и Царскому архиву посвящено множество исследований; назовем здесь одну лишь – книгу С. О. Шмидта «Российское государство в середине XVI столетия» (издательство «Наука», М., 1984 г.), в которой рассматриваются Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. Написанию повести «Пропавшее сокровище» предшествовала немалая работа самого писателя, не только много читавшего о царском книжном сокровище, но и поверившего в него.

По всей видимости, книжный фонд царя был разделен на две библиотеки; античные рукописи хранились где-то в недоступном даже для приближенных царя месте, а в современную библиотеку допускались лица по разрешению царя.

Григорий Гребнев приводит подлинное свидетельство Максима Грека, который, побывав в царской библиотеке, удивился и сказал великому князю, что ни в греческой земле и нигде не видел он столько книг. Максим Грек – человек авторитетный, он получил образование в Италии, затем служил в монастыре на Афоне, где, конечно же, была большая библиотека, а в 1518 году прибыл в Москву по приглашению царя Василия III, отца Ивана Грозного; он был переводчиком, собрал вокруг себя смело мыслящих людей, сам писал философские и богословские труды. Достоверность того, о чем сказал просвещенный человек Максим Грек, не подлежит сомнениям.

Стоит задержать внимание на такой фразе в повести: «А между тем она была далеко не дурочкой и уж никак не агентом папы римского. Она, так же как и ее супруг Иван Третий хотела укрепления централизованной царской власти в Москве; она путем всяческих интриг, вплоть до отравления пасынка, расчищала путь к престолу своему сыну Василию, который в глазах всего мира явился бы прямым наследником не только русского престола, но и престола Византии и Море́й, захваченных турками в те годы»

Речь идет о племяннице последнего византийского императора Софье–Зое Палеолог, дочери морейского деспота Фомы, которая в 1453 году была вывезена из осажденного турецкой армией Константинополя в Рим,

а затем просватана за русского царя Ивана III и в 1472 году приехала в Москву, стала царицей. Будучи православного исповедания, она, конечно же, до замужества зависела от милостей папы римского, но намерение кардинала Виссариона, папы Павла и царьградского митрополита Исидора через этот брак «соединить православие с латинством» если и не имело успеха на Руси, то замужество очень сообразительной Софии Палеолог дало огромные последствия для русско-итальянских культурных связей, а в конечном счете и для многовекового антитурецкого противостояния Руси и Европы. И не без умелых интриг Софьи, опершейся на церковь, царь Иван III в 1503 году покончил с соперничавшими при дворе партиями, одну из которых возглавлял наследник престола Дмитрий (сын умершего в 1490 году первенца государя Ивана Молодого), а другую – княжич Василий (сын Софьи Палеолог). Девятнадцатилетний Дмитрий со своей матерью Еленой Молдавской (кстати, склонной к европейскому просвещению и «еретическим» замыслам о секуляризации монастырских земель) был отправлен в заточение, а царем стал двадцатитрехлетний Василий, известный как Василий III.

Григорий Гребнев вкрапляет в повесть очень важные факты из истории и литературы. Профессор Стрелецкий говорит: «...— Знаем мы также примерно, из каких книг и рукописей *состояла* эта библиотека. В одной только переписке с Курбским Грозный цитирует много древних авторов. И, уж конечно, цитировал он их не с чужих слов, не понаслышке»

Опять-таки переписка царя Ивана Грозного с бежавшим в Литву от преследований царя князем Андреем Михайловичем Курбским – это особая и чрезвычайно интересная, а в немалой мере еще недоисследованная тема.

Князь Андрей Курбский был одним из ближайших сподвижников Ивана Грозного участвовал как военачальник в походе против Казани (1545-1552 годы), входил и в боярскую думу – Избранную раду, принадлежа к числу крупной и родовой аристократии, которая совместно с феодальным аппаратом управления (высокооплачиваемые руководители приказов, дьяки и подьячие, а также церковная иерархия) ограничивали волю царя, противодействовали войне за выход Руси к Балтийскому морю, за приобретение земель для молодого русского дворянства, а также для купечества, хотевшего торговать с европейскими странами. Русское войско, взявшее крепость Полоцк в 1563 году, казалось бы, открыло путь к Вильнюсу и Риге, но далее пошли военные неудачи, и князь Курбский,

командовавший войском, опасаясь гнева царя, бежал в Литву. Измена Курбского подтолкнула Ивана Грозного к тому, чтобы создать опричный удел, где организовать особый репрессивный аппарат с войском; действия опричников не подчинялись общегосударственным органам власти, были неподсудны; этот особый опричный двор отнимал земли у крупных феодалов, передавал их дворянам-опричникам, искоренял «крамолу», уничтожая старинные аристократические семьи, тяготевшие к удельной самостоятельности.

Центральные органы опричнины были сформированы из преданных царю, приближенных к нему лиц; активными проводниками репрессий против оппозиции царю были А. Д. Басманов, А. И. Вяземский, М. Л. Скуратов-Бельский и др.

Первое послание Ивана Грозного к сбежавшему за границу Андрею Курбскому отправлено 5 июля 1564 года. Послание это свидетельствует, что царь ясно обосновывает свое неограниченное единоначалие в управлении страной, то есть самодержавие.

Послание царя Андрею Курбскому позволяет нам судить не только о политике государя, но и о его образованности, о тех книгах, которые он читал и как он их понимал. При всем том, что Иван Грозный, как, впрочем, и Курбский в своих письмах, хотя и клянется безграничной преданностью «православию пресветлому», святой Троице, но с заученной точностью формулирует идеи еретиков и, быть может, самое интересное, – показывает свою глубочайшую осведомленность в эллинской философии Гомера, которую категорически не принимает.

Не в этом ли заключена причина того, что античные книги царя хранились в особом месте, ибо они могли быть источником страшного для того времени инакомыслия, прежде всего страшного для православия и для огромного церковного землевладения?! Всякая ересь возникает обыкновенно тогда, когда образованные люди начинают изучать христианский «символ веры», который был сформулирован как миф, чтобы отменить научную модель гомеровской теории о 12 богах Олимпа, то есть о двенадцати функциях организма человека.

Царь на одном из соборов сам допрашивал еретика Матвея Башкина; Иван Грозный знал, в чем заключается инакомыслие, он ведал об ученых людях, которые были уже при дворе его дедушки Ивана III, желавших отделить науку от религии, отнять земли у монастырей; многие просвещенные люди бежали в другие страны. Но время подлинного просвеще-

ния еще не пришло на Русь, и царь, видя в мыслителях изменников, сластолюбцев, наглецов, уподобившихся «эллинскому суесловию», обличал их с позиции официального православия.

«...те, кого ты называешь сильными, воеводами и мучениками, – обращается царь к Курбскому, – и что они поистине, вопреки твоим словам, подобны Антенору и Энею, предателям троянским. Выше я показал, каковы их доброжелательство и душевная преданность: вся вселенная знает о их лжи и изменах».

Очевидно, что царь знает о содержании «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, ибо называет имена героев троянской войны – Антенора и Энея. Но он знает еще больше: он точно формулирует философские принципы Гомера: «И иные многие сквернейшие языческие деяния, ибо за пороки свои они богами были признаны, за блуд и ярость, несдержанность и похотливые желания. И если кто из них какою страстью был одержим, то по этому пороку и бога себе избирал, в которого и веровал: Геракла как бога блуда, Крона – ненависти и вражды, Ареса – ярости и убийства, Диониса – музыки и плясок, и другие по порокам своим почитались за богов».

В данном случае мы цитируем послание Ивана Грозного по переводу с древнерусского языка. Важно отметить, что «эллинская наука» развивалась задолго до появления христианского богословия, она судила о структуре организма человека и его потребностях научно, не запрещая исследований, не сводя наш организм к «трем ипостасям» – телу, душе, сознанию.

Григорий Гребнев в своей повести «Пропавшее сокровище» приводит фразу царя:

«Воля божия... – угрюмо сказал Иван. Он повысил голос: – Княгиня Ефросинья и враги мои небось рады будут!.. Нет у меня наследника!.. Братца моего двоюродного, дурачка Володимера, на великокняжеский престол прочат. А землю русскую по уделам разворуют...»

Похоже, что здесь писатель процитировал второе послание Ивана Грозного князю Курбскому: «А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми извести? ...А князю Володимеру почему было быть на государстве? От четвертова уделново родился. Что его достоинство к государству, которое его поколение, разве ваши измены к нему, да его дурости?»

Князь Владимир Старицкий был двоюродным братом Ивану IV, в 1563 году, еще до начала опричнины, попал в опалу, а в 1566 году у него

конфисковали удел, сам он как представляющий угрозу царю был казнен в 1569 году вместе с женой и младшими детьми. Борьба с ветвями великокняжеской династии, с удельно-местническими интересами, с наследственно-аристократической застойностью, косностью в конечном счете была своеобразной «революцией сверху», она велась жестокими мерами и, имея прогрессивные тенденции, усилила центральную власть, возвысила дворянство, но значительно разорила и закрепостила крестьянство.

Можно сказать, что последняя повесть Григория Гребнева в полной мере отвечала «стандарту» представлений критиков 50-х годов о научно-фантастических книгах, требовавших от писателя «точного соответствия данным современной науки».

Заключая очерк о творчестве Григория Гребнева, можно задаться вопросом: мог ли писатель в своем творчестве опередить свое время, предвидеть развитие науки хотя бы на двадцать лет вперед? Могла ли, например, его идея о «висящей» в воздухе над Северным полюсом платформе-станции быть осуществлена на практике? Пожалуй, он догадывался о будущем не более чем Жюль Верн, описавший полет с Земли на Луну в пушечном снаряде («С Земли на Луну», 1865; «Вокруг Луны», 1869). Мы знаем, что ныне исследование нашей планеты ведут «не с висящих в воздухе» платформ, а с летающих вокруг земного шара космических аппаратов, с летающих станций. Но достаточно и того, что творчество Григория Гребнева, который опирался в своих повестях на научные идеи своего времени, оказало большое влияние на молодежь, на тех, кто хотел заниматься ядерной физикой или историей, космическими проектами или изобретениями; повести писателя, проникнутые патриотизмом, учат ненависти к фашизму, возбуждают страстное желание к научному творчеству и познанию мира.

Владимир Фалеев